

А.А. Формозов

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Государственное образовательное учреждение

**высшего профессионального образования
«Курский государственный медицинский универси-
тет
Федерального агентства по здравоохранению
и социальному развитию»**

А.А. Формозов

СТАТЬИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Курск – 2008

УДК 93:902(092)
ББК 63.3г

Ф 79

Печатается по решению
редакционно-
издательского
совета ГОУ ВПО КГМУ
Росздрава

Рецензент:

докт. филол. н., проф., заслуженный деятель науки РФ
А.Т. Хроленко
(Курский гос. ун-т)

Составитель:

докт. филос. н., докт. ист. н., проф. *С.П. Щавелёв*
(Курский гос. мед. ун-т)

Формозов А.А. Статьи разных лет. – Курск: ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2008. – 132 с., илл.

Издание составляют работы археолога и историка Александра Александровича Формозова, многолетнего сотрудника Института археологии РАН (Москва). Оно приурочено к 80-летию этого авторитетнейшего исследователя культуры и искусства первобытной эпохи на территории нашей страны, основоположника современной историографии российских древностей. Эти статьи и главы из рукописей книг писались в разные годы, с 1970-х по настоящее время, однако все они образуют тематическое единство — так или иначе посвящены рассмотрению судеб русской интеллигенции, условий работы ученых гуманитариев за последнее столетие. Эти тексты до сих пор не публиковались, хотя полностью были подготовлены автором к печати. Анализ достижений, противоречий и трудностей, вплоть до катастроф, случившихся на этом пути, ведется автором с беспощадной прямоотой; разнообразные наблюдения и выводы изложены увлекательным литературным слогом. Весьма поучительны раздумья ветерана отечественной науки относительно морально-этических основ научного познания, его рефлексия над собственным опытом научно-литературной деятельности за шесть десятков лет.

Для историков, археологов; а также всех тех, кто интересуется социально-психологическими проблемами развития науки; в особенности — молодых исследователей, аспирантов и соискателей учёной степени.

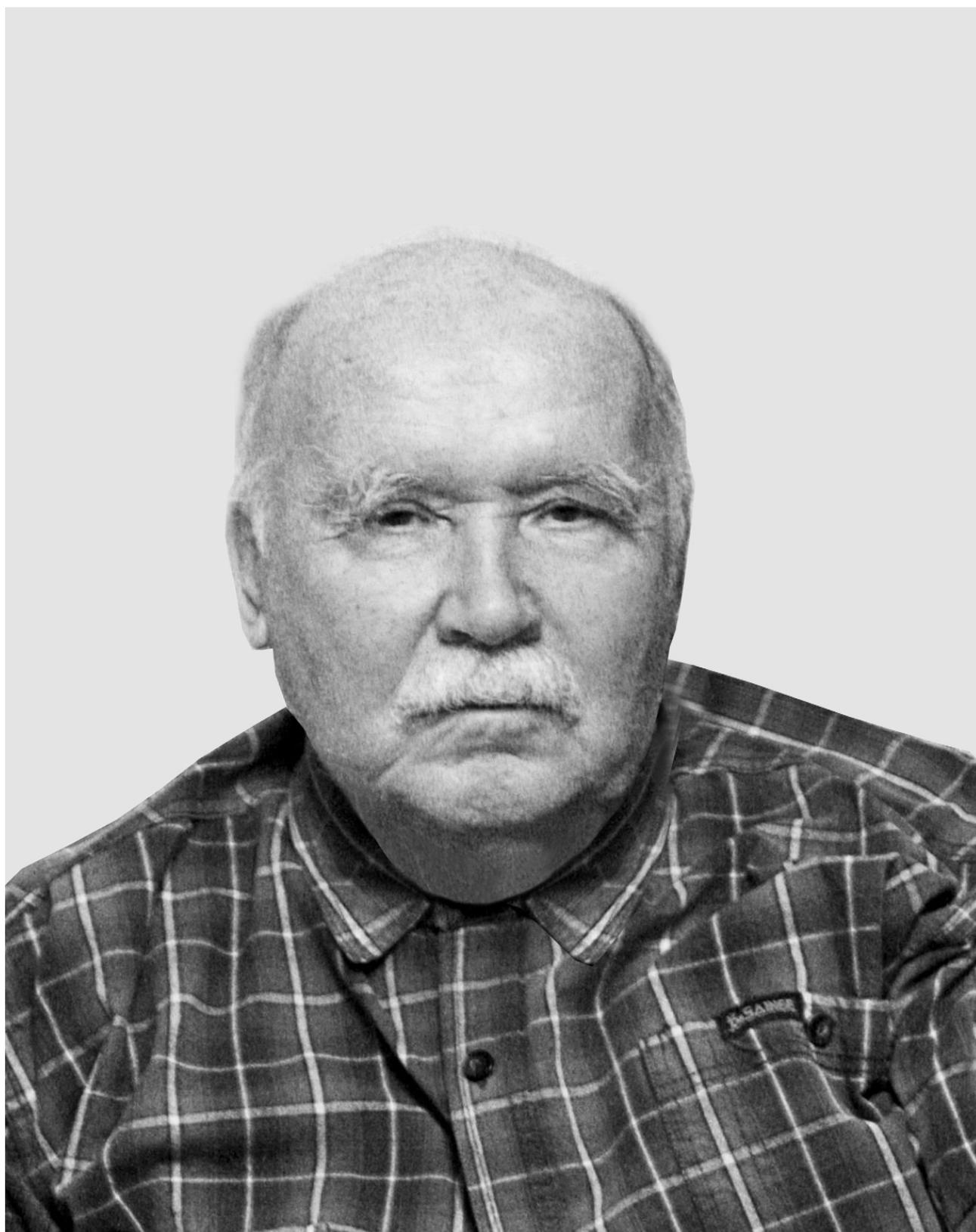
Оформление обложки М.В. Хрулова.

В оформлении обложки использовано редкое фото из архива А.Е. Алиховой (Воеводской): рабочий момент на раскопе Авдеевской палеолитической стоянки в Курской области Деснинской экспедицией под руководством М.В. Воеводского (на фото справа). А.А. Формозов — в центре. 1947 г.

ISBN 978-5-7487-1265-1

ББК 63.3г

© А.А. Формозов, 2008: текст

А.А. Формозов. 2008 г.

ОТ АВТОРА

Профессор С.П. Щавелёв предложил мне издать в Курске мои неопубликованные рукописи. Человеку, близящемуся к своему восьмидесятилетию, трудно не откликнуться на столь заманчивое предложение. Между тем я сознаю, что мои старые тексты вряд ли будут интересны всем сегодняшним читателям. Впрочем, если таковые найдутся, им будет виднее.

Вошедшие в этот сборник статьи отражают представления о месте науки и ученого в нашем обществе, складывавшиеся у меня более чем за полвека работы. Для многих моих коллег эти представления чужды. Недаром мои последние книги — «Русские археологи в период тоталитаризма» (2004, второе издание 2006), «Человек и наука» (2005), «Рассказы об ученых» (2004) — подверглись массивной критике в журнале «Российская археология» (2006, № 3). При этом ответить мне не дали.

Работы, составившие настоящее издание, писались в разные годы, но все по разным причинам не были изданы. «Заметки о русской интеллигенции» написаны в 2003 г., «Русская археология на грани XX и XXI веков» — в 1999. «К спорам о моих публикациях 2004–2005 годов» — в 2006 г. Статья о Б.С. Жукове написана в 2006 г. для издания в Нижнем Новгороде, но света пока не увидела. Здесь она дана в дополненном виде.

К этим четырем статьям я добавил три очерка из книги «Человек и наука», писавшейся в 1956 – 1976 годах и содержащей три части. Первая вышла в Москве (под таким же заглавием), вторая (под названием «Рассказы об ученых») в Курске. Обе с небольшими дополнениями в свете сегодняшнего дня. Два очерка из третьей части я перенес в эти книги. Три оставались неизданными, и я предлагаю их читателям вместе со статьями.

*А.А. Формозов.
5 марта 2008 г.
Москва.*

ЗАМЕТКИ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1940-х – 2000-х ГОДОВ

1. Герой «Золотого тельца» И. Ильфа и Е. Петрова Васиссуалий Лоханкин — карикатурный образ русского интеллигента — всё время предаётся размышлениям о судьбах интеллигенции. Это подмечено точно. Интеллигенции присуща рефлексия. Одна моя близкая знакомая находила, что мой главный недостаток в том, что я непрерывно обсуждаю, как надо поступать, вместо того, чтобы просто действовать. В ответ я говорил, что думаю не о том, как поступать, дабы заработать лишние рубли, а о том, как вести себя достойно в нашей нелегкой ситуации. Да, всю жизнь меня мучило именно это, — и в повседневной жизни, и в кабинетной работе, когда я писал об ученых XIX века, о своем отце, и, конечно, когда занялся историей советской археологии.

2. Я родился в семье научных работников. Отец — профессор Московского университета, зоолог. Мать — сперва преподавала в ряде московских вузов, затем — сотрудник Академии наук, геохимик. Научным работником был и ее брат А.Н. Промптов, известный орнитолог. При этом случилось так, что на протяжении своей жизни все они несколько меняли профиль работы. После торжества лысенковцев отец был вынужден покинуть биофак МГУ и служить в Институте географии Академии наук СССР. Кандидатскую диссертацию мать защищала по химии, докторскую — по геологии. Дядя от чистой орнитологии обратился к физиологии высшей нервной деятельности. Сам я, окончив кафедру археологии исторического факультета МГУ, занимался как археологией с раскопками, так и смежными с ней науками — антропологией, искусствоведением, литературоведением, историей России. В результате круг ученых, с которыми мне приходилось общаться, был весьма широк. Правда, всё это гуманитарии и естествоиспытатели. Физиков, математиков я знаю плохо. И всё же у меня накопилось немало наблюдений над научной интеллигенцией России лет за шестьдесят, если не более. Я застал еще остатки дореволюционной профессуры. Помню биологов Б.М. Житкова, Н.М. Кулагина; геологов Д.В. Наливкина, А.Н. Криштофовича; на истфаке слушал лекции С.В. Бахрушина, Е.В. Тарле. Значит, имею некоторое представление и об интеллигенции предреволюционной поры.

3. Не буду давать определения, что такое интеллигенция, но хочу оговорить один момент. Я считаю неисторичным употребление

таких выражений, как «древнерусская интеллигенция», «декабристская интеллигенция» и т.п. Русская интеллигенция — явление относительно позднее, окончательно сложившееся не ранее середины XIX века. Разумеется, и до того были на Руси образованные люди, прежде всего из духовенства и дворянства. Но основная сфера деятельности у всех них заключалась в чем-то другом, а в области науки они оставались любителями. Только после создания системы университетской подготовки возникли условия для сложения значительного круга людей, посвятивших себя целиком науке, преподаванию, врачебной, инженерной и т.п. деятельности и выработавших со временем свои особые идейные позиции. С Петровской эпохи, а тем более при Екатерине II и Александре I велась учебная подготовка горных инженеров, врачей, художников и т.д., что дает право говорить и о «русской интеллигенции XVIII века». Но по-настоящему интеллигенция — порождение реформ Александра II. Было отменено положение об обязательном продолжении детьми духовенства службы родителей. В университеты хлынули сыновья священников, причетников, мелких чиновников. На первых порах русская интеллигенция прежде всего разночинческая. Выпускники университетов, шедшие в земские врачи, учителя, вдохновлялись идеей служения обездоленному народу, оттесненному от культурных ценностей привилегированными классами. Эти люди призывали сверстников и учеников отдать свой долг народу, просвещая его. Идея оказалась крайне живучей и определяла многое в поведении интеллигенции уже в XX веке. Противопоставленная этой идее другая — служения истине и красоте, культуре, чистой науке — разночинцами всячески опорочивалась и нашла своих приверженцев в основном в дворянских кругах. В целом наша интеллигенция XIX века — наследница старого духовенства, не только по происхождению, но и по христианским установкам: «за други своя», «свет Христов просвещает всех»¹ и т.д. Н.К. Михайловский писал: «В нас говорит щемящее чувство ответственности перед народом, неоплатного долга за то, что за счет его воловьего труда и кровавого пота мы дошли до возможности строить ... логические выводы... Мы ... — интеллигенция, потому что мы много знаем, обо многом размышляем, по профессии занимаемся наукой, искусством, публицистикой. Слепым историческим процессом мы оторваны от народа, но мы не враги его, ибо сердце и разум наши с

¹ Ср.: Успенский Б.А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // В его кн.: Этюды о русской истории. - СПб., 2002. - С. 393–413.

ним»². Эти исходные установки разделяли люди как консервативных, так и революционных убеждений. Лишь во второй половине XX века идеи служения народу или служения науке, культуре постепенно стали выветриваться, уступая место сугубому практицизму, заботе о собственном благополучии.

4. Насколько верно звучащее сегодня, а выдвинутое еще в сборнике «Вехи» обвинение всей интеллигенции в пособничестве революционерам, в расшатывании традиционных основ русской жизни? Я с ним не согласен. Большинство профессуры было вполне лояльно по отношению к правительству, а многие придерживались крайне консервативных убеждений. Как пример первого назову А.П. Богданова — организатора Антропологического и Политехнического музеев и Зоопарка в Москве (я писал о нем в «Следопытах земли Московской»³) В качестве примера второго напомним о профессоре государственного права К.П. Победоносцеве⁴. А.И. Герцен заметил некогда, что «никто не падает в рабологии перед властью ниже, чем журналисты и ученые»⁵. Так что большевики могли позднее использовать не одни традиции интеллигентского народолюбия, но также и традиции сервилизма, приспособленчества. При всём преклонении перед словом в России, вряд ли кто поверит, что на революцию массы толкали стихи типа плещеевских: «Вперед без страха и сомненья / На подвиг доблестный, друзья / Зарю святого искупленья / Уж впереди завидел я».

Что же касается «расшатывания основ», то не забудем, что одна из задач интеллигенции — выражение общественного мнения, донесение его до власть имущих. Лев Толстой верно говорил, что крестьян освободил не Александр II, а освободили их Радищев, декабристы, петрашевцы, положившие свои жизни за благо ближних. Интеллигенция должна была отстаивать перед правительственной бюрократией интересы культуры и науки; бороться, скажем, за университетскую автономию. Угроза

² Михайловский Н.К. Записки современника (1876–1882) // Соч. Т. V. - СПб., 1997. - С. 538.

³ См. второе, дополненное издание этой книги: *Формозов А.А.* Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. - М., 2007 (Глава 3. «А.П. Богданов и широкие раскопки подмосковных курганов») — *Примечание составителя.*

⁴ См. подробнее: *Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия* / Отв. ред. А.Ю. Минаков. - Воронеж, 2005. — *Примечание составителя.*

⁵ *Герцен А.И.* Собр. соч. в 30 томах. Т. XVII. - М., 1958. - С. 142.

культуре со стороны надвигавшегося «грядущего хама» осознавалась немногими. Всех шокировали слова М. Гершензона в «Вехах», призывавшего благословлять штыки и нагайки, защищающие людей культуры от темных масс, способных ее уничтожить. Крестный отец моей матери артист Императорского Малого театра Н.М. Падарин прятал от жандармов на своей квартире Н.Э. Баумана и В.И. Ленина. Революцию устроили не интеллигенты. Первая, 1905 года, стала прямым следствием поражения России в войне с Японией; войне, затеянной не интеллигенцией, а царским правительством. Обе революции 1917 года — следствие тяжелого экономического положения страны к третьему году Первой мировой войны, затеянной опять же не интеллигенцией, а тем же царским правительством. Его тупость, консерватизм, нежелание прислушаться к общественному мнению, встать на путь реформ, в немалой степени предопределили победу революции. Воспользовались же этой победой не интеллигенты, а худшие из худших — люмпены, гунны и хамы, приход которых предвидели В.Я. Брюсов и Д.С. Мережковский.

Другой вопрос, что многих интеллигентов эти новые люди очень интересовали. Ницше, столь пленивший русскую публику на грани XIX – XX столетий, предсказывал появление «нового человека». Вот и хотелось посмотреть, что же это такое. Судя по дневникам и мемуарам Зинаиды Гиппиус, ей и ее мужу Мережковскому очень дороги были контакты с Савинковым, Керенским. Сергей Есенин, по словам В.Ф. Ходасевича, предлагал дамам сводить их к друзьям в ЧК (Блюмкину ⁶ и т.п.) посмотреть, как расстреливают. «Двенадцать» Блока надо читать в этой же связи. Готовность приблизиться к экстремистским группировкам, а не критика царизма — вот, на мой взгляд, действительная вина интеллигенции перед Россией. Аморализм «новых людей» интеллигентов не отталкивал.

5. Ситуация, наступившая после октябрьского переворота, ударила по интеллигенции, в том числе и научной, со страшной силой. Холод и голод, захват и разорение родовых гнезд, экспроприация

⁶ «Человек, среди толпы народа / Застреливший императорского посла, / Подошел пожать мне руку, / Поблагодарить за мои стихи», — писал польщенный этим Н.С. Гумилёв о левом эсере, сотруднике ВЧК Якове Блюмкине, убившем германского посла в Москве графа фон Мирбаха — *Примечание составителя.*

квартир, библиотек, коллекций, прекращение финансирования университетов, Академии наук, даже средних школ, надругательство над традициями России.

По опубликованным данным, в 1923 году на обучение одного студента тратилось в 8 раз меньше, чем в 1914 году. Расходы на образование в целом стали в четыре раза меньше. Жалование сельского учителя (того самого народолюбца) составляло лишь 17% от довоенного⁷. Всё это затронуло сотни интеллигентов. Они просто-напросто умирали от голода (См. «Солнце мертвых» И. Шмелева, «Сивцев Вражек» М. Осоргина, «Пещеру» Е. Замятина, «Взвихренную Русь» А. Ремизова). Отсюда тяга к эмиграции в поисках более нормальной жизни. Но уезжали не все. У кого-то элементарно не было к тому возможностей. Кто-то тешил себя надеждой, что постепенно жизнь наладится и «жаворонки обязательно прилетят» (М. Осоргин). Находились и такие, кто считал своим долгом «быть с своим народом там, где народ, к несчастью, был» (А. Ахматова); остаться, чтобы сохранить университеты, музеи, архивы, театры и т.п. Казалось, большевики ведут дела так нелепо, что их крах, уход неизбежны. В обожаемом столько десятилетий народе интеллигенты уже разочаровались (Слова С.Ф. Платонова, переданные А.А. Блоком).

6. Но большевики не пали, а, напротив, всё более укреплялись, и в повестку дня стал вопрос, как с ними ужиться, сработаться. Знаковым событием стало обращение И.П. Павлова к властям в 1920 году. Он с предельной определенностью говорил о гибели русской науки и русской интеллигенции после революции и просил отпустить его за границу, чтобы иметь там возможность завершить свои признанные во всем мире исследования. Власти забеспокоились. И дело не только в том, что Павлов был единственным русским лауреатом Нобелевской премии (кроме него из русских премию получил только И.И. Мечников, живший во Франции в эмиграции). Ленин в письме к Г.Е. Зиновьеву ясно объяснил, почему отпускать Павлова «нецелесообразно». Судя по тону его обращения, он и за рубежом будет резко говорить о наших обстоятельствах, чем надолго испортит репутацию новой власти в Европе и в Америке. Преступная власть боялась свободного слова, боялась правды.

Позиция Павлова резко отличалась от позиции другого академика — С.Ф. Ольденбурга. И он обращался к Ленину, и он отстаивал

⁷ См.: Эткинд А.Е. Эрос невозможного. Психоанализ в России. - М., 2003. - С. 321.

интересы Академии наук, но он не обличал, а предлагал сотрудничество. Недаром Павлов обвинял Ольденбурга в лакействе. Ленин и Луначарский совещались, как же поступить с Павловым. Привлекли к обсуждению ситуации и Ф.Э. Дзержинского с его ЧК, и Н.И. Бухарина как «главноуговаривающего», и М. Горького. Решили Павлова не выпускать, а создать ему максимально благоприятные условия для работы: дать пайки и ему, и его сотрудникам, средства на продолжение опытов, печатать его труды и одновременно истолковывать их в марксистском духе. Впечатление на окружающих это произвело. Академик А.Н. Крылов просил Павлова взять его к себе «лабораторной собакой», чтобы не помереть с голоду. Но Павлов хлопотал не о себе лично, он отказывался принять подачку, если такие же пайки не получают другие ученые. И наряду с «горьковскими пайками» — для деятелей литературы и искусства появились «павловские» — для научных работников. Павлов почувствовал свою силу и вплоть до последних лет жизни продолжал писать в верха: то возмущался разрушением церквей, то протестовал против арестов. Не слишком с этим считались. По поводу арестов Молотов ответил в стиле: «Не суйся, дурак, в то, в чем не понимаешь». Есть даже версия, что тогда Павлова просто умертвили. Но так или иначе он добился определенной независимости. В лаборатории в Колтушах делал то, что находил нужным. При поездке за границу в 1923 году отзывался о большевиках очень кисло. Это сошло с рук. Троцкий и Бухарин пытались вести диалог с академиком. После смерти Павлова власти превратили его в икону. Но показательно, что нигде мы не найдем текста его письма в правительство. Павлов был рад, что в 1930-х годах власти стали поддерживать науку, но он оставался им чужд, как и прежде ⁸. Фонд Павлова в архиве Академии наук был закрыт до 1990 года.

Когда Павлов почувствовал, что дни его сочтены, он сказал молодому, но пользовавшемуся популярностью академику-физику П.Л. Капице, что вскоре ему предстоит принять его роль. И Капица принял эстафету. К нему тоже не очень прислушивались. И всё же он добился освобождения из тюрьмы Л.Д. Ландау, защищал А.Д. Сахарова. Так наметился один из достойных путей для нашей интеллигенции: работать по собственному разумению, а властям давать ре-

⁸ См.: *Самойлов В.О.* Эволюция политических взглядов И.П. Павлова в годы советской власти // Павлов pro et contra. - СПб., 1999.

См. также: *Григорьев А.И., Григорьян Н.А.* И.П. Павлов о проблемах России // Вестник Российской академии наук. - 2008. - Т. 78, № 1. - С. 65–70.

комендации, отговаривать их от тех или иных глупостей. Увы, ученых с таким авторитетом, как у Павлова и Капицы, было мало, а большинство шло путем Ольденбурга, безропотно приспосабливаясь к требованиям тоталитарной власти.

7. Гражданская война кончилась. В 1921 году, после Кронштадтского восстания, большевики были вынуждены ввести НЭП и пойти на некоторую либерализацию жизни. У интеллигенции снова появились иллюзии. «Сменовеховцы» внушали ей: как-никак большевики сохранили страну, не допустили ее распада, народ их принял. Значит, надо с ними сотрудничать. На благо культуры, науки, национальных традиций. В.И. Вернадский вспоминал о рассказе Абуля Ремюза про китайского сановника, ставшего советником Чингисхана и спасшего тем Китай от разгрома. По мнению Вернадского, этот мандарин был морально более прав, чем те, кто обвинял его в предательстве⁹.

С другой стороны, большевики убедились, что без специалистов и поезда не ходят, и водопровод не действует. Решили подкармливать «спецов». Альянс вышел непрочен. Спецы не чувствовали благодарности и по-прежнему всё критиковали. Чтобы их припугнуть, понадобилось «Шахтинское дело» 1928 года и «Академическое дело» 1930–1931 годов, по которым расстреляли и отправили в концлагеря сотни инженеров и ученых. Властям хотелось заменить ненадежных спецов из старой интеллигенции новыми своими людьми. Отсюда и институт «красной профессуры», и преобразование вузов.

8. Овладение вузами состояло из двух элементов. Во-первых, «чистки» («Чистка сверху донизу» — лозунг Троцкого). Во-вторых, — «внедрение» нужных людей. В процессе чисток увольняли и студентов из бывших (т.е. детей духовенства, дворян, предпринимателей), и профессоров, выступавших против начинаний большевиков. Жертвами чистки 1923 года стала моя мать — дочь действительного статского советника; и жена дяди З.Н. Зачатейская — дочь священника. Потеряв ряд лет, моя мать всё же сумела получить высшее образование, а З.Н. Промптова (в замужестве) добиться этого не смогла и проработала всю жизнь на лаборантских должностях.

Одновременно в студенческую и в профессорскую среду внедряли людей с определенными заслугами перед революцией, готовых выполнять любые требования ЦК; и молодежь «от станка» и «от со-

⁹ Вернадский В.И. Я верю в силу свободной мысли // Новый мир. - 1989. - № 12. - С. 217.

хи». Первых сразу же производили в профессора, благо, по новому положению для этого не требовалось ни защиты диссертации, ни даже университетского диплома. Среди большевиков находилось некоторое число людей, получивших образование до революции. Теперь они оказались востребованы. О.Ю. Шмидт учился на физико-математическом факультете университета святого Владимира в Киеве, с 1918 года стал там приват-доцентом. После революции его «бросили на культуру». То он начальник Госиздата ¹⁰, то главный редактор «Большой советской энциклопедии», то начальник Главсевморпути, то вице-президент Академии наук. А.Д. Удальцов учился в Горной академии, но «бросили» его на медиевистику, а потом на археологию. Медику В.Б. Аптекарю доверили языкознание, юристу И.И. Презенту — биологию. Окончивший юридический факультет Казанского университета, побывавший послом в Китае Б.В. Легран оказался директором Эрмитажа, а потом заместителем ректора Академии художеств. Педагог С.Т. Шацкий возглавлял Московскую консерваторию. Конечно, эти люди были грамотнее обычных комиссаров (за что интеллигенция их ценила), но всё равно они занимали чужие места. Университетская корпорация вынуждена была их принимать. В противном случае, как свидетельствовал И.А. Ильин, грозили закрыть университет ¹¹.

А дальше начиналась всяческая демагогия: «Посаженный нам на голову NN не так уж и плох, с ним можно говорить, что-то ему объяснить, постепенно он всё поймет, сработается с нами». Этого не происходило, но демагогия прокладывала путь к власти невеждам. Учась на истфаке МГУ в конце 1940-х годов, я еще застал кое-кого из «красных профессоров» (многих из них ликвидировали в 1930-х годах). Мы, студенты, без труда отличали их от старой профессуры, но приспособленцы из наших учителей, вроде А.В. Арциховского, делали вид, что это достойные коллеги, члены единой университетской корпорации.

Со студентами-выдвиженцами всё обстояло еще хуже. Когда О. Мандельштам писал: «Наглей комсомольской ячейки и вузовской песни наглей...», он имел в виду, конечно, это новое студенчество — малограмотное, агрессивное, самоуверенное, ибо они из народной гущи, а не детки проклятых буржуев. Преподаватели-

¹⁰ Это о нем как «владыке Госиздата», отвергнувшем роман Ю. Тынянова «Кюхля», писал К.И. Чуковский.

¹¹ *Ильин И.А.* Русская академическая традиция // Советская литература. - 1991. - № 1.

приспособленцы их боялись и искали их дружбы. Так, Арциховский покровительствовал весьма темным своим ученикам П.И. Засурцеву и А.Ф. Медведеву. А.М. Беленицкий говорил мне: «Я очень уважаю Дориана Сергеева. Он на Дальнем Востоке был официантом, а стал директором Ленинградского музея этнографии».

Мой отец писал домой из экспедиций, что в поле с ним бывший боец-буденновец и недавний чекист. Никакого проку из этой публики не вышло. Чекист Рыбальчик, став директором Крымского заповедника, быстро там проворовался. Я сказал об этом в полном варианте биографии отца, и почти у всех читателей этот пассаж вызвал недовольство: как можно столь недоброжелательно и надменно говорить о людях!? Не все же рыбальчики! Вот был Авенир Томилин — совсем из простых, а вырос в хорошего зоолога.

Настроения такого рода порождены давними народофильскими установками нашей интеллигенции. В народе-де таятся тысячи Ломоносовых, не получивших возможности раскрыть свои таланты. Интеллигенция должна всячески помогать им «взять штурмом высоты науки». Так ли это? Таланты есть во всех слоях общества, и тем или иным путем они обычно находят свою дорогу. Крестьянские дети скульпторы С.Т. Коненков и А.С. Голубкина, живописец К.С. Петров-Водкин, поэт С.А. Есенин сумели выбиться в люди еще до революции. Им помогали меценаты, о которых они потом старались забыть. Условия, созданные для выдвиженцев после Октября, позволили кое-кому из народной массы получить приличное образование, приобрести специальность. Но сколько темных людей использовали свое происхождение вовсе не во благо науки, а только для того, чтобы занять выгодные места в той или иной сфере, сделать большую карьеру, не приложив усилий для серьезного овладения специальностью. А.Ф. Медведев провел раскопки в Старой Руссе и Городце, что было бесполезно, но результаты раскопок в науку не ввел и памятен в нашей среде больше как стукач, а отнюдь не как ученый. Н.И. Вавилов на первых порах покровительствовал Т.Д. Лысенко, а тот из агронома в ученого не превратился, зато стал официальным лидером советской биологии и постарался убить Вавилова руками Госбезопасности.

Это достаточно типично. Члены группы народного театра, созданного в приокском селе Страхове семьей художника В.Д. Поленова, охотно написали в НКВД донос, что Поленовы — английские шпионы и отправили их в концлагерь. Выдвиженцам внушали, что их

педагоги из «бывших» — классово им чужды, и надо не столько у них учиться, сколько с ними бороться. Да, появлялись и полезные работники, вроде того же А. Томилина, но из «простых» ли он? Отец учитель, мать — дворянка. К тому же этот знаток китов — очень узкий специалист, а не ученый с широким кругозором. Выдвиженцы в лучшем случае усваивали достаточно ограниченный круг специальных знаний, а не свойственное интеллигенции идеалистическое восприятие жизни. Это предчувствовал А.П. Щапов еще в 1866 г.: «Они требуют знаний хлебных, прямо необходимых или полезных в их промышленном быту, в их пропитании и домохозяйстве»¹².

9. В 1930-х годах, овладев вузами, большевики взялись за Академию наук и прочие исследовательские учреждения. Схема та же: внедрение своих надежных товарищей и чистки от неблагонадежных. Теперь не ограничивались простым увольнением. Дело шло к большому террору. Только в маленьком археологическом мирке было репрессировано более семидесяти ученых и около десяти из них расстреляно. Для большего контроля Академию наук перевели из Ленинграда в Москву и слили с существовавшей там с 1918 года Коммунистической академией. Члены ее — «философы» М.Б. Митин, П.Ф. Юдин и прочая шушера — стали полноправными академиками Академии наук СССР. Выборы новых академиков строго контролировались властью. Выдвигать кандидатов могли сами ученые, но дальше спускались указания, кого продвинуть, а кого забаллотировать. Со временем появились партгруппы академиков, которых обязали неукоснительно следовать этим рекомендациям.

Кое-кого из громил, спущенных в науку в 1930-х годах (С.Н. Быковского, Ф.В. Кипарисова, В.Б. Аптекаря и некоторых им подобных), убрали и расстреляли. У власти возникло желание видеть среди своих пособников респектабельных седовласых старцев в профессорских шапочках, вроде бы старомодных, но изо всех сил восславляющих великого Сталина. Эту роль с удовольствием исполняли Н.Д. Зелинский, В.В. Струве, Б.Д. Греков. Слова Герцена о сервиллизме ученых находили подтверждение на каждом шагу.

Что двигало этими людьми? Ответ не прост. Стимулов набиралось несколько. Очень силен был элементарный страх. Жутко читать следственное дело Е.В. Тарле. Он с готовностью соглашался подписать всё, что требовал следователь. Предлагал сам: вот есть такая по-

¹² *Щапов А.П.* Реализм в приложении к народной экономии // Собр. соч. Дополнительный том. - Иркутск, 1937. - С. 27.

этесса Ахматова. Не дать ли мне показания об ее враждебной деятельности? Я готов (Трусость Тарле известна с его первого ареста еще до революции). Но одного страха мало. Возникла целая идеология. Мы идем на уступки властям в малом, чтобы спасти большое — традиции русской науки, университеты, библиотеки, музеи. Дочь академика А.Н. Крылова А.А. Капица писала, что отец ее был чужд политике, считал любую власть скверной, но верил, что нужно лишь работать в своей области как можно лучше¹³. Звучит неплохо. Но верно говорил Макс Фриш: «Кто не занимается политикой, тем самым уже демонстрирует свою политическую принадлежность, от которой хотел откреститься. Он служит господствующей партии».

Так ли малы вышли уступки? Вроде бы невелики: пустые казенные фразы. На деле же речь шла не об этом, а о морально-этических нормах интеллигенции. Распад их достаточно скоро сказался во всем, в том числе и в глобальных проблемах.

Таково старшее поколение. С молодежью иначе. Она всегда жаждет обновления и самоутверждения. Случай к этому представляется. Старики или эмигрировали, или убраны. Дорога молодежи открыта. Для продвижения вперед надо лишь объявить о своей преданности марксизму. Ну что же, и заявим. В археологическом мире именно так начиналась карьера А.В. Арциховского, С.В. Киселева, С.П. Толстова, А.П. Смирнова, А.Я. Брюсова. Это о таких людях в свое время сочинили эпиграмму, направленную на В.М. Жирмунского:

Он по-марксистски совершенно
Мог изъясняться и писал,
Легко ошибки признавал
И каялся непринужденно.

10. В докладе о новой конституции в 1936 году Сталин сказал, что противопоставление партийных и беспартийных отныне снимается. Теперь-де много «беспартийных большевиков» — вполне наших людей. Классовый принцип при подборе кадров если не исчез, то заметно ослаб. Честолюбивые люди непролетарского происхождения теперь могли претендовать на руководящие роли, если доказали свою преданность сталинским установкам. «Кнут» висел над всеми, в

¹³ См. кн.: *Крылов А.Н. Мои воспоминания.* - М., 2006.

том числе и над этими людьми. Но придумали и много «пряников». Всё те же пайки, и уже не вобла и перловка, а зернистая икра и ветчина. Спецполиклиники. Курорты. Ордена. Сталинские премии. Как это привлекало людей! Рассказы из театрального мира: посредственная артистка МХАТа Фаина Шевченко предупреждала: «Если мне не дадут «народного артиста СССР», уйду из театра». Дали. Рубен Симонов: «Я народный артист СССР, а у меня нет Сталинской премии. Как это можно?» Дали за пустячный эпизод в фильме «Адмирал Ушаков». В Киеве я как-то жил в одном номере с режиссером из Одессы Злочевским. Целые дни он названивал по телефону влиятельным людям («Г.П. Юре» и прочим) и просил, чтобы поддерживали его выдвижение на «заслуженного дядя искусств». В научном мире подобные эпизоды я наблюдал при каждом выборах в Академию, при каждой смене академического начальства.

11. Предвоенная эпоха отмечена чертами реставрации. Появились запрещенные ранее новогодние елки. В Большом театре поставили оперу Глинки — пусть не «Жизнь за царя», а «Иван Сусанин», но раньше это было невозможно. Вспомнили о «великих предках» — святых благоверных князьях Александре Невском и Дмитрии Донском, о «царских генералах» Суворове и Кутузове. В 1937 году торжественно отметили Пушкинский юбилей. Интеллигенция приветствовала этот поворот к основам. Помню умиление отца в дни странного юбилея Московского университета в 1940 году (185 лет): «Даже *Gaudeamus* пели!»

12. В дни войны прежние претензии интеллигенции к власти неминуемо отошли на второй план: «У всех нас теперь общие задачи — борьба с агрессором». Историки ревностно насаждали национальный миф. Естествоиспытатели и техники работали над созданием нового оружия и способов защиты от него. Казалось, что после войны жизнь будет идти в более нормальных условиях. Но безграмотная власть по-прежнему ненавидела интеллигенцию и боялась ее. Сразу после войны начались кампании «идеологической борьбы» — эквивалент судебных процессов 1930-х годов. Та же ложь, та же наглость лиц, уполномоченных говорить от лица власти¹⁴. И всё же был заме-

¹⁴ См. публикацию вновь открытого источника о типичной проработке тех лет: Стенограмма объединенного заседания сектора истории средних веков Института истории АН СССР и кафедры истории средних веков Московского государственного университета 23 марта 1949 г.; Давидсон А.Б. Историки Ленинградского университета в разгар кампании против «низкопоклонства перед Западом» // Одиссей: человек в истории. 2007. История как

тен и некоторый оттенок смягчения системы. Не всех подвергшихся критике и проработке теперь арестовывали. Кое-кого, понизив в должности, переводили в провинцию, оставляя надежду вновь возвыситься. В основном же всё оставалось по-прежнему. Та же цензура. Те же угрозы репрессий, те же слезка и доносы.

13. После смерти Сталина у интеллигенции зародились надежды на пересмотр жестокой системы 1930-х – 1940-х годов. Но не дремала и когорта ортодоксов, упорно державшихся за свои кресла и старые методы контроля над наукой и культурой. «Шестидесятники» боролись в сущности не с КПСС как таковой, а со сторонниками сталинизма наверху и в своей среде. Власть, как и раньше, поддерживала, конечно, не приверженцев обновления, а надежных исполнителей своих приказов. Им доставались средства на исследования, командировки за рубеж, премии, пайки и т.п. Подкуп продолжался. Поощрялась борьба за преобладание между отдельными группами интеллигенции (в археологическом мире, например, противостояние московских и ленинградских ученых). В научных кругах стали складываться определенные кланы, мафии, «кодлы», имевшие «выход» на того или иного представителя власти и с его помощью продвигавшие «своих» и подавлявшие «чужих». Позиции ученых, воспитанных в духе традиционных гуманистических ценностей, порядочности, честных поисков истины, были давно подорваны. Сколько таких погибло в 1920-х – 1940-х годах. Молодежь, видя, кому открыта дорога, шла за худшими, а не за лучшими. Цинизм захватывал всё более широкие слои интеллигенции ¹⁵.

игра метафор: метафоры истории, общества и политики / Гл. ред. А.Я. Гуревич. - М., 2007 — *Примечание составителя.*

¹⁵ Сравните диалог на эту тему литературных героев: «Потому что я сам такой же. Я и о себе говорю, ... и о чудных наших приятелях, которые остались в Питере, считаются нам компанией. Все милые, порядочные люди. Не гадят в своем кругу, не делают карьеры один за счет другого. А это уже доблесть. ... Но на самом деле положиться на них нельзя. Потому что — никакие. Наверное, когда людям долго говорят одно, а потом совсем другое, это не проходит безнаказанно. В конце концов рождается поколение, которое уже не знает, что такое хорошо и что такое плохо...

– Что ж вам такого говорили?

– Ну, не нам, предкам нашим. ... Отрекись от отца с матерью, если их в чем-то там подозреваешь, забудь про гнилые родственные чувства. Потом сказали наоборот: нужно верить своему сердцу, а не верить ложным наветам. ... Ну, хорошо, а если наветы были не ложные? Действительно предкам чего-то там не нравилось. Тогда — отречься можно? Скажешь, эта ситуация вроде бы миновала. А не слышал ты, что «не нужно нам ложного чувства товарищества», а нужно перед всем коллективом выступить против лучшего друга своего? Пожалуй, не совсем миновала. ... Сначала одно, потом совсем другое. Потом опять — то же самое. И всё, черт меня дерит, с пафосом! Где уж нам разобраться. Кто там прав был — отцы

14. Успехи в области освоения космоса, атомной энергетики, огромные средства, выделявшиеся в 1960-х – 1980-х годах военно-промышленному комплексу, включавшему значительную часть науки, привлекли в ученый мир множество корыстных людей. Они боролись за место под солнцем, за длинные рубли, а отнюдь не за высокие идеалы. Разумеется, всё это прикрывалось красивыми словами, демагогией, фарисейством. Склонность к этому проходит через всю советскую историю. Уже у Блока: «Ай да Ванька! Он плечист. Ай да Ванька! Он речист». Речистые деятели были у начальства в большой цене. Отсюда выдвижение Рыбакова, Окладникова в главные начальники тогдашней советской археологии¹⁶. Постепенно овладело демагогией и фарисейством и следующее поколение.

Но с 1960-х годов подрастали внутри него и те, кто понял, что король гол. Веры в лозунги уже не было. После XX съезда КПСС несколько ослаб и страх. Появились люди, уверенные в том, что тоталитарная система может пасть уже при их жизни. Наметились две группы таких людей, условно говоря, «неославянофилы» и «неозападники». Первые хотели возврата к дореволюционному прошлому, к традициям старой России. К сожалению, эти благие намерения сочетались у них с крайним национализмом, монархизмом и даже с симпатиями к Сталину и его порядкам. Таков сейчас Валентин Распутин.

Что касается «западников», то они не учитывали огромную силу российских традиций, «необъятную силу вещей», по выражению Пушкина, пренебрегали ими и жаждали просто перенести в СССР американские и европейские стандарты. Помню, как коробили меня иные слова некоторых сугубо прогрессивных деятелей этого рода. Н.Я. Эйдельман говорил: «Что ты плачешь над судьбами крестьянства? На что оно? Идиотизм деревенской жизни нам не нужен. В США страну кормит 2,2% населения — фермеры». А Н.В. Шабуров сказал

или дедушки» (Владимов Г. Три минуты молчания. Роман. - М., 2004. - С. 210.) — *Примечание составителя.*

¹⁶ Сравним такое свидетельство начала 1930-х годов: «Из молодых выделялся Борис Александрович Рыбаков своей неумемной энергией, трудоспособностью, пробивной силой в работе и повседневной жизни. Крепко сбитая, несколько приземистая фигура, громовой голос — таким мне запомнился в те годы будущий академик и лидер археологов». — *Закс А.Б.* Эта долгая, долгая жизнь... Отрывки из воспоминаний // И за строкой воспоминаний большая жизнь... Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного Исторического музея. - М., 1997. - С. 149 — *Примечание составителя.*

в ответ на слова, что «славянофилы» как-никак остановили поворот северных рек: «Да пусть бы эту проклятую страну всю затопило».

В этой ситуации я не нашел себе места ни среди западников, ни среди славянофилов.

15. Настал 1991 год. Повторилось то, что интеллигенция пережила после Октября: прекращение финансирования культуры и науки. Нищенство и растерянность. Главное — выживание. Я уже не очень у дел, но всё же с чем-то и сталкиваюсь. Первое, что бросается в глаза, — бесстыдная погоня за деньгами. В фондах, выдающих гранты, и западных — Сороса, Фулбрайта, прочих, и наших — РГНФ, РФФИ, — закрепились «кодлы», протаскивающие «своих» и топящие «чужих». Весьма заурядные ученые оказываются обладателями десятков грантов. Второе явление — стремление прислониться к новому начальству. В.С. Ольховский ратовал за то, чтобы Институт археологии подчинялся не Академии, а Администрации президента и руководил им лично В.В. Путин. В.Л. Янин, А.Н. Кирпичников, Г.Б. Зданович наперебой заманивали президента на свои раскопки.

А так как никакой люстрации в стране не проводилось, начальство осталось старое. А.П. Деревянко — секретарь ЦК ВЛКСМ и Новосибирского обкома КПСС — поставлен в Академии во главе всего цикла гуманитарных наук. И с какой страстью кинулись прислуживать ему не только завзятые подхалимы типа А.Д. Пряхина, но и вроде бы интеллигентные люди (Н.Я. Мерперт). Молодежь приспособливается теперь не к коммунистическим лозунгам, а к денежным мешкам. Вылезают наверх вовсе не самые способные, а самые беспринципные. Никаких препон на пути наверх наша интеллигенция им не ставит.

Фальшивые защиты диссертаций с подобранными удобными оппонентами и сознательно обойденными неудобными. Никого это не смущает (Ситуация, запечатленная в пьесе Л. Зорина «Добряки»¹⁷). Недавние члены партбюро и преподаватели марксизма с легкостью переквалифицировались в «культурологов» и «религиоведов». Верность марксизму заменили верностью православию, лишь бы не потерять свое привилегированное положение. Многие гонятся за западной модой, подстраиваясь с помощью Интернета к зарубежным новинкам, не понимая их сути.

¹⁷ И публично осужденная в 2007 г. на встрече тогдашнего вице-премьера, а ныне нового президента страны Д.А. Медведева с ректорами двух десятков крупнейших вузов — *Примечание составителя.*

Отмечу еще одно обстоятельство: появление армии невежественных и бездарных, но крайне агрессивных дамочек, рвущихся на ключевые позиции в науке. Не то суфражистки, не то бизнесвумен. В нашей среде это Н.Б. Леонова, Э.В. Сайко, В.Б. Ковалевская, М.А. и Е.Г. Дэвлет. То же заметно повсюду. Н.Я. Мандельштам приводит слова В.М. Жирмунского о таких филологинях: «Они все пишут». Видим мы это и в политике (едва ли не ежедневно в новостях из «коридоров власти»), и в литературе («Авиетту» А.И. Солженицын заметил еще в «Раковом корпусе»).

Опасность наступления деятельниц такого рода не осознается. А.В. Арциховский согласился оппонировать Сайко по ее липовой докторской диссертации. В.Л. Янин всячески покровительствует Леоновой. Характерна В.И. Козенкова — член «Трудовой России» Анпилова. Сделала карьеру при дружке Рыбакова Е.И. Крупнове, стала доктором наук, издала пять-шесть плохеньких книг. Все симпатии ее в прошлом. «Моя мать — уборщица, а отец шофер. Я стала крупным ученым только благодаря советской власти». В августе 1991 года, при создании ГКЧП, с радостью говорила в институте: «Поигрались в демократию, ну и хватит!»

Как выразить отношение к подобным людям? Сталкиваешься опять же с демагогией. Я как-то сказал нечто критическое о публикациях Ю.А. Савватеева, и сразу встретил отпор окружающих: «Как Вам не стыдно! Парень вырос в вологодской деревне. Всего достиг своим упорством и трудом. А Вы, сын профессора, жили в Москве в холе и неге, белоручка, и не хотите понять, что ему в Петрозаводске в тысячу раз труднее». Я побывал в Петрозаводске и увидел, как живет Савватеев. На него работают десять художников и десять фотографов, машинистки и т.д. Несколько человек переводят для него книги с финского, шведского и норвежского. Его монографию о Залавруге напечатали роскошно в двух томах с сотнями иллюстраций. Периодически дают ему и командировки за рубеж. Ничего подобного в Москве я никогда не имел. Рисунки и фото делал всегда за собственный счет. Рукописи перепечатывал так же. Переводчиков не было никогда. За границу не пускали. В печать пробивался с великим трудом, в основном с маленькими брошюрками. И вот, почему-то считается, что я пользуюсь всеми благами, а Савватеев бьется как рыба об лед... Опять демагогия! Опять свои, классово близкие, и опять чужие, социально чуждые. Увы, даже серьезные ученые охотно верят подобной демагогии и насаждают ее повсюду.

16. Я обвиняю нашу интеллигенцию не в том, что она не выходила и не выходит на баррикады, а в том, что она не борется за науку, за высокий профессионализм, за интеллигентный стиль работы в своей сфере, внутри своих творческих союзов, своих институтов.

Предчувствую, что, как уже не раз бывало, меня опять станут упрекать в надменности, в культе элиты, в аристократическом пренебрежении к плебеям, «кухаркиным детям». Нет. Это мне никогда не было свойственно. Родители мои происходили из разночинцев, потомков мелкого духовенства, среды достаточно темной. Бабушка по отцу писала своему сыну с кучей ошибок. Никакой «голубой крови» я в себе не чувствую. Дед по матери — действительный статский советник, т.е. штатский генерал, был, на мой взгляд, достаточно пустым. Помню своего однокурсника князя В. Трубецкого, ставшего востоковедом. Он был красив утонченно-аристократической красотой, но весьма примитивен и неинтересен. Не о крови я говорю, не о родовитости и не о ничтожестве плебеев. Критерий для меня всегда был другой: в том, как человек относится к науке, к культуре. Если он служит им бескорыстно и вносит в них посильный вклад, он мне близок. Если же человек только наживается на причастности к миру культуры и науки и не дает им ничего, служа мамоне, несправедливой власти, он мне чужд и антипатичен. Коллеги мои этот критерий, видимо, не принимают. Поддержка ими корыстных темных людей изменила ситуацию в русской науке и культуре. Вряд ли это прощительно. А в основе лежали прекрасные идеи: «Все люди равны», «Мы вечные должники трудового народа и обязаны сделать всё возможное, чтобы открыть ему дорогу к высотам культуры». В итоге заботились вовсе не о тружениках, а о невеждах, рвущихся к власти, деньгам и прочим благам и ненавидящих подлинную интеллигенцию. Расхлебав ли мы когда-нибудь эту ситуацию, не знаю. Пока положение дел только ухудшается.

Интеллигенты такие же люди, как и все прочие. Всем нам свойственны и эгоизм, и трусость, и приспособленчество. Но интеллигенты с их изощренным умом, бойким пером, хорошо подвешенным языком, приспособляются иначе, чем рядовые граждане: фарисейски восхваляют то, поддерживают то, во что в душе сами не верят, способствуя насаждению лжи и зла в обществе. В этом я вижу их большую вину.

2003.

РУССКАЯ АРХЕОЛОГИЯ НА ГРАНИ XX – XXI ВЕКОВ

Тогдашний редактор «Российской археологии» В.И. Гуляев предложил мне в 1999 г. высказать на страницах этого журнала мои впечатления о современном состоянии археологии в России. Человеку, заканчивающему свой жизненный путь, трудно отказаться от такого предложения. Уверен, однако, что у многих оно вызовет недоумение.

Я никогда не занимал никаких руководящих постов. Моя полевая работа кончилась 30 лет назад. За последние годы я редко выезжал из Москвы. Есть немало молодых активных людей, представляющих себе нынешнюю ситуацию в российской археологии гораздо полнее, чем я.

В то же время кое-что оправдывает предложение В.И. Гуляева. Хотя живы и по мере сил работают десятка полтора археологов старше меня, всё же моя жизнь в археологии уже весьма продолжительна: первые мои находки относятся к 1944 году, первая публикация — к 1945. За полвека я занимался каменным и бронзовым веками; первобытным искусством и историей археологии; участвовал в раскопках в степной Украине и в Молдавии, на Среднем и Нижнем Дону, в Крыму и в Нижнем Поволжье, на Урале и в Казахстане; бывал на чужих раскопках в Сибири, Узбекистане, Грузии, Армении, Азербайджане; в Дании, Польше и Чехословакии. Наблюдений всякого рода накопилось много. Сравниваешь не только разные виды памятников, но и разные типы исследователей и деятелей науки, разные периоды в ее истории.

Некоторые мои публикации носят обзорный обобщающий характер. Наконец, приходилось мне публично высказывать свои соображения о положении дел в нашей науке.

Первый раз это было в 1972 году, когда я подал в дирекцию Института археологии Академии наук СССР записку «О состоянии первобытной археологии в СССР и в Институте археологии АН СССР». Записка опубликована не была, но получила определенный резонанс и вне стен института, попала в историографические сводки¹⁸.

В 1995 году, после падения коммунистического режима, я высказал свой взгляд на советский период развития отечественной ар-

¹⁸ Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. Т. II. - Омск, 2001. - С. 10–11.

хеологии и на ее задачи на новом этапе дважды — в микротиражной брошюре «Русские археологи до и после революции»¹⁹ и в рецензии на книгу Л.С. Клейна «Феномен советской археологии»²⁰.

Отношение к предложенным оценкам оказалось весьма разным. Если аудитория, собравшаяся на обсуждение моей записки в Институте археологии в 1973 году, была скорее на моей стороне, то в ответе дирекции института, составленной О.Н. Бадером и Д.А. Крайновым, говорилось о «полном отсутствии» у меня «понимания общих задач советской археологической науки».

После публикаций 1990-х годов возмущенную реплику прислала в «Российскую археологию» группа петербургских археологов, а А.Д. Пряхин из Воронежа вопрошал в печати: кто дал право Формозову писать в таком тоне и в таком духе?²¹ Ответу так: это право дает прожитая мною долгая жизнь, вполне обычная — с успехами и поражениями, счастливыми находками и непростительными заблуждениями. В ней была работа на благо науки — так, как я это понимал, — то более, то менее удачная; но никогда не было погони за чинами, званиями, деньгами, саморекламы, стремления угодить лозунгам минуты или сильным мира сего. Прожив без всего этого не такую уж бесплодную жизнь, я не испытываю симпатии к тем, кто отличается именно в только что названном мной направлении, и не вижу нужды скрывать это. Читатели и слушатели вправе со мной в чем-то соглашаться, в чем-то не соглашаться; могут над чем-то задуматься. Моя отстраненность от официальных кругов позволяет мне говорить о многом более прямо, чем это могут позволить себе люди, живущие в гуще жизни и остерегающиеся задеть тех или иных «нужных» и «важных» деятелей. Именно они не захотели опубликовать данный текст в момент его заказа.

Но обратимся к существу дела. С тем, что после 1991 года в жизни российской археологии многое изменилось, согласятся все. Судя по тому, что говорилось в печати, причина перемен — в резком сокращении финансирования научной деятельности: экспедиций, конференций, командировок, изданий²². Речь идет о реальном явлении, но суть проблемы видится мне по-иному.

¹⁹ *Формозов А.А.* Русские археологи до и после революции. - М., 1995.

²⁰ *Формозов А.А.* О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // *Российская археология.* - 1995. - № 3. - С. 225–232.

²¹ *Пряхин А.Д.* Археологи уходящего века. - Воронеж, 1999. - С. 7.

²² *Гуляев В.И., Беляев Л.А.* О современном состоянии археологии в России // *Российская археология.* - 1995. - № 3. - С. 97–104; *Шер Я.А.* О состоянии археологии в России // Там

В первые два десятилетия советской власти поддержки археологии свыше не было практически никакой, а наука продолжала жить достаточно интересно. После Отечественной войны ситуация изменилась. Науку стали поддерживать прежде всего как часть военно-промышленного комплекса. Доли процента от этих масштабных ассигнований перепадали и гуманитариям, благодаря чему они жили неплохо. Другой вопрос, разумно ли могли распоряжаться ученые предоставленными им средствами. Масса сил тратилась на писание бездарных «заредактированных» многотомников: «Всемирной истории», «Истории СССР», историй тех или иных республик. Сейчас эти книги уже никто не читает.

Из экспедиционных средств основная часть уходила на спасение памятников, обреченных на уничтожение при строительстве очередного канала или ГРЭС. Темп, характер работ определяли отнюдь не ученые, а строители и партийное начальство. Всё шло в обстановке спешки, аврала и обычно не завершалось полноценными публикациями. Так, в Байкальской экспедиции 1959 года участвовало много квалифицированных ученых, но почти все они были специалистами не по древностям Восточной Сибири, а совсем в других областях. Мобилизованные дирекцией Института археологии М.П. Грязнов, Н.Н. Гурина, А.М. Мандельштам, К.Х. Кушнарев, И.Б. Брашинский, Е.Н. Черных и другие выполнили порученное задание, но без всякой охоты. Неудивительно, что результаты этой большой экспедиции за сорок с лишним лет толком так и не опубликованы. Значит, ни щедрое финансирование, ни размах раскопочных работ в стране сами по себе вовсе не определяют уровень развития науки. Самых значительных результатов добивались те, кто трудился для души, по собственному почину.

После революции Ю.В. Готье писал, что в условиях разрухи, когда прекратились раскопки и издания книг, очень своевременно заняться приведением в порядок и осмыслением того, что сделано раньше²³. И мы знаем о значительных исследованиях наших археологов 1920-х годов. Достаточно назвать «Скифию и Боспор» М.И. Ростовцева. Сейчас тоже есть полная возможность заняться наведе-

же. - 1999. - № 1. - С. 217; Мунчаев Р.М. Институт археологии РАН сегодня // Там же. - 1999. - № 2. - С. 7.

²³ Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до образования первого русского государства. - М., 1925. - С. 18.

нием порядка в том, что накопано, но всерьез не обработано и не издано в предшествующие десятилетия.

Кое-кто эту возможность и пытается осуществить. Заслуживают уважения археологи старшего поколения З.А. Абрамова, В.П. Любин, С.В. Ошибкина, В.И. Марковин, М.А. Дэвлет, С.А. Плетнева, Г.Ф. Никитина и другие, выпустившие за последние годы при поддержке грантов монографии, подведшие итоги проведенных ранее работ.

Особо надо выделить фундаментальные труды В.В. Седова — «Славяне в древности», «Славяне в средневековье», «Древнерусская народность», другие, включая ряд их переизданий.

В той же связи нельзя не приветствовать развернувшуюся под руководством Ю.А. Краснова и его преемника А.В. Кашкина работу по изданию выпусков «Археологической карты России».

Ценные труды по археологии издали и ученые среднего поколения Л.А. Беляев, Г.П. Гайдуков, А.Е. Леонтьев, Н.А. Макаров, М.Б. Щукин и целый ряд других авторов.

С другой стороны, наблюдается явный спад научной активности, состояние глубокой апатии, охватившее определенную часть наших археологов. Прекратились продолжавшиеся на протяжении 120 лет исследования ценнейшего комплекса позднепалеолитических стоянок в Костенках. Н.Д. Праслов и М.В. Аникович не удосужились подготовить отчеты по раскопкам в Костенках более чем за 20 лет, с 1982 года, хотя в данный момент появилось достаточно времени, чтобы систематизировать эти материалы.

В 1995 году состоялся международный конгресс в связи с 50-летием открытия Авдеевской палеолитической стоянки на реке Сейме²⁴. Продолжавшую раскопки в течение немногих лет после смерти М.В. Воеводского его ученицу М.Д. Гвоздовер, автора 30 с небольшим заметок, всячески прославляли, объявили «всемирно известным ученым»²⁵, — тогда как материал сравнительно небольших по объему работ за 50 лет так и не введен в научный оборот. Нет монографии. Не издан план поселения, нет характеристики его культурного слоя. Г.П. Григорьев, возглавивший раскопки стоянки с 1970-х годов, после М.Д. Гвоздовер, почти ничего об этих исследованиях не

²⁴ Стоянка открыта за несколько дней до начала Отечественной войны, но ее исследование действительно началось после окончания войны — *Примечание составителя.*

²⁵ *Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П.* Историки Курского края. Биографический словарь. - Курск, 1998. - С. 28.

издал. После защиты докторской диссертации в 1980 году он не опубликовал ни одной солидной работы, ограничиваясь тезисами и рецензиями.

Точно так же, после защиты докторской диссертации в 1985 году ничего кроме тезисов не выпустил Ю.А. Савватеев, хотя как директор Института Карельского филиала РАН он обладал определенными возможностями, а изучение петроглифов не требует особых финансовых затрат. Они открыты всем, и эстонские краеведы под носом у Савватеева нашли новую интересную группу петроглифов при впадении Водлы в Онежское озеро. Монография об этом памятнике вышла в Англии, а не у нас.

Таким образом, наблюдающийся спад археологической активности не связан напрямую с сокращением финансирования научной работы. Горы накопанных ранее коллекций никого не привлекают. Люди по большей части пассивны, но, как мы видим на примере Авдеева и ряда других памятников, совсем не прочь устроить шумиху вокруг давнишних открытий и нажить капитал на чем-то, далеко не бесспорном.

Это еще одно новое явление в жизни современной российской археологии. В погоне за средствами, за внешним успехом создается видимость бурной деятельности, сенсационных открытий, организации новых учреждений якобы сугубо современного профиля. Все мы видели, как вполне рядовые учебные заведения переименовывались в «лицей», «колледжи», «гимназии»; обычные провинциальные педагогические институты реорганизовывались в «классические университеты», а то и в «академии»; как открывались всё новые и новые «общественные» Академии наук ²⁶.

Между тем от любого учителя вы услышите жалобы на упадок системы среднего образования в стране. Появление отдельных лицеев с преподаванием латинского языка, бальных танцев и правил хорошего тона не компенсирует потерь в других, гораздо более важных областях. Лет 12 назад в Москве был один университет. Сейчас в Мо-

²⁶ Так, в составе Курского государственного университета открыта не лаборатория археологии, а сразу «Институт археологии юго-востока Руси», штат которого насчитывает нескольких сотрудников, в том числе одного доктора и одного кандидата наук — *Примечание составителя.*

скве и в Московской области их более 50²⁷, а ведь даже в МГУ явно не хватает высококвалифицированных преподавателей.

У нас в Институте археологии РАН висело объявление об открытии уникального Археологического колледжа во главе с Г.Н. Матюшиным. Выпускникам обещали выдать лицензию на право раскопок в Европе, Азии, Африке и Америке. Года через два об этом учреждении и слуха не стало. Говорят, что число новых академий в России достигло 800. Тут и Академия естественных наук, и славянская, и народная, и гуманитарная, и петровская, и информатизации (бывшая Мосгорсправка), и православная, и прочая, и прочая. Казалось бы, увеличение числа научных учреждений должно радовать, но перед нами что-то иное. В новых «академиях» нет ни лабораторий, ни библиотек, ни архивов, ни штата научных сотрудников. Есть лишь группа лиц, выдающих друг другу за известную плату академические дипломы и патенты на «открытия». Пересмотрев списки новоявленных академиков, мы должны будем признать, что среди них преобладают люди с не совсем безупречной научной репутацией, а то и никак к науке не относящиеся. То, что мы видим, связано вовсе не с развитием знаний, а исключительно с удовлетворением честолюбия определенной категории деятелей науки, с пусканием пыли в глаза.

Не всем удастся стать даже такими академиками, но не беда. Появились и другие возможности, вроде скоростного прохождения в доктора наук. Особенно отличилось в этом в начале 1990-х годов Сибирское отделение РАН. Было решено провести в доктора сравнительно молодых людей, напечатавших по несколько десятков статей, не требуя с них рукописи диссертации или печатания книги, а удовлетворившись «обобщающим докладом». Начали со своих, новосибирцев. Ю.И. Холюшкин стал доктором за обзор 42 своих публикаций, включая тезисы. За ним последовали представители других городов: Н.Н. Дроздов из Красноярска (51 публикация, включая, разумеется, тезисы); В.В. Бобров из Кемерово (49); Л.Н. Корякова из Екатеринбурга (31 вместе с теми же тезисами).

Такую спешку оправдывали тем, что в крупных городах должны быть свои лидеры-археологи. Но дело свелось лишь к ускоренному получению казенных бумажек, а не к повышению уровня научной квалификации. На достигнутом никто из поощренных не остановил-

²⁷ Пример для провинции: совет ректоров высших учебных заведений полумиллионного по населению города Курска включает в себя ныне руководителей 34 вузов — *Примечание составителя.*

ся. Бобров и Дроздов — профессора, заведующие кафедрами. Корякова — представитель всех стран СНГ в Международном европейском археологическом союзе.

Эта тенденция нашла поддержку в петербургском Институте истории материальной культуры после его отделения от Института археологии РАН. Там столь же ускоренными темпами провели в доктора наук более десяти сотрудников, частью вполне заслуженных, частью еще себя по-настоящему не зарекомендовавших.

Москвичи в этом отношении были более осторожны, но постепенно уступили общей тенденции. На некоторых новых докторов просто стыдно смотреть. Вот, скажем, защита докторской диссертации Н.Б. Леоновой на кафедре археологии МГУ. Диссертация претенциозно называется «Современное палеолитоведение», хотя речь в ней идет всего лишь о скромном применении автором давно известного опыта планиграфического анализа культурного слоя на двух очень бедных находками стоянках — Каменная балка I и II. В автореферате указано, что монография под тем же названием выходит из печати. С 1994 года это обещание не выполнено. Остальные 20 публикаций автора представляют собой маленькие статьи в «Кратких сообщениях Института археологии» и подобных сборниках. Специалистов по палеолиту в составе кафедры археологии МГУ нет. Следовало бы переадресовать диссертантку в Институт археологии или Институт истории материальной культуры — учреждения с авторитетными коллективами специалистов по палеолиту. Но нет. Оппонентами выступили специалист по истории стеклоделия Ю.Л. Щапова и Н.Я. Мерперт, никогда палеолитом не занимавшийся. Два специалиста по палеолиту, прислав положительные отзывы, на защиту не явились. Зачем всё это нужно, я не понимаю. Но, видимо, кому-то нужно. Теперь Н.Б. Леонова оппонирует по очень плохим диссертациям уже и в Институте археологии.

Итак, перед нами в целом ряде случаев только видимость работы, видимость успехов, видимость движения науки вперед. Мнимые гимназии, мнимые университеты, мнимые академии, мнимые профессора, доктора наук и академики. Можно посмотреть на всё это с предельной снисходительностью. Люди, едва сводящие концы с концами со своей скудной бюджетной зарплатой, стараются тем или иным путем улучшить свое материальное положение, а товарищи по работе считают себя обязанными им помочь, во всяком случае — не мешать.

Волнует не столько такой взгляд на судьбы людей, сколько судьба самой науки. Мы видим здесь те же тенденции, а это уже далеко не безобидно.

Широкую известность получили за последние годы исследования поселения бронзового века Аркаим в Челябинской области. Памятник, бесспорно, интересный, заслуживающий изучения и осмысления. Ни то, ни другое по сути дела еще не завершено. Зато развернута мощная рекламная кампания. В печати фигурируют «Русская Троя», «Древнейший центр индоевропейцев», «Аркаимский период русской истории». В буклетах на английском языке, напечатанных Г.Б. Здановичем, изображен ряд любопытных предметов. Таковы своеобразные каменные статуэтки. Ни одна из них не происходит из Аркаима. Это случайные находки, может быть, и совсем другого возраста. Тут же показаны бронзовые изделия, но и они не из Аркаима, а из курганов. Говорится о глинобитной архитектуре, но следов ее нет; о знакомстве обитателей поселения с письменностью (обосновывается этот ответственнейший тезис единичной находкой опять же не из самого Аркаима — костяной пластиной с невнятными нарезками).

Г.Б. Зданович и его соратники (в рекламу Аркаима активно включилась и Л.Н. Корякова) всё время говорят о «Стране городов», вольно или невольно подменяя основные понятия. Сравнительно крупное поселение с элементами укрепления — далеко не всегда еще город; совокупность таких поселений — отнюдь не всегда доказательство существования особой страны, государства, цивилизации.

Создав шумиху вокруг Аркаима, Г.Б. Зданович добился многого. К памятникам подведены асфальтовые дороги с особой подсветкой. Штат экспедиции приближается к сотне человек. Ей помогает и областная администрация (на нашей земле — памятник мирового значения!), и уральское казачество, и православная церковь, и мусульманское духовенство (ведь тут истоки всего нашего, нашей религии!). С экскурсией здесь побывал сам президент В.В. Путин. Реальные же плоды научных исследований новоявленной «Страны городов» не так велики. Предварительные очерковые публикации²⁸ пока не получили продолжения и развития. Интересующихся чаще отсылают к журналу «Техника — молодежи» или к тезисам²⁹.

²⁸ Зданович Г.Б. Аркаим. Арии на Урале и несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. - Челябинск, 1995.

²⁹ Кореняко В.А., Кузьминых С.В. Наука и паранаука в современной археологии // Российская археология. - 2007. - № 2. - С. 174–177.

Избранный круг археологов несколько раз приглашался на Аркаим, но странным образом демонстрировались им не раскопки, а лишь реконструкции древних жилищ, построенные сотрудниками экспедиции. Насколько обоснованы эти реконструкции, неясно. Спорить и сомневаться как-то неловко, тем более приехавшим в Аркаим на средства, предоставленные Г.Б. Здановичем и Л.Н. Коряковой, сумевшей получить деньги и из-за рубежа. Гостям остается только кланяться, благодарить и восхищаться³⁰.

Другой пример: в Кемеровском университете организован центр по изучению первобытного искусства, хотя поблизости есть лишь одна маленькая Томская писаница. Создан даже музей первобытного искусства. Состоит он почти целиком из муляжей и слепков предметов, хранящихся в других городах. В Кемерове проведено два международных конгресса по первобытному искусству. На всё это нашлись средства, хотя в те 1990-е годы мы достаточно часто видели на экранах телевизоров голодных кузбасских шахтеров, стучащих своими касками по асфальту. Как сочетается одно с другим? Кемеровские археологи — активные, напористые, не слишком обремененные чувством ответственности перед народом, сумели пробиться к местной администрации и убедить ее создать этот вызывающий много вопросов центр.

Всё это, очевидно, вполне соответствует законам рынка. Надо уметь «раскрутить» себя и свое дело. Кто преуспел, тот и прав. Но при чем тут наука — т.е. поиски истины? Можно, вроде бы, радоваться интересу публики к раскопкам в Челябинской области или к петроглифам, вызвавшему прямо или косвенно рост числа археологов и археологических учреждений в стране. Но недаром Суворов говорил: «Не числом, а умением». Добывают деньги на раскопки и на

³⁰ Вот новая публикация об этом памятнике, лишней раз подтверждающая скептическую позицию автора: «В Челябинском госуниверситете состоялась презентация книги Геннадия Здановича и Ии Батаниной «Аркаим — Страна городов. Пространство и образы». На торжественной встрече присутствовали ученые-историки, археологи, все, кто принимал участие в исследовании Аркаима и внес вклад в выпуск издания. ... «Современная жизнь должна опираться на фундамент — на прошлое, на опыт предков. Только так мы можем идти вперед», — сказал Геннадий Борисович. Так совпало, что накануне этого события «Почта России» выпустила почтовый штемпель, посвященный 20-летию открытия памятника Аркаим. Таким образом, презентация состояла из двух частей: собственно знакомства с книгой и церемонии спецгашения» (*Озорнина Е.* Образы Аркаима // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. - 2008. - № 11 (981). - С. 22).

Как видим, опять вместо ученой дискуссии — презентации со спонсорами; вместо научной конференции — демагогия об актуальности опыта «индоариев» в сегодняшней России — *Примечание составителя.*

издания вовсе не самые талантливые, а самые пробивные. В науке появились аферы, вполне аналогичные знаменитой фирме «МММ» Сергея Мавроди или «шахматной столице мира» Элисте Кирсана Илюмжинова.

Рост числа археологов вызывает ту конфронтацию, борьбу за перспективные районы исследований и интересные памятники, каких (во всяком случае, в таких масштабах) не было раньше. За изучение Ханты-Мансийского национального округа развернулась ожесточенная схватка между екатеринбургскими и томскими археологами. Район в истории культуры — глубоко периферийный, хотя изучать, конечно, надо и его. Но думают не о том. Это газовый район, очень богатый, и екатеринбуржец Е.М. Беспрозванный (автор одного из вариантов нового закона об охране памятников, к счастью, не принятого) заявляет, что в Ханты-Мансийском округе тысячи ценнейших археологических объектов — значит, на исследование их нужны миллионы и миллионы рублей.

Хуже всего показали себя крымские археологи. Они то захватывали стоянку Староселье и поливали грязью ее исследователя³¹, будто таким путем можно оправдать свои сомнительные поступки, то устраивали настоящую провокацию против исследователя Пантикапея В.П. Толстикова, чтобы отдать его под суд за «вывоз культурных ценностей Украины» и захватить Пантикапей в свои руки. Протеста коллег оба эпизода не вызвали. Пожалуй, и то, и другое уже не аферы, а действия, граничащие с бандитизмом.

От афер естественен переход к лженауке. Все мы знаем о широко пропагандируемой чудовищной по невежеству «новой хронологии» математика А.Т. Фоменко и его соратников. Книжки, построенные на заведомо ложных основаниях (не только исторических, но и астрономических), постоянно выходят в хорошем оформлении и большими тиражами. Фоменко стал академиком РАН, получает поддержку от ректора МГУ академика В.А. Садовниченко. Кое-где «новую хронологию» преподают в школах.

Появилась целая серия книг по истории Отечества, написанных с ультранационалистических позиций.

³¹ См. подробнее: *Формозов А.А. Вокруг стоянки Староселье // Формозов А.А. Рассказы об ученых. - Курск, 2004. - С. 90–106 — Примечание составителя.*

О тех, что увидели свет в Татарстане, Башкирии, на Северном Кавказе, не раз в печати говорил В.А. Шнирельман³². Ничем не лучше обойденные им книги русских шовинистов В.М. Кандыбы, Л.Ф. Золина, В.М. Гоборева, А. Асова и многих прочих. Вся эта псевдонаучная продукция вносит невероятную путаницу в представления широкого круга читателей об отечественном прошлом.

Журнал «Российская археология» обязали напечатать постановление Отделения исторических наук РАН по этому поводу. Способно ли это хоть что-то изменить? Надо противопоставить псевдонаучной литературе серию хороших научно-популярных книг по археологии. Меж тем научно-популярная серия издательства «Наука», основанная сразу после Отечественной войны С.И. Вавиловым, прекратила свое существование. Грантами РГНФ и РФФИ научно-популярная литература не поддерживается (академическая премия за лучшую научно-популярную статью года дела не меняет).

Свободна ли наша академическая наука от влияния псевдоученых? Увы, нет³³. Г.Ф. Никитина выражала мне восторг по поводу откровений Фоменко. Доктор исторических наук и академик РАН В.Е. Ларичев не только продолжает развивать свои фантастические идеи о палеолитических мифах, основанные на предметах, никогда не бывавших в руках человека и выдаваемых им за палеолитические статуэтки, но и связал себя с оккультизмом. На очередных «Рериховских чтениях» в Новосибирске он читал перед большой аудиторией письма, полученные им с того света от Н.К. и Е.И. Рерихов...

Выпускник кафедры археологии МГУ кандидат исторических наук Ю.А. Шилов опубликовал несколько псевдонаучных книг о древнейшей истории. Сперва он подвизался на Украине, получил отпор ученых, был уличен в фальсификациях материалов раскопок. Потом он перебрался в Москву, стал академиком православных наук и печатает свои новые произведения уже в России. Украинский нацио-

³² Шнирельман В.А. Наследие советской археологии // Российская археология. - 1996. - № 2. - С. 216, 224.

³³ Вот еще один из множества примеров тому. Близкая к фантастике книга о кочевниках южнорусских степей: Галкина Е.С. Тайны русского каганата. - М.: Вече, 2002 («Тайны земли русской»). Это издательство в указанной книжной серии публикует сугубо псевдонаучные сочинения ультранационалистов. Указанная «работа» не только защищена в качестве докторской диссертации, но и рекомендована к повторной публикации ВАКом в числе лучших диссертаций: Галкина Елена Сергеевна. Кочевая периферия восточных славян и Древней Руси: этносоциальные процессы и политогенез // Бюллетень Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации. - 2008. - № 1. - С. 26–27 — *Примечание составителя.*

нализм сменился у него ультрароссийским. Остальное всё без изменений — фантазии и фальсификации.

Меня настораживают два мероприятия, связанные уже непосредственно с Институтом археологии РАН: семинар М.Ф. Косарева и занятия палеоастрономией. М.Ф. Косарев работает в археологии лет 40, издал полезные книги о древностях Сибири. Он вправе вести семинар. Проблема астрономии в древности после исследований Стоунхенджа поднята в зарубежной науке, должна осмысляться и на нашем материале. Пусть будут и семинары, и конференции по палеоастрономии, но когда среди докладчиков появляются лица типа Ю.А. Шилова или А.Г. Кифишина, читающего мезолитические петроглифы Приазовья как перевод с шумерского языка³⁴, это уже отнюдь не безобидно. Сам М.Ф. Косарев опубликовал совместно с Кифишиным статью о черепках со знаками из Горбуновского торфяника. Конечно, и горбуновцы писали по-шумерски³⁵.

Говорят, что после многолетнего господства догматизма нужны смелые поисковые работы, творческая мысль, пусть порою бьющая через край. Л.А. Новикова пыталась организовать семинар под девизом: «Ври, что хочешь». Встав на такую дорогу, мы придем вовсе не к расцвету науки, а утратим лицо академического учреждения. Впрочем, на дворе сейчас «эпоха постмодернизма». А для этого течения понятия научной истины вообще не существует.

Особое и очень тревожное явление — распад научных связей, обособление отдельных археологических центров, утрата единого научного пространства России. Что-то из происходящего можно понять. Археологи Владивостока могут доехать до Москвы или Петербурга, лишь заплатив огромные деньги. Мало у кого они есть, да и с кем, собственно, консультироваться в столицах по своей тематике? Не вернее ли обратиться к археологам США и Японии, забыв о соотечественниках?

Но есть вещи совершенно непонятные. Съездив в Краснодар, И.С. Каменецкий привез несколько номеров ежемесячного журнала «Древности Кубани». Организаторы его не сочли нужным пригласить никого из столичных археологов, работавших в Прикубанье не один год, ни в члены редколлегии, ни в число авторов, ни просто прислать

³⁴ См.: Потемкина Т.М., Косарев М.Ф., Юревич В.А. Археoaстрономия. Проблемы становления // Российская археология. - 1998. - № 1. - С. 235.

³⁵ Косарев М.Ф., Кифишин А.Г. Глиняные таблички Горбуновского торфяника // Жертвоприношение. - М., 2000. - С. 269–277.

в подарок хоть один номер, ни предложить подписаться на журнал. В столичных археологах кубанские ни в какой степени просто не заинтересованы.

Археологи Новосибирска и Екатеринбурга ³⁶ ставили вопрос о выдаче открытых листов на раскопки не в Москве, а представителями местной администрации со сдачей отчетов ей же, минуя столицу. Археологи Татарстана пытались это осуществить. Написать обобщающую работу, когда отчеты о раскопках будут разбросаны по множеству центров, станет совершенно невозможно.

Вернемся к книжной теме. В разных городах страны книг по археологии выходит сейчас много. Есть среди них и пустые, вроде упоминавшихся выше «Археологов уходящего века» А.Д. Пряхина — перепечатки его уже изданных славословий сильным мира сего и другим «нужным людям». Но есть и немало полезных публикаций, о которых должны знать все археологи. Между тем сделать это становится всё труднее.

Сейчас в библиотеке Института археологии РАН почти нет новых археологических изданий (например, украинской «Археологии»). Нет очень многих книг и сборников, опубликованных на периферии; их нет даже в Российской государственной библиотеке (бывшей «Ленинке»). Частные издательства не считают нужным посылать туда обязательные экземпляры. Но не находят нужным информировать коллег о своей работе и иные периферийные археологи.

Показательны в этом отношении люди, защитившие диссертации в Институте археологии РАН. Не так давно здесь получили докторские степени В.С. Горбунов из Уфы (по книге, изданной там офсетом) и В.В. Никитин из Йошкар-Олы по обобщающему докладу. Не получив авторефератов, я пошел в библиотеку. Своих работ в тот институт, который помог им стать докторами наук, оба автора не подавали. Книгу Горбунова в Российской государственной библиотеке я нашел, но из книг Никитина части не оказалось и там, как не оказалось и большинства перечисленных в его автореферате сборников статей, вышедших в Йошкар-Оле, Чебоксарах, Сыктывкаре и т.д. Те, что я сумел разыскать, содержали только тезисы. Я.А. Шер справедливо писал, что тезисы нельзя считать полноценной научной рабо-

³⁶ И еще целого ряда областных центров Российской Федерации — в ответ на критические замечания Отдела полевых исследований Института археологии РАН — *Примечание составителя.*

той ³⁷. Ведь там нет главного для такой работы — системы научных доказательств.

Создается впечатление, что диссертанты типа Горбунова и Никитина или просто не понимают, что такое научная деятельность, или сознательно идут по весьма сомнительному пути. Научные работники публикуют не для того, чтобы раздуть список ученых трудов автора и повысить его престиж, а для коллег, которые могли бы воспользоваться результатами его труда или в чем-то его поправить и дополнить. Защита без книги или рукописи диссертации — но со ссылками на публикации, большинству коллег недоступные, — чистая фикция.

Опять же кое-то видит цель происходящего в том, чтобы археологические центры в Уфе или в Йошкар-Оле имели своих лидеров, дружественных Москве. Но контакты, как правило, как-то сразу обрываются. В.С. Горбунов — уже профессор — издал книгу о себе с панегирическим очерком своей биографии, написанным вездесущим А.Д. Пряхиным. Институт археологии РАН заказал Горбунову раздел о срубной культуре для многотомной «Археологии». Раздел так и не написан. Горбунову он теперь явно ни к чему, но торг ведется: «Напишу, если хорошо заплатите».

Разрыв связей очень заметен при организации научных конференций. На созванные В.М. Массоном конференции «Майкопский феномен в истории культуры» (1991) и «Традиции российской археологии» (1996) я приглашен не был, хотя выпустил монографии по той и другой проблемам. Не пригласили и многих других московских археологов. В своей обобщающей статье по археологии Кавказа В.М. Массон не упомянул мою книгу «Каменный век и энеолит Прикубанья», выводы же ее спокойно приписал другому лицу, более нужному. В списке участников майкопской конференции я с удивлением увидел В.С. Горбунова, прочитавшего доклад об абашевской культуре в Башкирии. При организации историографической конференции в ответ на недоуменные вопросы молодых петербуржцев, почему не приглашен Формозов, В.М. Массон отвечал, что вся конференция проводится в пику Формозову. Основные доклады делали В.М. Массон и Г.Н. Матюшин. Оказывается, этот последний — президент существующего якобы уже 150 лет Русского Археологического общества. То, что оно прекратило свое существование еще в 1929

³⁷ Шер Я.А. О состоянии археологии в России // Российская археология. - 1998. - № 1. - С. 217.

году, располагаясь до того времени в Санкт-Петербурге, а «Общество» из десятка человек, собранное с бору по сосенке через 70 лет Матюшиным, находится в Москве, и выпустило сборник «Древности», одноименный книжной серии Московского, а не Петербургского общества, никого не смущает. При данной ситуации Матюшин нужнее Формозова.

Из двух конференций по первобытному искусству в Кемерове я был приглашен только на вторую — при условии, что я приеду за свой счет и оплачу издание своих тезисов. Одновременно ряду лиц, весьма далеких по своим интересам от первобытности (например, специалисту по истории славян В.Я. Петрухину) или только начинавшим работу по тематике конференции (Е.Г. Дэвлет), проезд туда и обратно возместила конференция, и требований заплатить за публикацию тезисов к ним никто не предъявлял. Могу понять, что В.М. Массону, А.И. Мартынову, Я.А. Шеру я лично не симпатичен, и они не хотят видеть меня среди участников «своих» конференций. Но можно ли в таком случае говорить о нормальном научном сообществе, обсуждающем совместно сложные проблемы в той или иной интересующей специалистов сфере? Возобладали тенденции к чему-то совершенно другому; к тому, что на просторечии именуется «междусобойчиком».

Новые археологические центры не хотят иметь дело со специалистами из столичных городов, всё больше обособляются, варятся в собственном соку. Не сомневаюсь, что повсюду делается что-то полезное, но в развитии местных центров нередко собственно научная сторона дела оттесняется на второй план показухой, расцветом бюрократии. Хочется иметь собственных академиков (хотя бы пресловутой РАЕН — среди ее членов Мартынов, Холюшкин, Шер и другие), побольше своих докторов наук и т.д. Должно быть, кое-кому в этом и видится суть демократии: все теперь на равных правах. Но не могут быть равны старый и молодой, больной и здоровый, образованный и необразованный, одаренный и бездарный. Нужно обеспечить равные возможности, а не стремиться к формальному бюрократическому росту «всё выше, и выше, и выше...»

Бюрократия — еще один бич нашей жизни. Дирекция Института археологии дала мне возможность подзаработать, включив в комиссию по проверке списка археологических памятников, подлежащих федеральной охране. Заплатили нам очень хорошо, но я с удивлением узнал, что мы (В.В. Седов, И.С. Каменецкий, В.И. Гуляев и др.) чис-

лимся «субподрядчиками», нанятыми Институтом природного и культурного наследия России при Министерстве культуры Российской Федерации. Квалифицированных археологов у них нет ни одного, но собранные там случайные люди и выдаются за основных исполнителей проделанной другими работы, получая основное вознаграждение.

В министерстве культуры существует даже некая дама — «Главный археолог России». То же и на местах (А.А. Чубур, например, объявлял себя «главным археологом города Курчатова»). Что это, как не знаменитое щедринское «средостение»?

Как видим, в жизни современной российской археологии намечилось немало такого, что настораживает, беспокоит, а порой и возмущает людей старшего поколения, привыкших думать прежде всего об интересах науки. И всё это отнюдь не результат малого финансирования науки. Скорее можно удивляться, откуда берется столько средств у обнищавшего государства на весьма сомнительные предприятия.

В условиях экономического кризиса российская археология выстояла. Книг по данной тематике выходит больше, чем до 1991 года. Число открытых листов, выдаваемых Отделом полевых исследований, сократилось было, но не очень сильно и понемногу вновь стало набирать рост, а в последние годы достигло рекордного числа. В 1994 годы выдано 625 листов, в 1995 — 745, в 1996 — 784, в 1997 — 748, в 1998 — 787, в 1999 — 824, в 2000 — 927, в 2001 — 953, в 2002 — 962, в 2003 — 1112, 2004 — 1209, 2005 — 1252. Как видим, за десять последних лет рост более чем двукратный.

Видимо, речь должна идти вовсе не об экономическом кризисе в нашей науке, а о кризисе иного рода — духовном, моральном. Чем болеет вся Россия, тем же больна и отечественная археология. Симптомы болезни общие — аферы, показуха, бандитизм, распад единого культурного пространства на обособленные регионы. При этом действия коллег, даже граничащие с преступлением, не встречают осуждения в нашем сообществе, а порой и поощряются.

Истоки волнующих нас явлений уходят в 75-летнее господство исходно аморального коммунистического режима в стране. Об общечеловеческих ценностях приказано было забыть. Понятия «стыд», «совесть», «порядочность», «добросовестность» упразднились как заведомо устаревшие. Допустимо только то, что нужно и выгодно сейчас, в данную минуту. Кто не с нами — тот против нас. Не сдаётся —

уничтожим. На этих установках воспитано несколько поколений советских людей.

После победы в Отечественной войне у нас был культ науки. Космос! Атом! Премии! Много корыстных людей привлекала престижная непыльная работа. Потом пришло разочарование. Чернобыль! Путч! Дефолт! Говорилось, что наша жизнь строится по строго научным основаниям. К какому экономическому провалу мы пришли, все видят. Отсюда откат масс от науки. К религии, всевозможным сектам, псевдонауке.

Тем, кто некогда пришел в научную среду с целью самоутверждения, для получения высоких окладов, премий и чинов, поздно начинать жизнь заново. Они держатся завоеванных мест, стараются продвинуться дальше, по-прежнему задают тон. Остатки старой, идеалистически настроенной интеллигенции вымерли. Пытающиеся продолжить ее линию выглядят в глазах большинства смешным анахронизмом.

Падение престижа науки в обществе, сокращение финансирования ее, имеет и свои положительные стороны. Корыстных людей в науку идет теперь меньше. Зато бескорыстным выбиться в люди стало еще труднее. Им не хватает средств просто на поддержание своего существования, не говоря уже о приобретении собственного жилья, бытовой техники, полноценном отдыхе. А ведь сплошь и рядом молодым людям надо думать еще и о том, как поддержать стариков родителей, как растить детей. Книжки, компьютерная техника, билеты в театры и на концерты, поездки в другие культурные центры — безмерно дороги. Где уж тут получать хорошую общекультурную подготовку!?

Некогда А. Эйнштейн писал: «Храм науки — строение многосложное. Различны пребывающие в нем люди и приведшие их туда духовные силы. Некоторые занимаются наукой с гордым чувством своего интеллектуального превосходства. Для них наука является только тем подходящим спортом, который должен дать им полноту жизни и удовлетворение самолюбия. Можно найти в храме и других: они принесли сюда в жертву продукты своего мозга только в утилитарных целях. Если бы посланный Богом ангел пришел и изгнал из храма всех людей, принадлежащим к этим двум категориям, то храм бы катастрофически опустел»³⁸.

³⁸ Эйнштейн А. Физика и реальность. - М., 1965. - С. 8.

Я отнюдь не призываю к очищению храма науки от честолюбцев и корыстных людей. Они всегда были, есть и будут. К.С. Станиславский, говоря о двух категориях артистов — «любящих искусство в себе» и «себя в искусстве», — вовсе не утверждал, что только первые — хорошие актеры, а вторые — непременно плохие. Но близки его сердцу были именно первые. Так смотрю на дело и я, имея в виду не искусство, а науку. Я не за чистки, но за трезвый взгляд на то, что происходит, за право высказать этот взгляд с трибуны или в печати. Мне кажется, что подобный взгляд со стороны способен улучшить общую обстановку в науке, помочь оступившимся встать на ноги.

После шести десятилетий работы с чувством горечи могу констатировать, что большинство коллег мою позицию не разделяет.

Вот уже упоминавшаяся выше книга В.И. Матющенко о сибирской археологии 1960-х – 1990-х годов. Там он счел нужным выделить специальный параграф о морально-этическом климате в археологии. По его мнению, всё тут у нас обстояло прекрасно. Доказательство: никто никогда ни на кого не писал доносы. В столь категорическом утверждении позволительно усомниться, но дело не только в этом. А бесцеремонный произвол сильных мира сего (для Сибири А.П. Окладникова)? А расправы с неудобными (примеры таких жертв для Сибири — М.В. Воробьев, Я.А. Шер, А.Д. Грач, Е.Е. Кузьмина)? А плагиат в разных формах: и прямой (письмо С.М. Васюткина о присвоении его работы М.Ф. Обыденовым, несмотря на достаточную убедительность, не было опубликовано в «Российской археологии»), и распространившаяся манера использовать труд «негров» при подготовке своего очередного опуса. На пяти книгах о петроглифах Елангаш на Алтае первым автором указан А.П. Окладников. Между тем он не только не принимал участия в полевом исследовании этих древних рисунков, но вообще даже рядом с ними никогда не был. Таковую же манеру унаследовали некоторые ученики академика.

Матющенко упомянул, что при обсуждении в Ленинградском отделении Института истории материальной культуры докторской диссертации А.И. Мартынов не встретил поддержки, и глубоко возмущен этим. А ведь суть дела заключалась в том, что один и тот же текст был подан А.И. Мартыновым как часть его докторской диссертации, а его женой Г.С. Мартыновой как ее кандидатская. Кем же надо возмущаться? Теми, кто совершил сомнительный поступок, или теми, кто заметил его и постарался противодействовать?

Известно, что в 1980-х годах работала специальная комиссия по проверке материалов, публиковавшихся В.Е. Ларичевым в качестве палеолитических изображений. Комиссия, очень авторитетная (П.И. Борисковский, В.П. Любин, З.А. Абрамова), пришла к единодушному выводу: Ларичев выдает за палеолитическую скульптуру камни, не имеющие следов искусственной обработки. О том же писали М.П. Грязнов (учитель Матющенко), А.Д. Столяр, А.Н. Рогачев. И как же оценен этот эпизод в книге Матющенко? А вот как: «История с «разоблачением» взглядов В.Е. Ларичева в сибирской археологии представляется не лучшей страницей». Ведь он «один из талантливых ученых, способных проникнуть в святая святых древнего разума»³⁹. Итак, снова плохи те, кто заботится о чистоте науки, а человек, выпустивший антинаучные публикации, оправдан и вознесен. Это и есть то, о чем я говорил выше: противодействия отрицательным явлениям в нашей науке нет. Есть скорее их поощрение.

В каком же направлении движется сейчас наша наука? Распространено стремление сохранить статус кво, помочь старым товарищам по работе выжить в нынешних трудных условиях. На пенсию можно как-то свести концы с концами, если одновременно поступает институтская зарплата. И более половины сотрудников Института археологии — люди, достигшие пенсионного возраста, благодарны дирекции за то, что их оставляют на работе.

Взгляд молодежи на происходящее, вероятно, совсем иной. У нее нет ни пенсий, ни льгот, положенных пенсионерам; нужно искать приработок: преподавать в школах, репетиторствовать, стоять за прилавком в уличных палатках, грузить ящики; всё, что угодно, только не то, что поможет повышать свою научную квалификацию. А мало-мальски прибыльная работа менеджерами разного рода почти не оставляет времени и сил для занятий наукой.

Можно ли мечтать о дальнейшем сохранении статус кво, когда всё вокруг так радикально изменилось? Не хватает средств на раскопки, на издание их результатов. Такие интересные края, как степная Украина, Крым, Молдавия, Закавказье, Средняя Азия, даже Сибирь и Дальний Восток, перестали быть местом исследований нашего института. Очевидно, надо думать об изменении его профиля, превращении его в Институт археологии Восточной Европы. Но для этого ничего не делается.

³⁹ Матющенко В.И. Триста лет истории сибирской археологии. Т. II. - Омск, 2001. - С. 61, 63.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов многие возлагали надежды на то, что возрождение контактов с зарубежными учеными поможет отечественной археологии быстро занять достойное место в мировом научном сообществе. Круг людей, сумевших за последнее десятилетие побывать за границей, по сравнению с брежневскими временами заметно расширился. Прекрасно, что наши коллеги смогли посмотреть некоторые коллекции, посетить чьи-то раскопки, увидеть своими глазами пещеру Ляско. Но собственные работы они пишут в старом духе. Свободное владение разговорным английским, недоступное большинству из моего поколения и распространенное в нынешнем, увы, легко сочетается со слабым представлением и об археологии в целом, и о культуре вообще.

Те, кто предпочел расстаться с родиной (П.М. Долуханов, М.В. Житомирская, А.М. Лесков, Л.И. Тарасюк, А.М. Хазанов, М.М. Штиглиц, В.Р. Кабо, М.М. Казанский), может быть, достигли неплохого материального обеспечения, но в научном плане ни в чем особенном себя не зарекомендовали.

Мы столкнулись и с далеко не бескорыстным отношением иных зарубежных археологов к культурному наследию России, и с nepозволительным в приличном обществе обращением с коллегами. О том, что произошло со стоянкой Староселье, упоминалось выше. История эта не окончена. После трех сезонов раскопок в Староселье, быстренько выпустив книгу об этом, Э. Маркс (из Далласа) переместился в Португалию. Но, оказывается, он всё равно считает Крым своей территорией и намеревается при первой возможности развернуть раскопки мустьерских стоянок под Белогорском. Протесты исследователя этих памятников — Ю.Г. Колосова во внимание не принимались. Он уже стар, на пенсии, в крайнем случае, можно переждать несколько лет.

Издатель нового немецкого журнала «*Eurasia septentrionalis antiquae*», Г. Парцингер сознательно игнорирует археологов из основных наших центров, предпочитая публиковать сырой материал из раскопок сотрудников провинциальных музеев, а затем трактовать его по собственному разумению. (См., например, его монографию по тазабагьябской культуре, ни одного памятника которой автор не видел).

Россию такие люди склонны воспринимать лишь как сырьевой придаток Запада. Традиции российской археологической школы для них не существует.

Некоторые надежды связывали у нас с возрождением православной церкви. Прекрасно, что прекратилось варварское разрушение

храмов, что изучение великолепных памятников церковной архитектуры, фресок, иконописи, произведений прикладного искусства, связанных с культом, теперь не только не запрещается, но поощряется. Однако взаимоотношения церкви и науки складываются далеко не просто. Помощи ученым со стороны отнюдь не бедной церкви нет. Напротив — то тут, то там возникают конфликты. Это и стремление вернуть церковные здания, после революции отданные музеям, без всякой заботы о собранных в этих музеях коллекциях; и требования вернуть церкви иконы, спасенные в страшные годы музейными работниками и ставшие украшением художественных собраний. Резон в этих требованиях есть, но мы знаем, чем иногда кончается их выполнение. Возвращенные церкви комплексы, вроде Ново-Спасского монастыря в Москве, вовсе не используются по прямому назначению, а сдаются в аренду коммерческим структурам. Некоторые полученные церковью из музеев икон, даже XII века, исчезли неизвестно куда. Патриархия противится включению в список музеев федерального значения музея в Новгороде Великом, надеясь забрать оттуда содержимое монастырских ризниц. Ставится вопрос о полной передаче Сергиевского историко-художественного музея Сергиевой лавре с превращением научно-просветительного учреждения в монастырское древлехранилище⁴⁰.

Пока что безусловный прогресс наблюдается только в компьютеризации археологии. Хорошо, что наша молодежь освоила новые технические средства, облегчающие систематизацию и классификацию накопленных коллекций и установление связей с коллегами по всему миру. Но как человек, может быть, уже остановившийся в своем развитии, я пока не вижу, к каким же важным историческим выводам привело применение компьютера. Попыты, появившиеся в печати (М.Г. Мошкова с сотрудниками, анализировавшие сарматские памятники Нижнего Поволжья), подверглись серьезной критике. Действительно, предшествовавшая компьютерной обработке чисто археологическая часть исследования проделана отнюдь не безупречно.

⁴⁰ См. еще на эту тему кн.: *Мусин А.Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. - СПб., 2006; а также рецензию на это издание: *Хорошев А.С.* // *Российская археология.* - 2008. - № 1. - С. 170–172 («В ходе первой приватизации общество лишилось средств производства. Вторая уничтожит культурное наследие России. Подобное развитие вполне вероятно в условиях хронического недофинансирования сферы охраны культурного наследия, сводимого к 15% необходимых потребностей»).

Я не удивлюсь, если читатель этих заметок скажет: вот несносный характер! Всё то он вечно недоволен. Был недоволен и в 1972 году, недоволен и тридцать лет спустя, после кардинальных изменений в жизни страны. Это так, но ведь идеальной ситуации вообще никогда существовать не может, ибо науку делают люди, а люди не ангелы и всегда в чем-то ущербны. У каждого из нас избыток «лишних человеческих» качеств: изрядная доля эгоизма, честолюбия, приравнувшись к окружающим, стремлении не ввязываться в конфликты, получить желаемый результат сразу, сейчас, а не в итоге кропотливой работы. Это было, есть и будет. Проблема заключена в том, умеют ли люди контролировать свои чувства, сложилась ли некая система, способная хоть в какой-то мере сглаживать борьбу самолюбий, мешать корыстными устремлениями и т.д.

После падения коммунистического режима, устранения ряда сковывавших общество ограничений многие стали жить по принципу: теперь всё позволено. Серьезного противостояния этой тенденции нет.

Нелепо рассчитывать на административный контроль. Высокое начальство в науке не разбирается. Ему легко заморочить голову всякими псевдосенсациями. Не надо надеяться и на то, что «заграница нам поможет». Надо полагаться исключительно на самих себя, на научное сообщество. Исцелится общество — исцелится и археология.

Цель науки всё та же: приближение к познанию истины. Человек для этого плохо приспособлен: он склонен увлекаться, ему хочется сразу решить все вопросы, он торопится, чересчур зависит от окостеневших традиций или, наоборот, гонится за преходящей модой, приспособливается к сильным мира сего. Серьезному ученому нужно обладать очень развитым чувством самоконтроля, а далеко не все к этому способны. Высшие контрольные функции должно осуществлять научное сообщество. Если оно сформировалось естественным путем, а не оформлено административными приказами, можно надеяться на нормальное развитие науки. Если всё обстоит иначе — перспективы плохие. Не сомневаюсь, что всегда будут появляться люди, работающие с чувством высокой ответственности, не за страх, а за совесть. Они-то и двигают науку вперед. О своей надежде в первую очередь на таких «отдельных личностей» некогда говорил Чехов.

Заключение мое большинству, несомненно, не понравится. Нам, археологам, надо быть поскромнее, не раздувать искусственно бур-

ную археологическую деятельность в стране, а действовать по принципу: лучше меньше, да лучше.

Выявление, изучение и охрана нашего культурного наследия остается задачей большой важности. Но проблема национальных взаимоотношений, специфики отдельных народов еще важнее в нашей многонациональной стране. В брежневские времена утверждалось, что национальный вопрос в СССР решен. Всё, что происходило с конца 1980-х годов, опровергало этот тезис. Этнографии нужно расширять сферу своего влияния. А ведь этого нет.

Археология в послевоенные годы была в чести: госпремии, большие средства на раскопки. Это привлекало и привлекает к ней до сих пор. Любой, даже малообразованный начальник что-то слышал о раскопках, сенсационных находках и готов хоть в чем-то содействовать археологам в своей вотчине. Я не за то, чтобы это эксплуатировать.

Нужно, чтобы профессионально подготовленные археологи были во всех субъектах Российской Федерации, чтобы они следили за охраной памятников, спасали их, хорошо хранили коллекции, классифицировали и изучали их. Пусть эти археологи, как и столичные, пишут книги, защищают диссертации, заботятся о росте своего рейтинга, престижа и т.д. Но всё это возможно и без шумихи, псевдосенсаций, псевдоакадемий и прочей погони за внешними успехами.

Полезно, что в Кемерове есть свой археологический центр. Кузбасс — интересный и слабо исследованный район. Но археологам из Кемерова незачем объявлять об издании первой русской археологической энциклопедии, о превращении Кемерова в центр изучения скифо-сарматской археологии или первобытного искусства. Там нет для всего этого необходимых кадров. Разработка местных материалов важнее, и не нужно бояться, что это воспримут как возвращение к краеведческому уровню. На местном материале можно решать важнейшие вопросы истории общества, хозяйства, этногенеза, духовной культуры.

Итак, я склонен относить все трудности, испытываемые сегодня археологией, не к недостаточному финансированию, а к морально-этической сфере.

Лев Толстой говорил: «Для того чтобы положение людей стало лучше, надо, чтобы сами люди стали лучше. Это такой же трюизм,

как то, что для того, чтобы нагрелся сосуд воды, надо, чтобы все капли его нагрелись»⁴¹.

Но могут ли люди стать лучше? Не утопия ли это? Прожив долгую и вовсе не безоблачную жизнь, я наивно продолжаю в это верить. Не часто, но всё же не один раз мне приходилось видеть не отдельных людей, а по крайней мере группу их — часть общества, жившую не по законам корысти и эгоизма, идеалистически, альтруистично.

Я не был на фронте, но был достаточно большим, чтобы в дни Отечественной войны работать и жить в среде, где народ, идя на колоссальные ограничения своих потребностей, трудился сверх сил ради защиты своего Отечества.

Сын зоолога, я наблюдал борьбу русских биологов с лысенковщиной. Люди разного возраста, разных школ, партийные и беспартийные, сумели сплотиться и противодействовать антинаучному диктату верхов, спасли честь русской биологии, рискуя жизнью, по крайней мере — лишением свободы и работы.

Я высоко ценю коллектив Института истории материальной культуры 1940-х – начала 1950-х годов. Там собрались очень разные люди с непростыми взаимоотношениями между собой. И всё же они смогли найти пути к совместной работе ради возрождения русской археологии после коммунистического разгрома 1929–1933 годов и жестоких потерь в дни Отечественной войны.

В отличие от многих участников телевизионных передач в августе 1999 года, я вовсе не стыжусь того, что восемью годами раньше стоял в толпе у Белого Дома. Собравшиеся там не искали выгоды для себя, чем-то и рисковали и были воодушевлены надеждами на будущее (пусть и несбывшимися).

Я верю, что люди, во всяком случае, лучшая часть из них, способны объединяться ради высокой цели. Много их не будет, «малая группа», говоря языком социологов. Но если такое небольшое сообщество возникнет, не всё потеряно. Поступательное движение науки не прекратится.

⁴¹ Толстой Л.Н. Правительству, революционерам и народу // Полн. собр. соч. В 50 тт. Т. 36. - М., 1936. - С. 308.

К СПОРАМ О МОИХ ПУБЛИКАЦИЯХ 2004–2005 ГОДОВ

«Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное зерно».

Р. Бёрнс.

Собирая с 1950-х годов материалы о прошлом отечественной археологии, об археологии советского периода, я смог говорить в полный голос лишь в дни «Перестройки». В 1990 году я дважды выступил с докладом о переломе в развитии нашей науки на грани 1920-х – 1930-х годов — в Москве на семинаре по истории науки под руководством А.П. Огурцова в Институте философии АН СССР и на конференции «Проблемы истории отечественной археологии» в Ленинградском университете. И в той, и в другой аудитории доклад был воспринят положительно. Опубликовали его в 1993 году в журнале «Вопросы философии» (№ 2).

В Институте археологии РАН, где я служил с 1951 года, эту статью также сочли своевременной, упрекая меня в том, что я не отдал ее в свой журнал «Российская археология» (из редколлегии которого меня вывели в 1988 году).

На основе этого очерка я подготовил более пространный текст «Русские археологи до и после революции», включив его в рукопись книги «Человек и наука». На заседании отдела неолита и бронзового века Института археологии РАН, где я тогда работал, она была обсуждена. Рецензенты Н.Я. Мерперт и В.И. Гуляев высказали сомнения в целесообразности публикации книги. Но на В.И. Гуляева она произвела впечатление и, отправившись как вестник новой России читать лекции в университетах США, наряду с курсами «Марксизм и археология», «Археология Америки в марксистском освещении», он прочел и курс по истории советской археологии на основе моего очерка. Вернувшись в Москву, Гуляев сказал мне, что этот курс вызвал больший интерес, чем два других, и предложил мне издать его в США за нашими двумя подписями. Я отказался.

В 1991 году коммунистический режим пал. Чувствовалась необходимость в пересмотре исходных позиций нашей археологии. Польза работы в области истории археологии была признана новым директором Института археологии РАН В.П. Алексеевым (Его предшественник на этом посту Б.А. Рыбаков это направление объявлял ненужным). Правда, заявив о необходимости развития историографии в своей программной статье в журнале ⁴² и выделив в нем не существовавший ранее раздел «Из истории науки», директор тут же вывел меня из состава редколлегии. Некоторые статьи, увидевшие свет в новом разделе, содержали явные ошибки и сомнительные утверждения (например, статьи С.Н. Бибикова о П.П. Ефименко и Г.А. Бонч-Осмоловском).

В 1992 году после смерти В.П. Алексеева я был вновь привлечен к работе в журнале, именовавшемся уже «Российская археология», но не в составе редколлегии, а как член редсовета.

Редактор журнала В.И. Гуляев и ответственный секретарь В.С. Ольховский, недавние члены КПСС, теперь готовы были поддержать человека из круга шестидесятников, воспользоваться его разработками. Благодаря этому я опубликовал в журнале серию статей по истории советской археологии ⁴³. Но даже тогда они проходили в печать не без сложностей. Мои оценки титулованных персон вроде П.Н. Федосеева и таких археологов, как А.Н. Бернштам и В.И. Равдоникас, требовали убрать, а когда я отказывался, снабжали статьи примечаниями, что редколлегия не разделяет взгляды автора ⁴⁴.

Сомнения вызвала статья об археологах — жертвах репрессий. В.И. Гуляев долго ее придерживал и требовал сильно сократить, ибо большинство названных мною лиц якобы никому не известно. Вроде бы журнал должен был быть заинтересован в том, чтобы сообщать именно о неизвестном, а не о том, что известно. Почему некоторые

⁴² Алексеев В.П. Древние общества. Взаимодействие со средой. Культура и история // Советская археология. - 1991. - № 1. - С. 12.

⁴³ Формозов А.А. Книги об отечественных археологах // Российская археология. - 1993. - № 4; *Его же*. О периодизации истории отечественной археологии // Там же. - 1994. - № 4; *Его же*. О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // Там же. - 1995. - № 3; С.В. Киселев — советский археолог 1930-х – 1950-х гг. // Там же. - 1995. - № 4; *Его же*. К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // Там же. - 1996. - № 3; *Его же*. Русские археологи и политические репрессии 1920-х – 1940-х гг. // Там же. - 1998. - № 3; *Его же*. М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Там же. - 1999. - № 3; *Его же*. О Татьяне Сергеевне Пассек // Там же. - 2003. - № 3 — *Примечание составителя*.

⁴⁴ Российская археология. - 1995. - № 3. - С. 225.

имена неизвестны? Потому, что их носили бездарности, или потому, что этим людям не дали реализовать себя?

При всех этих сложностях в связи с новыми установками в планы института включили издание двух серий: «Антология советской археологии» и «Очерки истории отечественной археологии». Инициатором первой был В.И. Гуляев, стремившийся прежде всего показать достижения советской археологии. Меня привлекли к составлению «Антологии», но я видел ее задачи в другом: переиздать забытые, но значительные старые публикации; продемонстрировать разнообразие подходов к нашему очень непростому для понимания материалу; напомнить о некоторых видных ученых, чьи заслуги перед наукой замалчивались в советские годы. Разногласия между составителями «Антологии» были доведены до сведения директора Института археологии. В.П. Алексеев заявил, что Формозова к этой работе надо допускать с большой осторожностью, а редактором трехтомника лучше назначить не его, а Н.Я. Мерперта. Так и было сделано. Каждый из составителей написал предисловие к одному из томов.

Предисловия к первому и третьему томам составлены, соответственно, Н.Я. Мерпертом и В.И. Гуляевым в целом в панегирических тонах. Мною ко второму тому — в более критических. Вряд ли случайно мне выделили период не самый спорный из сорока лет, рассмотренных в «Антологии», — предвоенные годы.

«Очерки истории отечественной археологии» я составлял единолично. Я привлек авторов из Москвы, Петербурга, Ташкента, Саратова, Кирова, Курска, Мурома; опубликовал статьи, освещавшие замалчивавшиеся ранее эпизоды из истории нашей науки.

Все книги расходились хорошо, но (скорее всего в связи с изменением настроения общества) продолжения обе серии не получили. Можно было бы подумать о четвертом томе «Антологии», завершавшейся в 1998 году на публикациях 1957 года, подготовив тома об археологах 1960-х – 1980-х годов. Можно было формировать новые выпуски «Очерков». Но где-то наверху сочли это нежелательным. В 2003 году директор Института археологии РАН Р.М. Мунчаев объявил, что «Очерки» больше издаваться не будут. Это решение он принял после беседы с академиком В.И. Молодиным⁴⁵.

⁴⁵ Ныне единственным историком в составе президиума ВАК РФ — *Примечание составителя.*

Так или иначе, разработка истории советской археологии разворачивалась. Вышло много книг и статей по этой теме, как моих, так и авторов из других городов.

Хотя начало этой работы было положено мною в Москве, дирекция Института археологии РАН без тени сомнения передала ее в другие руки. В Воронежском университете была на бумаге создана группа по изучению истории отечественной археологии. Руководителем ее числился академик А.П. Деревянко из Новосибирска, никогда историей науки не занимавшийся, а фактическим главой стал А.Д. Пряхин, опубликовавший в 1986 году «Очерки истории советской археологии», написанные в казенно-панегирическом духе, и продолжающий ту же линию поныне.

В 1995 году мой очерк «Русские археологи до и после революции» был все же издан при поддержке В.И. Гуляева, но тиражом всего 80 экземпляров, почему он до читателей почти не дошел. Любопытный эпизод: Н.Я. Мерперт подарил подаренный мной экземпляр А.И. Иванчику, а тот на основе моей брошюры читал курс истории русской археологии в Лионском и Марсельском университетах; кажется, даже издал его по-французски. Ни познакомиться со мной, ни показать мне свой текст молодой член-корреспондент РАН не считал нужным. Один археолог, эмигрировавший из Грузии в Англию, предлагал мне издать там мой очерк в его переводе, но дальше разговоров дело не пошло.

С другой стороны, мой очерк вызвал весьма резкие отклики в Новосибирске в публикациях А.П. Конопацкого и В.И. Молодина⁴⁶. Там уже были сформулированы основные претензии к моим публикациям. У меня-де преобладает негативная информация, а людям, напротив, нужна позитивная. Нельзя критиковать людей, занимавших руководящие посты, — А.П. Окладникова, Б.А. Рыбакова, Е.И. Крупнова и прочих. В развитии нашей археологии всё всегда шло хорошо — и при Сталине, и при Брежневле, и тем более сейчас. Оказав помощь в публикации моей брошюры, В.И. Гуляев остерегся стать ее редактором, назначив на это место И.С. Каменецкого, хотя сам сделал в тексте ряд купюр (в частности, нельзя было критиковать А.П. Деревянко).

⁴⁶ *Конопацкий А.П.* Прошлого великий следопыт. Академик А.П. Окладников. Страницы биографии. - Новосибирск, 2001; *Молодин В.И., Черемисин Д.Е.* Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. - Новосибирск, 1999. - С. 175.

В этой ситуации я счел за благо уйти на пенсию, попытавшись перед уходом напечатать некоторые свои неопубликованные рукописи. В 1993 году я вынес на обсуждение отдела теории и методики Института археологии РАН (куда перешел в 1988 году из отдела неолита и бронзового века) две рукописи: «Русские археологи в период тоталитаризма» и «Человек и наука». Рецензентами снова стали Н.Я. Мерперт и В.И. Гуляев, и снова они возражали против публикации, хотя ряд сотрудников высказался «за».

В 2004 и 2005 годах, уже пенсионером, я издал эти книги за собственный счет, что было для меня при моей маленькой пенсии весьма нелегко. Книги быстро разошлись и вызвали интерес у читателей. Помимо этого, благодаря помощи профессора Курского медицинского университета С.П. Щавелёва, успешно занимающегося историей археологии, удалось издать в Курске еще две брошюры. Первая, названная Щавелёвым «Историография русской археологии на рубеже XX и XXI веков», представляет собой обзор книг, вышедших по данной тематике в 1997–2003 годах. Вторая — «Рассказы об ученых» — это часть книги «Человек и наука». Начало ее вышло в Москве в издательстве «Знак». В третьей, заключительной части книги содержалось пять очерков. Из них два я перенес в названные выше книги. Три оставались неизданными до сих пор и включены только в настоящий сборник.

Книги мои, затрагивавшие достаточно острые темы, неминуемо должны были вызвать возражения определенного круга лиц. Я ни в коей мере не собирался затыкать им рты. Учитывал я и то, что мои оценки расходятся с официальными оценками нынешнего руководства нашей науки. В связи с этим я издал книги без «шапки» «Институт археологии РАН» (хотя писал их, еще работая там), а как частное лицо.

Появились положительные рецензии на книги, вышедшие в Москве⁴⁷. Но рецензия на книгу «Человек и наука», сданная в «Вестник РАН» доктором исторических наук В.А. Шнирельманом и уже подготовленная к печати, была изъята из номера, как мне сказали в редакции, по настоянию «влиятельного академика». В редколлегию этого издания из академиков РАН входят А.П. Деревянко и В.Л.

⁴⁷ *Хорошкевич А.Л.* Российская власть, фундаментальная наука и будущее страны (А.А. Формозов. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки) // Отечественные записки. - 2005. - № 5 (20); *Алешковский П.М.* // Российская газета. - 2005. - № 63. 30 марта; *Быкова С.Н.* // Поиск. - 2005. - № 30–31. 4 марта.

Янин. Думаю, что речь шла скорее о первом, но не исключаю и второго.

Наконец, в 2005 году появилась подборка откликов в «Российской археологии» (№ 3). Это не было для меня неожиданностью, но поразило заявление редактора журнала Л.А. Беляева, что других откликов печатать не будут и ответить мне не дадут. Публикация в этом номере есть будто бы окончательный вердикт, спорить с которым не позволят никому. Этот же устный ответ мне письменно повторен в журнале⁴⁸.

Промолчать всё же трудно, поскольку мои исходные установки изложены сплошь и рядом в искаженном виде, а цель моих оппонентов состоит вовсе не в том, чтобы оспорить выводы двух моих книг, а в том, чтобы опорочить всю мою шестидесятилетнюю научную деятельность. Оценивается вроде бы книга «Человек и наука» (2005), но тут же затрагиваются мои публикации 2002 и 2003 годов, даже мои раскопки 1952 года. К тому же в спор вовлечены вопросы, касающиеся не только меня, но и путей всей нашей науки в прошлом, настоящем и будущем. Неудивительно, что желание поспорить с упомянутой публикацией в «Российской археологии» возникло у С.П. Щавелёва, М.О. Чудаковой и А.Л. Хорошкевич⁴⁹.

В книге «Археологи уходящего века» (Воронеж, 1999. С. 1) А.Д. Пряхин из Воронежа вопрошал: «Кто дал право Формозову говорить о коллегах в таком недопустимом тоне?» Ответу так: Это право даёт прожитая мною долгая жизнь, вполне обычная, с успехами и поражениями, счастливыми находками и прискорбными заблуждениями. Я работал на благо науки то более, то менее удачно. Не было в этой жизни погони за деньгами, званиями, чинами; не было саморекламы, стремления угодить актуальным лозунгам или сильным мира сего. Прожив без всего этого не такую уж бесплодную жизнь, я не испытываю симпатии к тем, кто отличался именно в названных направлениях. Читатель вправе в чем-то со мной согласиться, а в чем-то не согласиться и возразить, над чем-то задуматься. Моя отстраненность от официальных кругов позволяет мне говорить о многом более прямо, чем это могут позволить себе люди, живущие в гуще жиз-

⁴⁸ Российская археология. - 2006. - № 3. - С. 165.

⁴⁹ Щавелёв С.П. Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). - Курск, 2006; Чудакова М.О. Разговорчики в струю. О чем говорили между собой советские историки и что забывают российские // Новая газета. - 2007. - № 73. 24-26 сентября. С. 20; Хорошкевич А.Л. «Антиформозовиана» и ее подтекст. Заметки историковеда // Архив русской истории, Вып. 8. - М., 2007. - С. 681–701.

ни и остерегающиеся задеть тех или иных важных и нужных деятелей. Именно такие люди не хотели увидеть напечатанными мои книги и статьи, не хотят теперь услышать мой ответ. В демократическом обществе высказать свое мнение имеет право каждый. Затыкание рта характерно для общества тоталитарного типа.

Открывает подборку откликов на мои книги письмо профессора Кемеровского университета Я.А. Шера. Предварительно, в апреле 2005 года он отправил свой текст мне, а кроме того — главе издательства «Знак» А.Д. Кошелеву, Л.С. Клейну, В.И. Гуляеву и другим адресатам. Поступило это письмо и в «Российскую археологию». Там решили его опубликовать⁵⁰.

Я.А. Шер, как и все прочие, вправе со мной спорить, но позиция журнала мне непонятна. В 1972 году Шер был уволен из Института археологии, и вовсе не в ходе антисемитской кампании, как он утверждает, а после полного провала его отчетного доклада на ученом совете Института. Доклад показал, что, возглавив после увольнения С.И. Руденко лабораторию новых методов в Ленинградском отделении Института археологии, Шер ее и развалил. Тогда члены ученого совета Р.М. Мунчаев и Е.Н. Черных рьяно настаивали на увольнении Шера. Теперь столь же активно ратовали за публикацию его критики моих книг.

После неудачной попытки закрепиться в Эрмитаже, Шер уехал в Сибирь. Вопрос о восстановлении его на работе в Ленинграде не стоит. Сколько я понимаю, Шер намеревался опубликовать свое письмо в журнале «Археология, антропология и этнография Евразии» в Новосибирске. Но редактор этого журнала А.П. Деревянко счел, что опровергнуть публикации Формозова и заклеить его следует в более читаемом журнале «Российская археология» силами москвичей. Как академик-секретарь всего гуманитарного отделения РАН и член редколлегии журнала Деревянко настоял на этом. Подбор откликов и подготовку их к печати охотно взял на себя Е.Н. Черных. За это, в частности, он был отблагодарен избранием в члены-корреспонденты РАН по специальности «История науки и техники», хотя историей науки никогда не занимался.

Подбор оппонентов специфичен. Д.Г. Савинов и М.М. Герасимова до того в «Российской археологии» никогда не печатались. Реноме Савинова, снятого с должности заведующего кафедрой археоло-

⁵⁰ Шер Я.А. О некоторых особенностях освещения новейшей истории российской археологии // Российская археология. - 2006. - № 3. - С. 165–169.

логии Санкт-Петербургского университета, не менее сомнительно, чем Шера. Герасимова не археолог. Но требовался не профессиональный разговор, а нечто другое.

Письмо Шера подтверждает мои слова из книги «Человек и наука» (с. 166): спорить у нас не умеют, действуют по принципу — ты меня задел, получай в ответ... Шеру было неприятно то, что я написал о нем в этой книге, и он постарался дать ответ, который бы было неприятно прочесть мне. Казалось бы, мы квиты. Но странно, что журнал, где я печатался с первого номера (1957), состоял членом редколлегии и редсовета немало лет, явно взял не мою сторону, а сторону Шера.

Правда, подобное уже бывало. В 1988 году в «Российской археологии» напечатали статью сотрудника Национальной академии наук Украины Ю.Г. Колосова по поводу конфликта вокруг палеолитической стоянки Староселье в Крыму. Колосов писал, что я присвоил чужое открытие и довел первооткрывателя до самоубийства. Я пытался опровергнуть эту клевету, но тогдашний редактор «Российской археологии» В.И. Гуляев не дал мне этого сделать. Ответ напечатали после смерти Колосова на Украине.

Начав с обращения «Многоуважаемый Александр Александрович» и заверяя, что ценит мои труды по историографии XVIII века (таковых у меня как раз нет), с каждой строчкой своего письма Шер приходит во всё большее раздражение. Чем дальше, тем чаще появляются грубости, оскорбления и открытая клевета. Журнал всё это спокойно печатает.

Достается не только мне, но и моему покойному отцу. Я упомянул, что свои жизненные установки воспринял от отца — профессора Московского университета. Эта фраза послужила поводом для издевок над «сыном профессора» в публикациях Л.С. Клейна и Я.А. Шера. Сам Клейн находил нужным рассказывать в печати о собственном отце. О том, как тот служил сперва в Белой армии, а потом в Красной; публично по-русски говорил одно, а дома на идише другое. Вероятно, на сына это оказало какое-то влияние. Клейн придумал определение «сын профессора» в своем ответе на мою рецензию на его «Феномен советской археологии» в немецком издании «Феномена». Шер радостно подхватил эту кличку. Позиции этих двух авторов и во многом другом совпадают.

Шер соглашается с тем, что я прав, когда говорю о «критике источников в археологии и об общих принципах археологического ис-

следования». Но, по его утверждению, всё это было сказано задолго до меня Клейном, Б.И. Маршаком и самим Шером, тогда как я даже не сослался на этих классиков. Я знаком с их публикациями. Выражая неудовлетворенность современным состоянием археологии, упомянутые авторы призывают прежде всего к созданию строго понятийного аппарата, нового языка для археологии. Я же говорил о воцарившемся у нас безответственном отношении к нашим источникам. Это разные вещи.

Выходили книги и статьи, где в каждой строчке фигурировали «парадигмы», «секвенции», «симулякры» и т.д., но науку они не обогатили. Новые термины мирно уживаются с тем же недопустимым потребительским отношением к источникам, передергиванием фактов в угоду отнюдь не научным требованиям. Об этом я и говорил.

Но что же возмущает Шера, если в главном мы согласны? Прежде всего то, что я написал о нем самом в очерке «Как мы спорим». Рассказывая о дискуссии по поводу датировки наскальных изображений в Сибири, я кратко характеризовал участников дискуссии и тех, кто мог бы принять в ней участие, но уклонился. Упомянуто здесь и о Шере (С. 192–193, 203). Из сказанного ясно, что я считаю его вполне компетентным для того, чтобы включиться в обсуждение проблемы, но занявшим позицию, кажущуюся мне сомнительной.

Шер ждал другого. Я должен был написать его подробную биографию, притом панегирическую и основанную на изучении документов его личного архива.

Шер утверждает, что мы общались дважды: в 1968 или 1969 году в Ленинграде, когда я просил показать мне копии, снятые с енисейских писаниц, что мне было разрешено; и второй раз в Москве. В действительности я не встречался с Шером ни разу. Ни в 1968, ни в 1969 годах я в Ленинграде не был. Следов знакомства с материалами Шера в моих работах нет. Шер написал рецензию на мою книгу «Очерки по первобытному искусству», вышедшую в 1969 году. Он считает, что «пользуясь своим положением члена редколлегии «Советской археологии»», я добился отклонения рецензии. До 1979 года я не был членом редколлегии. Это легко проверить. Думаю, что рецензия в журнал не поступала. Мне бы о ней сказали. Рецензия обсуждалась не в Москве, а в Ленинграде и там советовали ее не печатать. Шер отдал свой текст в Новосибирск в журнал «Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук». Он был там на-

бран, но потом снят из номера. Кто же теперь не проверяет по документам приводимые в печати утверждения?

Дальнейшее в то же духе. Я отметил, что Шер начинал как любитель, а затем окончил Киргизский пединститут. Шер возмущен. Он-де «работал в сельской школе, но еще со студенческих лет не пропустил ни одного лета без раскопок под руководством весьма квалифицированных археологов А.К. Кибирова, П.Н. Кожемяко, Л.П. Зяблина». Киргизский же пединститут был потом преобразован в университет, так что образование у Шера ничем не хуже, чем у меня, окончившего кафедру археологии МГУ. Не вижу противоречия моих слов со справкой Шера, не вижу ничего зазорного в том, что кто-то начинает свое знакомство с археологией как любитель. В 1940-х годах, собирая кремни и черепки в песках Приаралья, я начинал, конечно, как любитель, а не как профессионал. В высокой квалификации перечисленных Шером лиц можно усомниться. Печатные труды их или вовсе не известны, или очень слабы.

Далее отмечено, что после увольнения из Академии наук, Шер «десять лет заведовал созданным им ... впервые в СССР отделом музейной информатики в Эрмитаже». Следов этой работы нет. Б.Б. Пиотровский хотел помочь потерявшему службу коллеге, но достаточно скоро убедился в бесплодности его деятельности. По приглашению А.И. Мартынова Шер переехал в Кемерово. Про это я и говорил. Пребывание Шера в Эрмитаже с обсуждением возраста сибирских наскальных изображений никак не связано.

Итак, главная вина Формозова в том, что он искажил биографию Я.А. Шера. То, что я давал нелицеприятные оценки не только его позиции, но и позиций людей, мне близких (В.Н. Чернецов, А.Д. Столяр, Л.Р. Кызласов, Ю.А. Савватеев и других), Шер во внимание не принял. Приписаны мне и другие прегрешения.

«Вряд ли правдолюб Формозов не знает, почему я не поехал в 1966 году на конгресс в Рим и почему В.Б. Ковалевская, И.С. Каменецкий и я не поехали в 1966 году на симпозиум в Марсель». Нет, я ничего про это не знаю, поскольку не имел ни малейшего отношения к иностранному отделу Академии наук СССР. Я и сам не раз получал приглашения на зарубежные конференции и тоже никуда не ездил. Кому можно, а кому нельзя участвовать в конгрессах, решалось в ЦК КПСС — организации, активным членом которой был Я.А. Шер, но в которой я никогда не состоял.

Нет оснований утверждать, что мое отсутствие на зарубежных конгрессах объясняется глубоким возмущением всех иностранных ученых моим письмом в журнале «Current anthropology», где я якобы писал, будто «мне за державу обидно». Эту фразу из хорошего фильма «Белое солнце пустыни» я не цитировал никогда, но ничего дурного в ней не вижу.

Подтекст же заявления Шера таков: в 1993 году американский археолог Э. Маркс приступил без согласования со мной к раскопкам открытой и исследованной мной палеолитической стоянки Староселье. Я выразил по этому поводу свое недоумение в печати. Тогда американские и пригласившие их в Крым украинские археологи развернули кампанию по моей дискредитации. Шер, как и Клейн (которым за державу несколько не обидно), убеждены в том, что в любой ситуации правы всегда американцы, а Формозову следует перед американцами поскорее извиниться. Не понимаю, за что.

Э. Маркс нашел в пещере два мусульманских погребения и сделал вывод, что обнаруженное мной в 1953 году детское захоронение тоже позднее. Палеолитический возраст этого захоронения был признан вызванной мной комиссией, очень авторитетной (С.Н. Замятнин, Я.Я. Рогинский, М.М. Герасимов). Анализ отчетов Э. Маркса и моих привел Л.В. Голованову и В.Б. Дороничева к заключению, что захоронения, выявленные, с одной стороны, в 1953 году, а с другой – в 1993 и 1994, находятся в совершенно разных стратиграфических условиях и не могут быть одновременны. Эта работа была проведена по заказу американского профессора О. Бар Йозефа, относящегося к деятельности Э. Маркса далеко не так восторженно, как никогда не занимавшиеся палеолитом Я.А. Шер и Л.С. Клейн⁵¹. Ясно, что Шер поднял вопрос о моих раскопках 1953 года не для того, чтобы обсудить проблемы, поднятые в моих книгах 2004–2005 годов, а для того, чтобы любой ценой опорочить своего оппонента.

Шер пишет, что хотя в моей книге «Человек и наука» есть очерк «Смирение и дерзость в науке», чего-чего, а смирения у меня он не наблюдал. Я говорю о смирении перед наукой, а не о смирении перед генералами от науки («Чем вам не угодили А.П. Деревянко и

⁵¹ Дороничев В.Б., Голованова Л.В. «Гордиев узел» гоминид из Староселья // Невский археолого-историографический сборник... - СПб., 2004. – С. 288–301.

В.И. Молодин? Тем, что они академики, а вы нет?»⁵² — вопрошает Шер). Говорю о смирении перед строгими, подчас очень обременительными требованиями науки, обязательными для любых ее служителей.

На взгляд Шера, главное в жизни — самоутверждение. Он подчеркивает, что не был избран членом Академии естественных наук, а сам основал ее, после чего стал академиком автоматически⁵³ (то есть сам себя таковым назначил). По-видимому, сей отец-основатель и привел в РАЕН таких деятелей, как А.И. Мартынов, В.Е. Ларичев, Г.Н. Матюшин, В.А. Софронов и прочие сомнительные фигуры. Шер гордится, что он «индивидуальный член ИСОМ, член исполнительного бюро IDOS», что побывал в стольких странах.

Для меня всё это никогда не было привлекательно. Я отказался читать лекции и на кафедре археологии, и на кафедре истории искусств МГУ, заведовать отделом неолита и бронзового века и отделом полевых исследований Института археологии АН СССР. Меня интересовала работа, а не внешние успехи.

Кому-то я виделся в ином свете. Для Шера я самоутверждаюсь, «топча» других. Сам он якобы никого не порочит, хотя без тени смущения пишет, будто «Формозова подкармливал в роли легального оппозиционера Б.А. Рыбаков», что я «совершал прыжки влево в пределах дозволенного».

С этим согласен и Л.С. Клейн. Познакомившись со списком моих публикаций, изданных к моему 75-летию, он убедился, что как «лицо коренной национальности» я всегда пользовался покровительством верхов. Ведь моя первая статья вышла в 1945 году, а у Клейна только в 1962, хотя он гораздо умнее и образованнее меня. В списке моих работ есть две случайные статьи, подписанные рядом лиц, в том числе Б.А. Рыбаковым и мною. Для Клейна это очень показательно. Удивительно, что рассуждения такого рода печатает «Российская археология», хотя вся моя жизнь прошла на глазах членов редколлегии и наши взаимоотношения с Б.А. Рыбаковым им хорошо известны.

Сосредоточив внимание на том, что я написал о нем самом, Я.А. Шер вступает за других. Я-де «топчу» «старших коллег,

⁵² Как иные лица становятся академиками, см., если угодно, кн.: *Таюрский В.Г.* Новосибирский академик А.П. Деревянко и археология Якутии. - Якутск, 2005 — *Примечание составителя.*

⁵³ Недавно в члены РАЕН избрали лидера Чечни Р. Кадырова — *Примечание составителя.*

ушедших из жизни». Это я слышал не раз. Мои книги воспринимали порой лишь как собрание обличений и разоблачений. Даже те, кому книги нравились, спрашивали меня: «А почему вы не написали еще о таком-то? (Обычно называли Б.А. Рыбакова). Вот уж кого надо заклеить!»

Сам я видел свою задачу в другом: по возможности разобраться (хотя бы для себя) в ситуации, сложившейся в нашей науке; побудить коллег к ее обсуждению. Не говорить при этом о людях, определявших пути науки, невозможно. Когда мы рассматриваем ушедшую эпоху, мы неминуемо оцениваем ее деятелей, положительно или отрицательно. Без тени сомнения мы говорим, например, о преступлениях Ежова или Берии, невзирая на то что они мертвы и ответить не могут (А как бы ответили!). Почему же, едва речь заходит о деятелях меньшего масштаба, но той же эпохи, мы должны что-то замалчивать, а чем-то через силу восхищаться?

Книга «Человек и наука» вообще не об археологии. В изданной под этим названием первой части книги я упоминаю и астронома XVIII века П. Лапласа, и геологов, и антропологов. А во второй части — «Рассказах об ученых» — есть очерки о филологе И.И. Срезневском; историках Т.Н. Грановском и С.М. Соловьеве; биологах Э. Дюбуа, К.С. Мережковском, А.П. Богданове; об искусствоведе И.Э. Грабаре. Археология затронута только в двух очерках из девяти.

Меня в данном случае интересовала не археология сама по себе, а нередкая в жизни науки коллизия, когда требования науки приходят в столкновение с желаниями исследователя, носящими вовсе не научный характер.

Коллизия всеобщая. Книга вышла в филологическом издательстве, и читатели — филологи-классики и русисты, специалисты по истории литературы — говорили мне: «Вот ведь, у вас один материал, всякие черепки, кремешки, а у нас вовсе другой. Меж тем проблемы встают те же самые». Значит, какие-то болевые точки я нащупал.

Кстати сказать, меня упрекают и в том, что я говорю о встающих перед археологами трудностях не в специальной, а в научно-популярной книге, обращенной к читателям, в большинстве своем не знающим сути дела. Книги мои не популярные. Издательство «Знак» ориентировано на ученых. Здесь печатались В.В. Седов, Е.Н. Черных, В.Л. Янин. Может быть, мои книги написаны более живо, чем их монографии, но это всё равно книги для специалистов.

Так можно ли критиковать почтенных и покойных людей? Рассмотрим пример, вызвавший возмущение как у Я.А. Шера, так и у М.М. Герасимовой — оценку раскопок ее отца М.М. Герасимова в Мальте. Стоянка эта исключительно важная — наиболее ранняя среди верхнепалеолитических памятников Сибири; со своеобразным инвентарем, в чем-то близким к находкам в Европе; с жилыми сооружениями; погребениями двух подростков; наконец, с серией произведений искусства. Ясно, что результаты раскопок столь ценного памятника должны быть очень хорошо документированы как в полевых отчетах, так и в итоговой публикации, а коллекции — доступны для изучения специалистами. В реальности всё иначе. В архивах отчетов о раскопках по сути дела нет. Коллекции разбросаны по четырем музеям в трех городах, а частично и утрачены. Итоговая монография о Мальте за 70 лет так и не появилась. Об этом я и говорил в книге «Человек и наука» (С. 71–73).

Дочь М.М. Герасимова Маргарита возмущена: не смейте обижать моего папу! Я.А. Шер поучает меня: нельзя предъявлять к раскопкам 1920-х – 1930-х годов требования сегодняшней науки. Но мои претензии отражают вовсе не установки современной науки, а элементарные требования, выработанные Императорской Археологической комиссией в середине XIX века, сохраненные в советские годы, действительные и сейчас.

Шер напоминает о моей статье, изданной к 60-летию М.М. Герасимова, уличая меня в двуличии. В юбилейной статье я оценивал деятельность М.М. Герасимова в целом, в том числе созданную им методику восстановления лица по черепу. В книге же говорится о конкретном вопросе. Вместо того чтобы попытаться опровергнуть приведенные мной факты, мои оппоненты сводят всё к личным вопросам. Далекой от археологии М.М. Герасимовой, может быть, простительно полагать, что коллекции из раскопок — папина собственность, а после смерти отца — мамина, и папа с мамой вправе распоряжаться ими по своему благоусмотрению. Но редакция журнала не должна поощрять такие рассуждения. Коллекции — собственность науки и государства.

Проблема общая — безответственное отношение исследователей к материалам, добытым раскопками. Я привел примеры Мальты и Бурети. Мог бы привести и другие.

Б.А. Рыбаков десятилетиями не сдавал отчетов о своих раскопках. Через много лет их писали за него С.А. Плетнева и Т.И. Макаро-

ва. Д.А. Крайнов не ввел в научный оборот материалы своих довоенных раскопок (Замиль-коба № 2) и раскопок 1957 года (Карашский торфяник). Полевой комитет Института археологии РАН всё это не беспокоило. Людей же, чувствующих ответственность перед наукой, это должно беспокоить. Говорить об этом надо. И я в молодые годы очень тяготился составлением полевой документации и отчетов. Но я смирял себя перед требованиями науки и корпел над отчетами. Увы, многие, даже крупные ученые, этим пренебрегают.

Отсюда видно, что волнуют спорящих разные вещи. Меня — интересы дела, моих оппонентов — внешняя благопристойность. Судите сами, что важнее.

К сожалению, многие мои коллеги дорожат прежде всего внешними приличиями. Они, пожалуй, поймут риторические вопросы Шера: за что я ему мщу? Или: чем помешал мне тот или иной археолог? Кто-то согласится и с задетым мной В.Е. Ларичевым, писавшем об «унылых причитаниях вечного компроментатора чужих успехов Формозова (Он ведь никогда ни о ком не говорил доброго слова!..)», тогда как «время теперь не то, чтобы толковать о морали и нравственности»⁵⁴. Да здравствуют аморальность и безнравственность! Так что ли?

Если же мне надо оправдываться, сошлюсь на ряд фактов. В начале XXI века исполнялось 100 лет со дня рождения нескольких известных археологов. Обеспокоенные юбилеями Е.И. Крупнова и Д.А. Крайнова, руководители Института археологии РАН не удосужились заказать статьи к юбилеям замечательных ученых Т.С. Пассек и Н.Н. Воронина. Писать о них срочно пришлось мне, хотя к концу их жизни близок с ними я не был. Всем обязанная Пассек Е.К. Черныш написать о ней отказалась, сказав, что не имеет к учителю никакого отношения. Не откликнулся на юбилей Воронина никто из возглавлявшегося им некогда отдела славяно-русской археологии. К 100-летию А.В. Арциховского его преемник по руководству Новгородской экспедицией и кафедрой археологии МГУ В.Л. Янин писать об учителе отказался («Это мне скучно. Пусть Формозов напишет»). В конце жизни Арциховского мы не общались, но мало кто писал о нем так, как я в специальной главе книги «Следопыты земли московской» (1988). Последняя моя публикация в «Российской археологии» посвящена А.В. Виноградову. Он 50 лет работал в Институте этно-

⁵⁴ Ларичев В.Е. Феноменальная археология // В кн.: Петрин В.Т. Библиография. - Новосибирск, 2003. - С. 19.

графии АН СССР. Но журнал «Этнографическое обозрение» на его смерть не откликнулся. И вот при таких обстоятельствах считается, что я-то никогда ни о ком доброго слова не сказал...

Шер заступается не за одного Герасимова, но и за других, даже за Б.А. Рыбакова и, конечно, за своего первого покровителя А.Н. Бернштама. В книге «Русские археологи в период тоталитаризма» я лишь привел цитаты из статей Бернштама 1930-х годов. Сегодня они выглядят омерзительно. Но я не отрицаю пользы работ Бернштама в Средней Азии.

По мнению Шера, я обидел «всеми любимого Дебеца». Не Шеру учить меня уважению к Дебецу. Мой отец знал его с 1920-х годов. Я был аспирантом Дебеца в 1951–1954 годах. Добрые отношения у нас сохранились до конца его дней. В «Русских археологах...» (С. 240) упомянуто о не слишком хорошем выступлении Дебеца в 1931 году при обсуждении поведения преследуемого (а потом и расстрелянного) А.А. Захарова. Был ли это случайный срыв в жизни Дебеца? Я слышал его выступления на так называемых «дискуссиях» 1948 и 1950 годов. Они очень меня огорчили. Значит, дело не в случайности, а в чем-то характерном для Дебеца, да и шире — для нашей интеллигенции тех лет, ее готовности поддержать власть в весьма сомнительных ситуациях.

Вот о чем я говорил в своих книгах — о чертах характера людей, распространенных весьма широко, а не о произвольно выбранных мною «злодеях», заслуживающих разоблачения.

Заступается Шер и за «тихую Абрамову». В книге «Человек и наука» о ней нет ни слова. В книге «Русские археологи...» на странице 95 ее книга «Палеолитическое искусство на территории СССР» расценена как вклад в науку. Вероятно, Шер вспомнил беглое замечание в первом варианте моего вышедшего в 2002 году очерка о П.П. Ефименко. Я говорил, что он описывал предметы палеолитического искусства как кремневые и костяные изделия, не учитывая эстетическую сторону (чем грешит и З.А. Абрамова)⁵⁵. Может быть, ей это показалось обидным. Обо мне же, авторе шести книг о первобытном искусстве, Шер позволяет себе писать: «Сути первобытного искусства как естественноисторического процесса вы так и не поняли» — и это вполне допустимо. Что позволено Юпитеру, Шеру...

⁵⁵ *Формозов А.А.* О Петре Петровиче Ефименко // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. - М., 2002. - С. 97.

Любопытно, что мой разбор статьи А.И. Мартынова, пригласившего Шера в Кемерово и написавшего с ним ряд книг, никаких возражений у Шера не вызвал. Мартынов ему уже не нужен. Незачем за него вступаться. Не нужен больше и Окладников. В книге «Первобытное искусство» (Кемерово, 1998) Шер его даже не упомянул.

Мои оппоненты берут под защиту уличенных в фальсификациях научных материалов В.Е. Ларичева и Г.Н. Матюшина, даже М.Н. Покровского, Д.Г. Савинова и, конечно же, А.П. Окладникова. Д.Г. Савинов именуется последнего «баринном». Я же смотрел на него как на коллегу. В.И. Молодин признает: «Проблема датировки многих памятников Северной Азии, относимых А.П. Окладниковым к палеолиту, до сих пор не решается однозначно и по-прежнему дискуссионна»⁵⁶. И что же дальше? Не смейте обсуждать проблему, принимать гипотезы за абсолютную истину — или всё же обсуждать их, что, к неудовольствию моих оппонентов, я и пытался делать? Отмечая некоторые весьма спорные подходы А.П. Окладникова к археологическим исследованиям, я никогда не отрицал его заслуг в широком археологическом изучении Сибири.

Как бы по-разному не воспринимали жизнь в науке я и мои оппоненты, нечто общее у нас должно быть. Все мы воспитаны на великой русской литературе. Лев Толстой писал: «Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одно, иногда другое; бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь между тем одним и самим собой»⁵⁷. В противовес романтикам, Достоевский показал, что один и тот же человек может быть и палачом, и жертвой. Из этого я исходил в своих книгах.

В двух книгах — «Русских археологах...» и «Рассказах об ученых» я приводил еще одну цитату из Льва Толстого: ««О мертвых говори доброе или ничего». Как это несправедливо! Напротив, надо бы сказать: «О живых говори доброе или ничего». От скольких страданий это избавило бы людей... О мертвых же почему не говорить худого? В нашем мире, напротив, установилось вследствие обычая некрологов и юбилеев говорить о мертвых одни преувеличенные похвалы и, следовательно, только ложь. А такие лживые похвалы вредны

⁵⁶ Молодин В.И. Человек, наука и Формозов // Российская археология. - 2006. - № 3. - С. 175.

⁵⁷ Толстой Л.Н. Воскресенье // Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 32. - М., 1933. - С. 194.

потому, что они сглаживают в понятиях людей различия между добром и злом»⁵⁸.

Принципиально важное для меня положение. А вот как оно подано Е.Н. Черных: «Формозов ... безоговорочно отвергает древнюю и поддержанную Львом Толстым истину «De mortuis aut bene, aut nihil». «Как это несправедливо!» — негодуяще восклицает Формозов. — Напротив, надо бы сказать «О живых говори доброе или ничего». От скольких страданий это избавило бы людей...» Непременно обратите внимание, читатель, сколь умилителен автор в этом «добром» порыве к людским страданиям»⁵⁹. Что это? Небрежность или сознательное искажение? Редакция журнала обязана проверять сноски. Сделано это не было. Читатели введены в заблуждение.

Сейчас общепризнанно, что крупнейшим философом XX века был Мартин Хайдеггер. Он равновелик Лейбницу, Канту, Гегелю, Шопенгауэру. Влияние идей Хайдеггера чувствуется и во Франции (экзистенциализм), и в США, и в России. Хайдеггер приветствовал приход Гитлера к власти, вступил в члены нацистской партии, произносил речи в погромном духе. Как это уживалось в одном человеке, и притом человеке незаурядном? Западных ученых это волнует. Подняты архивы. Появились публикации. Выяснилось, что Хайдеггер не только выступал публично как нацист, но и писал доносы на своих коллег⁶⁰. Тех, кто углублялся в эти темы, никто не упрекает в том, что они «топчут» великого человека. У нас на дело смотрят иначе, а жаль.

Я.А. Шер уверяет читателей, что в моих книгах много неточностей, поскольку я-де основываюсь на сплетнях и слухах. Увы, жизнь

⁵⁸ Толстой Л.Н. Путь жизни // Полн. собр. соч. в 90 тт. Т. 45. - М., 1956. - С. 356.

⁵⁹ Черных Е.Н. Об «историографической» серии книг А.А. Формозова // Российская археология. - 2006. - № 3. - С. 178.

⁶⁰ Сафрански Р. Хайдеггер. - М., 2005 («Жизнь замечательных людей»).

Добавление составителя. Пример с Хайдеггером не исключителен, а типичен для правдивой научно-биографической литературы. Вот оценки совсем другого ученого, дословно совпадающие с тем, как А.А. Формозов постулирует обсуждаемый сюжет. Приведя примеры нарушения одним из величайших физиков XX столетия научной этики (при цитировании, оценке чужих мнений и т.п.), его коллега заключает: «Зачем я привел именно эти примеры? Их можно было привести и больше, но эти мне ближе, и я был их свидетелем. Я только хотел отметить, что, хотя Ландау был велик и как физик, и как учитель — но вместе с тем он был человеком, и «ничто человеческое ему не было чуждо»» (Доктор физико-математических наук, профессор А. Рухадзе, лауреат Государственных премий и премии имени М.В. Ломоносова I степени, заслуженный деятель науки России. О великом физике Льве Давидовиче Ландау (предисловие физика-теоретика, ФИАН-ИОФАН-МГУ // Б.С. Горобец Круг Ландау. - М. – СПб., 2006. - С. 9).

в нашей стране строилась так, что многое в документах не фиксировалось. Огромную роль играло «телефонное право». Приходится собирать данные и из устных бесед.

Я.А. Шер пишет, что знает о моем отказе написать отрицательный отзыв на его докторскую диссертацию. Но при этом он не присутствовал, знает о разговоре со слов М.А. Дэвлет. Со слов того же информатора, знаю я о тех конференциях, на которые меня не пригласили. Если ей нельзя доверять (а это так), незачем самому пользоваться ее же сведениями.

Назову для ясности своих информаторов. О Московском ополчении 1941 года мне рассказывал участвовавший в нем А.В. Арциховский; об аресте Б.Б. Пиотровского и А.П. Круглова и о роли в этом доноса Е.Ю. Кричевского — сам Б.Б. Пиотровский; о докладе М.П. Грязнова про Теплоухова — А.Д. Грач. У меня нет оснований не верить этим информаторам.

С документальностью у Шера вообще слабовато. Он всё время подменяет один вопрос другим. Я писал, что отнесение к палеолиту наскальных изображений Португалии не доказано. Шер возражает: португальцы сделали то, чего не захотел сделать Б.А. Рыбаков на Енисее: задержать строительство дамбы, угрожавшей сохранности рисунков. Но речь-то о другом.

Я выразил удивление, почему на конференции в Кемерове кому-то оплачивали проезд, а кому-то, как мне, нет. Шер поясняет: было послано два циркуляра. На первый я не ответил. Вот мне и не прислали второй циркуляр. Опять же, не о том речь. Спорить с таким оппонентом бессмысленно. И уж совсем нелепо спорить мне с заявлением Шера о том, будто бы я на своем сайте в Интернете называю себя советником директора Института археологии. Самозванцем никогда не был. Ни компьютера, ни Интернета, ни сайта у меня нет. Я проверил, не завел ли кто-то такой сайт в провокационных целях. Нет, просто такого сайта нет. Неужели странное утверждение не могли проверить в редакции журнала, куда все свои статьи я всегда сдавал напечатанными на машинке.

Отклик на мои последние публикации можно найти и в учебном пособии А.Д. Пряхина «История отечественной археологии», часть I «Русская дореволюционная археология» (Воронеж, 2005). По мнению автора, мои книги «несут отпечаток скандальности, что не соответствует самому духу историографического исследования» (С. 15).

Хотя некоторые элементарные сведения по теме неподготовленный читатель в пособии Пряхина сможет найти, историографическим исследованием оно ни в коей мере не является. Все материалы взяты из вторых рук, в первую очередь из моих книг, а также из книг Г.С. Лебедева, И.В. Тункиной и И.Л. Тихонова. Добавления случайны и в сущности не имеют отношения к делу. Таковы упоминания мелкого представителя немецкой клики в Петербургской Академии наук XVIII века Г.В. Юнкера (С. 40) или писателя-дилетанта начала XIX века А.А. Писарева (С. 3).

О заимствованиях у меня ясно свидетельствует список литературы к пособию. Помещение рядом вопреки алфавиту книг М.К. Любавского и М.С. Грушевского объясняется тем, что названия их перенесены сюда из моей книги «Русские археологи...» (С. 34), где эти книги объединены в одной сноске. Непонятна ссылка: «И.Е. Забелин. Домашний быт». Какая книга из трех, вышедших в серии «Домашний быт русского народа в XVI–XVII столетиях», имеется в виду? Все эти книги к археологии отношения не имеют.

Выражая недовольство моим обзором публикаций по истории русской археологии, Пряхин пишет, что я ни о ком не сказал доброго слова. Ведь дав достаточно высокую оценку двухтомнику В.И. Матющенко «Триста лет истории сибирской археологии», я счел возможным привести четыре страницы замечаний (С. 28). Покойный Матющенко на меня не обижался, а благодарил за рецензию. Конечно, куда легче опубликовать рецензию-панегирик, вроде отклика А.Д. Пряхина на книгу Д.А. Крайнова о фатьяновской культуре, которой рецензент никогда не занимался. И автору приятно, и рецензент укрепит свое положение. Но для науки пользы от таких рецензий ноль. А рецензия, содержащая критические замечания, может оказаться полезной, ибо там отразятся не учтенные автором данные или не фигурировавшие ранее в печати соображения.

Пряхин говорит, что я замалчиваю ценную работу С.А. Васильева об изучении палеолита в России и не использую полезный труд С.П. Щавелёва об исследователях древностей Курского края (с. 29). Работа Васильева вторична. Она целиком основана на материалах, собранных в моей книге «Начало изучения каменного века в России. Первые книги» (1983). Три выпуска работы Щавелёва написаны при постоянных консультациях автора со мной.

Пряхину лучше было бы последить за самим собой. Почти все имена, отчества, фамилии в его учебном пособии приведены неверно.

«Ащик» вместо Ащик (С. 60, 65); «Бломберг» вместо Бларамберг (С. 151); «Г.С.» Строганов вместо С.Г. (С. 69); «Гревингс» вместо Гревингк (С. 81–82); «А.М.» Кастрен вместо «М.А.» (С. 96); «Ардашин» вместо Ардашев (С. 98); то «И.Е.», то «Е.Н.» Бранденбург вместо Н.Е. (С. 100, 160); «А.Л.» Иностранцев вместо А.А. (С. 999); «Н.И.» Кондаков вместо Н.П. (С. 106); «Д.Е.» Данилевич вместо В.Е. (С. 112, 174); «Тенищев» вместо Тенишев (С. 117); «Д.И.» Анучин вместо Д.Н. (С. 121); «Андрианов» вместо Адрианов (С. 154, 167, 174); «В.Д.» Клеменц вместо Д.А. (С. 129); «Н.О.» Беляшевский вместо Н.Ф. (С. 167); «Флоренский» вместо Флоринский (С. 167); «Каргалова» вместо Каргаполова; и т.д., и т.п.

То же и с названиями. «Решельевский лицей» вместо Ришельевский (С. 53); «Новослободная» вместо Новосвободная (С. 124); «Пантикопей» вместо Пантикапей (С. 125); «Мошинские древности» вместо Мощинские (С. 167).

Можно возразить, что всё это лишь опечатки, но допустимы ли они в таком количестве в учебном-то пособии? Налицо элементарная неграмотность автора. Ее выдают все эти постраничные «ошибки по Фрейду».

Неверны и некоторые оценки и формулировки. Дилетант Н.К. Рерих представлен глубоким ученым методологом (С. 26). Уже в XIX веке якобы появляется «евразийский подход» к истории (С. 51), тогда как евразийство формировалось в XX веке. Д.Я. Самоквасов был профессором сначала не Московского, а Варшавского университета; в Москву же он перебрался только на середине своей служебной карьеры (С. 31).

Как видим, А.Д. Пряхину, выдвинутому А.П. Деревянко и В.И. Гуляевым (и рецензентом, и редактором обсуждаемой книги) на роль главы историографического направления в российской археологии, нужно еще много потрудиться, многому научиться, чтобы стать достойным этой роли.

Ограничусь этими замечаниями и попробую в заключение сформулировать выводы из дискуссии.

1. Начатая мною в 1950-х годах работа по изучению истории русской археологии, несмотря на противодействие ряда руководящих коллег, успешно развивается. Вышли десятки книг и статей по этой проблематике. Мои соображения, равно как введенные мной в научный оборот факты, широко используются многими авторами, когда со ссылками на первоисточник, а когда и без оных.

2. В то же время наблюдается тенденция отодвинуть меня в сторону, выдвинув как основных исследователей других лиц, подчас вообще далеких от данной тематики. Делаются попытки дискредитировать всю мою научную деятельность.

3. Мои оппоненты раскрыли свои установки, говоря, что главное в жизни — самоутверждение, и незачем задумываться сегодня о морали и нравственности; надо всегда служить любой власти (Е.Н. Черных) — она уж отблагодарит.

К сожалению, симпатии многих коллег оказались скорее на стороне моих критиков, а не на моей. Сказывается «наша жестокая и трусливая потайность, от которой все беды нашей страны», как писал А.И. Солженицын. «Мы, — продолжает он, — не то чтобы открыто говорить и писать и друзьям рассказывать, что думаем и как истинно было дело, мы и бумаге доверять боимся, ибо по-прежнему секира еще висит над каждой нашей шеей, гляди — опустится»⁶¹.

4. Предмет спора многими был не понят. Всесильные руководящие товарищи не хотят выносить сор из избы, не позволяют усомниться в дутых авторитетах ушедшего времени. Они изображают мои публикации в виде серии разоблачений, сведения личных счетов, компрометации покойных ученых. Эта подмена перевесила чашу весов в пользу официальных кругов, а не человека, проработавшего в науке 60 лет; пытающегося глядеть правде в глаза и обсудить положение в нашей науке; человека, находящегося и так в заведомо проигрышной позиции.

5. Это печально, но я не сомневаюсь, что рано или поздно всё встанет на свои места. Надо лишь продолжать обсуждение, а не затыкать рот нежелательным элементам, болеющим за судьбы нашей культуры, не опорочивать их в глазах общества.

⁶¹ Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом. - М., 1996. - С. 8.

О БОРИСЕ СЕРГЕЕВИЧЕ ЖУКОВЕ (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ)

Имя выдающегося русского археолога Бориса Сергеевича Жукова долгое время не упоминалось в литературе, поскольку в 1931 году он был репрессирован, а в 1934 году погиб. После реабилитации в 1959 году хорошо знавшие ученого и работавшие с ним в тесном контакте В.Б. Бунак и О.Н. Бадер напечатали о нем содержательные очерки в «Советской археологии» и «Вопросах антропологии»⁶². Благодаря этому поколению археологов, не заставшие Жукова в живых, получили определенное представление о масштабе его деятельности. И всё же знают сейчас очень немного; пожалуй, только то, что Жуков раскапывал Льяловскую стоянку под Москвой и городища раннего железного века в Приветлужье. Давно пора собрать более подробные данные о замечательном ученом.

Попытку в этом направлении я решил сделать не только как историк науки, но и как человек, в какой-то мере причастный к кругу Жукова. Дело в том, что мой отец зоолог, профессор Московского университета Александр Николаевич Формозов (1899–1973), как и Жуков, был уроженцем Нижнего Новгорода, и они хорошо знали друг друга. Мой дед Николай Елпидофорович печатался в газете «Волгарь», издававшейся отцом археолога Сергеем Ивановичем Жуковым, а основанной его дедом Иваном Алексеевичем. Не знаю, познакомились ли Б.С. Жуков и А.Н. Формозов еще в молодые годы в Нижнем, но, во всяком случае, в 1920-х годах, когда оба жили уже в Москве, взаимоотношения их были достаточно тесными. Формозов определял костные остатки из раскопок Жукова на Льяловской стоянке и на ветлужских городищах. Тогда в Музее антропологии МГУ мой отец познакомился с учениками Жукова О.Н. Бадером и М.В. Воеводским, что облегчило мне первые шаги в науке. В разговорах со мной и Бадер, и Воеводский очень тепло вспоминали о своем учителе.

Пользуясь этими рассказами и доступными мне печатными и архивными источниками, я попробую восстановить основные этапы жизни и творчества Жукова.

⁶² Бадер О.Н., Бунак В.В. Памяти Б.С. Жукова // Вопросы антропологии. Вып. 15. - 1963. - С. 146–148; Бадер О.Н. Памяти Бориса Сергеевича Жукова // Советская археология. - 1966. - № 4. - С. 23–28.

Родился он в Нижнем Новгороде 1 декабря 1892 года. И отец его, и дед издавали самую большую в городе газету. В литературе о Максиме Горьком она расценивается как реакционный орган, прислуживавший губернатору Баранову, и противопоставляется демократическому «Нижегородскому листку»⁶³. Непосредственное знакомство с газетами позволяет усомниться в этой характеристике. В Нижнем издавались и газеты черносотенного толка — «Вече», «Минин Сухорук». Направление «Волгаря» совсем другое. Его можно назвать либеральным, близким к установкам конституционно-демократической партии. Будущий археолог впитывал убеждения своего отца. «Нижегородский листок», забитый рекламой, оставляет впечатление чисто коммерческого издания. В 1918 году, после революции, «Волгарь» был закрыт, а «Нижегородский листок», переименованный в «рабоче-крестьянский», продолжал выходить.

В «Волгаре» наряду с новостями — местными, столичными и зарубежными — помещали и большие политические обзоры, и художественные произведения. Печатался здесь в ранние годы и Горький. Газета выходила большим тиражом — 6000 экземпляров. Издатели были людьми уважаемыми и состоятельными. В следственном деле Жукова сказано, что он из дворян. Видимо, дворянство Жуковы получили за общественную деятельность, и оно стало потомственным.

Интерес юноши к археологии проявился рано. Уже в 1917 году он обследовал Балахнинскую неолитическую стоянку. Ей посвящена его первая научная публикация в «Русском антропологическом журнале» за 1922 год⁶⁴.

Начало XX века в Нижнем Новгороде отмечено вспышкой интереса к археологии. В 1907 году сюда приехал смотреть местные коллекции заведующий археологическим отделом Российского Исторического музея Василий Алексеевич Городцов. Большой интерес вызвали случайные находки при строительстве железной дороги у станции Сейма в 1912 году, содержавшие выразительные изделия из бронзы, в том числе художественное литье, каменные орудия и керамику. Члены существовавшей с 1887 года Нижегородской ученой архивной комиссии Александр Яковлевич Садовский и другие стали заниматься не только архивными документами, но и археологией. На

⁶³ Максим Горький в нижегородской печати. - Горький, 1960.

⁶⁴ Жуков Б.С. Неолитическая дюнная стоянка близ г. Балахны // Русский антропологический журнал. - 1923. - Т. 12, Вып. 1-2. - С. 110-119.

этом фоне зарождение интереса Жукова к этой науке становится понятным.

В 1918 году он покинул родной город и уехал учиться в Москву, поступив на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Руководителем студента стал профессор Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923), видный русский географ, занимавшийся и археологией, и антропологией, и этнографией. По окончании университета Жуков был оставлен при кафедре антропологии для подготовки к профессорскому званию, что равнозначно нынешней аспирантуре.

Закрытая в годы реакции в 1884 году, кафедра антропологии была восстановлена после революции в 1918 году. Возглавлял кафедру Д.Н. Анучин, а преподавать на ней стали три его ученика — Виктор Валерьянович Бунак (1891–1979), Борис Алексеевич Куфтин (1892–1952) и Б.С. Жуков. Анучин был сторонником выделения особой науки палеоэтнологии, объединявшей данные антропологии, археологии и этнографии для восстановления ранних этапов истории. Это положение оказалось воспринято и Жуковым. Он не только производил раскопки, но и достаточно хорошо ориентировался в антропологии и этнографии, работая параллельно со службой в университете и в Музее народоведения, возникшем на базе Дашковского этнографического музея, созданного в 1867 году.

В МГУ Жуков читал лекции по археологии, пользовавшиеся большим успехом. Он умел излагать материал четко, ясно, доходчиво. Лекции привлекали и студентов факультета общественных наук, где после ликвидации Московского археологического института в 1923 году была открыта кафедра археологии, возглавляемая В.А. Городцовым. Сейчас уже трудно отличить прямых учеников Жукова от его слушателей со стороны. Отто Николаевич Бадер (1903–1979) занимался у Городцова на одном курсе с А.В. Арциховским, но считал себя учеником Жукова. То же касается и Анны Васильевны Збруевой (1894–1964). Михаил Вацлавович Воеводский (1903–1948) высшую школу не окончил, но слушал лекции Жукова и стал его близким сотрудником. Среди людей, тесно общавшихся в эти годы с Жуковым, надо назвать и Екатерину Ивановну Горюнову (1902–1995), Анну Епифановну Алихову (1903–1989), Михаила Васильевича Талицкого (1906–1942). Помимо лекций популярностью пользовались и семинары Жукова.

С кафедрой антропологии были тесно связаны Музей антропологии и Научно-исследовательский институт антропологии Московского университета. Жуков работал и в этих учреждениях.

В 1923 году Анучин скончался, и роль его троих учеников, трудящихся в МГУ, заметно выросла.

Нужно остановиться на одном удивляющем нас сегодня моменте — на судьбе архива Анучина. Она решалась комиссией в составе Бунака, Жукова и Куфтина, и они постановили сжечь его⁶⁵. Вряд ли ученики, сами ставшие крупными учеными, не понимали, какую ценность представляет архив их учителя. Двигало ими, скорее всего то, что Анучин был не только профессором, но и видным деятелем конституционно-демократической партии, подвергавшейся преследованиям после Октябрьской революции. Некоторые документы могли осложнить судьбы упоминавшихся в них людей.

В годы нэпа появилась возможность возобновить прерванную войной и революционной разрухой экспедиционную и издательскую деятельность.

У издателей был спрос прежде всего на научно-популярную и учебную литературу. Стояла задача приобщить к знаниям широкие слои народа, активизировавшиеся во время революции. Сочинению популярных книжек отдавал свои силы даже престарелый Анучин. Занялся этим и Жуков. Появились его брошюры «Описание изделий доисторического человека к коллекциям Б. и А. по эволюции доисторической культуры и техники» (1924); «Методическое введение к объяснению картин к серии диапозитивов по теме «Культура древнейших обитателей Европы»»; такие же объяснения картин по темам «Охотники и звероловы новокаменного века Северной Европы» и «Культура бронзовой эпохи Европы» (все три — 1925 года); «Первые шахтеры и металлурги» (1924); «Древние строители из дерева и камня» (1925); «Как люди расселялись по Земле» (1927); книга «Происхождение человека», выдержавшая пять изданий (1923–1931).

Но привлекала молодого ученого не популяризация, а исследовательская работа в поле. В 1920-х – начале 1930-х годов он развернул широкое обследование памятников первобытной культуры в центральных областях Европейской России. Тогда многие местные музеи и краеведческие общества, как возникшие до революции, так и созданные после нее, располагали известными средствами на экспе-

⁶⁵ Карпов Г.В. Судьба ученого. - М., 1957.

диции («Золотой век российского краеведения»). И объединяя эти средства со средствами Московского университета, включая в состав экспедиций как краеведов, так и более опытных столичных археологов, можно было проводить серьезные исследования.

Опорными районами стали Нижегородское Поволжье и Подмосковье, но охвачены были и Верхняя Волга, и весь бассейн Оки; Центрально-Черноземная промышленная область (ЦЧПО), включавшая нынешние Московскую, Ярославскую, Тверскую, Орловскую, Брянскую, Рязанскую и Нижегородскую губернии. Исследования экспедиций, возглавлявшихся Жуковым, охватили всю эту обширную территорию. Изучались как древние поселения — стоянки и городища, так и погребальные памятники — курганы и грунтовые могильники.

В 1922–1929 годах обследовалась Сейминская дюна; в 1923 — Балахнинская стоянка; в 1923–1927 — Поздняковские стоянки на Оке и Льяловская стоянка под Москвой; в 1926–1927 — известная с XIX века Волосовская стоянка под Муромом; в 1925 — поселение Большое Козино под Балахной; в 1927–1928 — курганы бронзового века у Малого Акулова на Оке; в 1928–1930 — Языковская стоянка в Ярославском Поволжье. Начатые в 1922–1923 годах раскопки городищ на Ветлуге, выявленных еще в XIX веке Ф.Д. Нефедовым и В.И. Каменским, развернулись в 1925–1926 годах. Были исследованы Паново городище на Ветлуге; Руссенихинское, Одоевское и Богородское городища на Унже. В 1928 году — городища Вятского края Пижемское, Белоглазовское и Артышское. В Пензенской области изучали стоянки Озименки I и II. В 1928–1929 проведены раскопки стоянки Николо-Перевоз в Подмосковье.

Из погребальных памятников под руководством Жукова раскопали курганы вятичей у Псарева, Льялова, Букарова и Балхашина в московской округе; марийские могильники на Ветлуге — Перемчалкинский и Лукояновский; тюрюханские — Серпейский и Лукояновский в Арзамасском районе, и Погибловский, а также мокшанские — Бутский, Старосотенский и Корниловский под Муромом.

Материал собрался огромный, но опубликовать его было негде. Научные труды в ту пору в СССР почти не печатали. Сам Жуков смог опубликовать должным образом только материалы раскопок стоянки Льялово. В этом издании (в «Трудах Антропологического института I МГУ», 1925, т. I) привлекает комплексный подход к характеризованному памятнику. Описаны отложения торфа, заключенные

в нем костные остатки, моллюски, древесина, пыльца растений и собственно культурные остатки ⁶⁶.

Что касается других памятников, то о них мы можем судить лишь по тезисам докладов и кратким информациям в сборниках, отражавших те или иные совещания. Письма Жукова 1924–1929 годов к финскому археологу А.М. Тальгрёну, сохранившиеся в Хельсинском университете, скопированные С.В. Кузьминых и любезно предоставленные им мне для ознакомления, содержат просьбы о публикациях материалов из раскопок Жукова в зарубежных изданиях. Несмотря на неполноту данных, можно определить, что же было принципиально новым в работах Жукова.

Во-первых, он уделил большое внимание периодизации и классификации памятников. Стоянки в указанных районах были известны с середины XIX – начала XX веков. Все они расценивались как неолитические. Жуков показал, что среди выявленных объектов есть поселения разного времени. Есть и донеолитические местонахождения вроде Горшихи под Балахной. Есть и поселения, которые следует отнести к бронзовому веку, как Озименки под Пензой.

Периодизация строилась не только на основе типологического анализа, но и на стратиграфических наблюдениях, прежде всего на Языковской стоянке.

Во-вторых, Жуков выделял не узколокальные варианты собранного материала, не археологические культуры, как делал В.А. Городцов, а целые хронологические пласты памятников, представленные поселениями типа Льялова, типа Волосова и т.д.

В-третьих, поселения по возможности исследовали широкой площадью. На стоянках каменного века эти площади были не так велики, но всё же представляли собой не отдельные шурфы и траншеи, а раскопы. На городищах же вскрывали уже десятки метров квадратных. Это позволяло выявить и систему укреплений, и жилища, и планировку поселка.

В-четвертых, уделялось большое внимание массовому материалу, в первую очередь керамике. Ею занялся по программе Жукова его ученик М.В. Воеводский, привлекая для сопоставления с материалами раскопок этнографические данные о керамическом производстве.

В-пятых, Жуков стремился рассматривать материалы своих раскопок на широко культурно-историческом фоне. В 1920-х годах про-

⁶⁶ Подробнее см.: *Формозов А.А. Следопыты земли московской.* - М., 1988. - С. 109-111.

шли успешные исследования поселений каменного века в Прибалтике. И Жуков (как и М.Я. Рудинский на Украине) считал, что эти исследования проливают новый свет на древнейший этап заселения лесной зоны Европейской России. Жуков опубликовал три статьи о каменном веке Прибалтики и стремился познакомиться с коллекциями из Северной Европы в натуре.

Итоги своей работы Жуков смог подвести в статье в журнале «Этнография» в 1929 году, появившейся одновременно в переводе на французский в журнале «Eurasia septentrionalis antiqua», издававшемся А.М. Тальгреном в Хельсинки⁶⁷. Как и созданная в начале 1920-х годов периодизация минусинских древностей С.А. Теплоухова, периодизация Б.С. Жукова привела в систему огромный эталонный материал, что позволяло при продолжении работ легко находить место каждому вновь открытому памятнику в четкой колонке комплексов.

Надо сказать еще о Жукове как музейном работнике. Он не только много сделал для пополнения коллекций Музея антропологии МГУ, но работал, кроме того, в Музее народоведения, где заведовал отделом Индонезии, Австралии, Океании и Африки. Школа Анучина давала возможность ориентироваться и в этнографических коллекциях. В 1923–1924 годах Жуков написал очерки «Китай, Япония и Корея», «Индонезия», «Австралия и Океания», «Африка». Видимо, это путеводители по отделам Музея народоведения. Они были подготовлены к печати, но света не увидели⁶⁸.

Основные коллекции, добытые экспедициями Жукова, были сконцентрированы в созданном им новом музее, названном Музеем ЦЧПО. Хранителем и заведующим археологическим отделом его стал О.Н. Бадер.

В 1928 году Жуков организовал на базе музея совещание по палеоэтнологии ЦЧПО. В нем приняли участие представители многих городов: С.С. Деев из Брянска, Н.И. Спрыгина из Пензы, В.В. Ассоннов из Калуги; и другие. Присутствовали и московские археологи школы Городцова (А.Я. Брюсов). В 1930 году состоялось второе совещание — на этот раз в Костроме. К первому совещанию был издан небольшой сборник («Материалы к доистории ЦЧПО». М., 1927).

⁶⁷ Жуков Б.С. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы по данным изучения керамики // Этнография. - 1929. - № 1. - С 54–77; То же: Sur les modifications chronologique et locales de l'age de Pierre dans la region centrale de l'URSS // ESA. 1929. Vol. IV. P. 61–81.

⁶⁸ Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политических репрессий в советский период. 1917–1951. - СПб., 2003. - С. 166.

Так к концу 1920-х годов Жуков оказался одной из центральной фигур в русской науке о древностях. Не случайно именно ему заказали раздел «Археология» в сборнике, посвященном десятилетию Октябрьской революции «Общественные науки в СССР с 1917 по 1927 год». Жукова предпочли более маститым археологам В.А. Городцову и А.А. Спицыну. Жуков, написавший весьма критическую рецензию (в журнале «Печать и революция» в 1925 году) на книгу Городцова «Археология. Каменный период», казался ученым более современным, чем Городцов. В 1926 году Жуков сменил Городцова на посту заведующего археологическим подотделом Главнауки при Наркомпросе СССР. Возможности его увеличились. В 1929 году он получил заграничную командировку на юбилей Германского Археологического общества. Из Берлина он поехал в Париж, а оттуда в Данию, Скандинавию и Финляндию, где изучал коллекции музеев. Тогда это удавалось очень немногим.

Пост в Главнауке сулил не только определенные выгоды, но и многие осложнения. В протоколах допросов курских краеведов, привлеченных к делу краеведов ЦЧО, опубликовавший эти до недавнего времени засекреченные документы С.П. Щавелёв, обнаружил жалобы на сотрудников Главнауки Б.С. Жукова и К.Э. Гриневича⁶⁹. Не случайно оба позднее подверглись репрессиям.

С конца 1920-х годов заметно стремление Жукова резко расширить круг своих интересов. В 1927–1928 годах он побывал в Крыму, где изучал стоянки с микролитическим инвентарем на Ай-Петринской яйле: Ат-баш, Балин-кош и Юсуповский бассейн; раскапывал раковинные кучи у Ласпи. Стоянки он считал мезолитическими, тарденуазскими, хотя на Ат-баше нашел днище остродонного глиняного сосуда.

В 1927 году вместе с П.П. Ефименко раскапывал палеолитическую стоянку, выявленную С.С. Деевым у села Супонева под Брянском. Участник экспедиции М.В. Воеводский нашел в соседнем селе Тимоновке другую богатую палеолитическую стоянку.

Интересовали Жукова и дольмены на черноморском побережье Кавказа. Он изучал их в 1928 году у Новороссийска и в 1929 году у Геленджика.

⁶⁹ Щавелёв С.П. «Дело» краеведов ЦЧО (курский «филиал») 1930–1931 гг. - Курск, 2007.

Всё сулило новый взлет в деятельности ученого. Но в 1931 году произошел крах. Жуков был арестован, отправлен в концлагерь, а затем скончался.

В истории ареста и гибели Жукова много неясного. Попытаемся разобраться, почему он попал в мясорубку репрессий. О.Н. Бадер, ошибочно датировавший арест учителя 1929 годом, прямо связывал это с командировкой во Францию и Германию. Действительно, ученые, которым удалось побывать в 1920-е годы в зарубежных командировках, часто подвергались после этого репрессиям. Среди археологов это произошло с Г.А. Бонч-Осмоловским и Г.И. Боровкой. Но командировка и арест Жукова разделены двумя годами.

1931 год — это год так называемого «Академического дела», жертвами которого стали около 150 русских историков, филологов, архивистов и археологов. Процесс проводился в Ленинграде. Следователи придумали мифический «Московский центр» столь же мифического «Союза борьбы за возрождение свободной России». По этому делу арестовали московских профессоров Ю.В. Готье, С.К. Богоявленского, которых Жуков несомненно знал.

После этого все научные учреждения оказались под строжайшим надзором ГПУ. В печати началась кампания «проработок», а жертвами становились сплошь и рядом видные ученые. В печально известной погромной брошюре В.И. Равдоникаса «За марксистскую историю материальной культуры («Известия Государственной академии истории материальной культуры», 1930, т. VIII, вып. 3–4) о Жукове говорилось как о проповеднике «биологизаторства», чуждого советским историкам. Палеоэтнологическое направление подверглось разгрому. Арестовали его приверженцев Г.А. Бонч-Осмоловского, А.А. Миллера, С.А. Теплоухова, М.Я. Рудинского. Тучи над головой Жукова сгущались.

В письмах к А.М. Тальгрену он, естественно, обходил все острые моменты, но о чем-то все-таки говорил. Он писал, что советские ученые не могут сотрудничать в одних изданиях с белоэмигрантами, и требовал от Тальгрена заверений, что никаких выпадов против советского строя в его журнале не будет. Все письма посылались теперь через ВОКС (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), контролируемое чекистами. Даны ссылки на заведующего Главнаукой большевика Т.М. Лядова. Последнее письмо Жукова Тальгрену датировано 6 августа 1929 года. После этого он ему уже не писал.

Музей антропологии МГУ и музей народоведения не избежали общей участи научных учреждений. Число сотрудников, подвергшихся репрессиям, и там, и там велико. Среди «антропологов» это Н.А. Абиндер, Б.А. Васильев, А.А. Захаров, Б.А. Куфтин, П.Ф. и С.Ф. Преображенские, А.И. Ярхо. Не проходил ли Жуков вместе с ними как обвиняемый по одному делу? Нет. Названные лица были арестованы в разные годы, осуждены по разным процессам.

Ясность в вопрос вносят поиски в архивах ФСБ искусствоведа И.Л. Кызласовой, разыскивавшей данные о судьбах исследователей византийского и русского искусства. Вместе с Жуковым судили людей, достаточно далеких от рода его занятий. Это искусствоведы Георгий Леонидович Малицкий (1886–1953) и Николай Рудольфович Левинсон (1888–1966); реставраторы Павел Иванович Юкин (1883–1945), Григорий Осипович Чириков (1880–1936), Михаил Сергеевич Лаповский (1898 – после 1931). Объединяет этих людей между собой и с Жуковым то, что все они связаны с музейным делом. Но привлекли к процессу и людей совсем других профессий. Таков Александр Гаврилович Марконет, в прошлом полковник царской армии, а к моменту ареста сотрудник Мосгосохотника.

Таким образом, арест Жукова был связан не с его заграничной командировкой и не с «Академическим делом», а с кампанией по разгрому русских музеев. Сотрудники их по мере сил противодействовали разрушению памятников старины, в частности церквей, продаже музейных ценностей за рубеж, практиковавшейся в СССР. Это противодействие рассматривалось властями как вредительство. В обвинительном заключении 1932 года говорилось: «В музейном отделе Наркомпроса укрепились определенная антисоветская группа, превратившая ... отдел в убежище для гонимых революцией представителей буржуазии, превратившая Музейный отдел для охраны интересов и имущества дворян и усадеб буржуазии. ... Группа перешла к вредительству и энергичной борьбе на идеологическом фронте»⁷⁰.

Жуков был видным музейным деятелем. По опубликованным материалам мы не знаем о выступлениях ученого против антикультурной политики верхов. Возможно, что-то удастся найти в архивах. Я обратил бы внимание на документы съезда краеведов ЦЧПО в январе 1930 года. Именно там должны были произойти прения между

⁷⁰ Цит. по: *Кызласова И.Л.* История отечественной науке об искусстве Византии и Древней Руси. 1920-е –1930-е гг. По материалам архивов. - М., 2000. - С. 355.

теми, кто стремился сломать всю систему музейно-краеведческой работы в стране, и теми, кто пытался ее защитить.

О.А. Кравцова-Гракова говорила мне, что виновником ареста Б.С. Жукова был С.П. Толстов. Не хотелось в это верить. Сейчас, лучше зная реалии той эпохи, я допускаю, что это возможно.

Толстов работал вместе с Жуковым в Музее антропологии МГУ и в Музее народоведения; участвовал в экспедициях Бориса Сергеевича. В письмах к А.М. Тальгрену тот называл среди статей, которые стоило бы опубликовать в Финляндии, статью Толстова о тюрюхангах.

В 1930 году было создано Общество краеведов-марксистов (ОКРАМ), противопоставившее себя краеведам, группировавшимся вокруг Центрального бюро краеведения, возглавлявшегося С.Ф. Ольденбургом. Толстов был одним из идеологов и организаторов ОКРАМа. В своей брошюре «Введение в советское краеведение» (М.–Л., 1932) он резко критиковал возникшие после революции музеи. Если там собирают предметы дворянского быта, то это злостная защита помещиков. Если коллекционируют крестьянскую утварь, это вредная проповедь кулачества. И т.д. Сын царского офицера и племянник активного деятеля Белого движения, атамана Оренбургского казачьего войска, Толстов старался доказать свою лояльность большевикам. Показательна его статья 1929 года «К проблеме аккультурации», направленная против выдающегося русского этнографа Д.К. Зеленина.

Противостояние Жукова и Толстова в такой ситуации становилось неизбежным.

Интересны строки из посвященных памяти Жукова стихов сотрудника Музея народоведения Александра Александровича Потапова (1894–1938):

То были дни кипенья и борьбы,
И творческой, и радостной работы.
Кругом стеной бараньи перли лбы.
Кругом стояли идиоты.

Потапов был поэтом-любителем, но он нашел точный образ. «Бараньими лбами» в геологии называют глыбы гранита, окатанные ледником. Внедрявшиеся в науку, в музейное дело выдвигенцы, про-

водившие партийную линию в противовес культурной работе интеллигенции, и названы в стихах «бараньими лбами» и идиотами.

Кто-то из таких деятелей и решил убрать с дороги Жукова. А для этого сгодились любые обвинения: и дворянское происхождение, и связь с религиозными кругами, и вряд ли свойственные Жукову монархические убеждения. Для этого к делу подключили совершенно сторонних, но удобных для следствия лиц, вроде убежденного монархиста А.Г. Марконета. Мой отец его знал (в нашем доме стоял ампирный шкаф красного дерева, проданный отцу обедневшим дворянином). Отец рассказывал об аресте Марконета. Чекисты увидели в его комнате портрет Николая II и спросили: «А это что такое?» — «Портрет государя императора моего, Николая Александровича», — спокойно ответил Марконет. Фамилия обрусевших французов Марконетов связана с семьей Александра Блока. Присяжный поверенный Александр Федорович Марконет был женат на кузине матери поэта А.М. Ковалевской — сестре матери другого поэта — С.М. Соловьева⁷¹. Высланный в Восточную Сибирь на три года, в Москву А.Г. Марконет уже не вернулся. Скорее всего, погиб в ссылке.

В дни Французской революции якобинский комитет общественной безопасности объединял арестованных, не знакомых между собой людей, в искусственные группы, называя это «амальгамой». Вместе со специалистами по христианскому искусству и полковником Марконетом оказался в такой «амальгаме», созданной поклонниками якобинского террора, и Борис Сергеевич Жуков.

23 августа 1931 года он был обвинен Коллегией ГПУ по статье 58-11, 22 Уголовного кодекса РСФСР и осужден на три года пребывания в исправительно-трудовых лагерях. Срок отбывал в Сиблаге в Кемеровской области.

В дальнейшем опять же много неясного. Археологи в один голос говорили, что Жуков умер в концлагере на Алтае. О.Н. Бадер указывал дату 29 мая 1933 года. В только что цитированных стихах А.А. Потапова тоже говорится об Алтае. В следственном деле находим иное. Жуков дожил до освобождения и был выпущен на волю по приказу ОГПУ 29 мая 1934 года (то есть через два года и 4 месяца после приговора; досрочное освобождение иногда допускалось при ударном труде с ускоренным зачетом срока). Умер якобы в Алма-Ате тогда же — 29 мая 1934 года⁷². Для Жукова столица Казахстана —

⁷¹ *Лесневский С.* Путь, открытый взорам. - М., 1950. - С. 167–168.

⁷² Люди и судьбы... С. 166.

город абсолютно чужой. Но это ссылочное место. Там жили на поселении Е.В. Тарле, И.Н. Бороздин, А.А. Захаров, Ю.О. Домбровский. Может быть, после концлагеря Жукова отправили на поселение в Алма-Ату? Но даты освобождения и смерти странным образом совпадают. Есть еще одна версия. Жуков был женат на сестре сотрудника Музея антропологии Петра Николаевича Башкирова. А он рассказывал, что после освобождения Борис Сергеевич приехал в Нижний Новгород, решил искупаться в родной Волге и простудился. Ослабленный лагерем организм не справился с воспалением легких. Таким образом, мученик якобы окончил свои дни в родном городе. Эту версию, может быть, удастся проверить по документам нижегородских архивов.

Остановимся на последнем вопросе — на судьбе научного наследия Жукова. В довоенные годы его имя еще упоминалось в научной печати⁷³. В послевоенные же, когда приказали «исключить всяческие упоминания» репрессированных, о Жукове уже не говорили. Подготовленный им к началу 1930-х годов сборник, посвященный раскопкам ветлужских городищ, из печати не вышел. В 1940-х годах О.Н. Бадер приложил усилия к изданию этих материалов. Некоторые статьи (М.В. Воеводского, А.Н. Формозова) вошли в изданный в 1951 году том «Материалов и исследований по археологии СССР» в первоначальном виде, но статьи самого Жукова опубликованы не были. Вводный обобщающий очерк написал О.Н. Бадер⁷⁴, после чего раскопки этих городищ приписывают порой ему, а не его учителю.

Полевые работы Жукова в Волго-Окском бассейне и в Крыму продолжил в предвоенные годы Бадер. Он, а позднее А.А. Формозов, опубликовали некоторые материалы из раскопок на Ай-Петринской яйле.

Коллекции из раскопок Супонева легли в основу кандидатской диссертации И.Г. Шовкропляса.

После войны А.Я. Брюсов продолжил раскопки на стоянках Льялово и Николо-Перевоз, не упоминая имени предшественника. В своих «Очерках по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху» (М., 1952) Брюсов не учитывал важнейшее наблюдение Жукова о том, что ямочной керамике льяловского типа

⁷³ См., например: Бадер О.Н., Воеводский М.В. Краткий очерк археологических исследований Института, кафедры и Музея антропологии МГУ // Ученые записки МГУ. Биология. Юбилейная серия. Вып. XIV. - М., 1940. - С. 243–247.

⁷⁴ Бадер О.Н. Городища Ветлуга и Унжи // МИА. - М., 1951. - № 22. - С. 110–158.

предшествовала глиняная посуда иного облика — с прочерченным и накольчатым орнаментом. Волосовские древности, воспринимавшиеся Жуковым как большой круг памятников на территории всей лесной зоны Восточной Европы, Брюсов сводил к сравнительно узкому ареалу только в долине Оки. Это приняла и ученица Брюсова И.К. Цветкова.

В 1960-х – 1980-х годах в Верхнем Поволжье развернулись широкие исследования экспедиции Д.А. Крайнова. Они подтвердили, что слои с посудой львовского типа подстилаются слоями с керамикой с накольчато-гребенчатым орнаментом (стоянка Сахтыш в Ивановской области). Это впервые установил Жуков в Языкове, но Крайнов об этом умалчивал, объявляя о своем великом открытии новой верхневолжской культуры. Крайнов вернулся к представлениям о Волосове как об очень обширном явлении, захватывающем даже Прибалтику.

Одним словом, идеи Жукова выдержали испытание временем, хотя присваивались другими людьми, тогда как построения А.Я. Брюсова устарели полностью.

Музеи, где работал Жуков, постигла не лучшая участь. Музей ЦЧПО закрыли, а его коллекции передали Московскому областному музею в городе Истре. Закрыли и музей народоведения, а его коллекции передали Музею этнографии народов СССР в Ленинграде. Музей антропологии МГУ уцелел, но его хранители М.В. Воеводский и М.Д. Гвоздовер стремились сосредоточить в музее только коллекции по палеолиту. Все же остальные собрания они охотно отдавали другим музеям. Так, важная коллекция из подмосковного Льялова оказалась на берегах Невы, в Эрмитаже. Материалы из Ветлужских городищ очутились в Историческом музее. И т.д.

Не было сделано никаких попыток отыскать неопубликованные работы Жукова или архивные документы о нем. Мне кажется, что настала пора сделать это, и земляки Бориса Сергеевича — нижегородские археологи и краеведы могли бы заняться этим, вместо того чтобы прославлять доносчика и компилятора В.Т. Илларионова. В нижегородских архивах должны быть документы и о начале пути Б.С. Жукова, и о работе его экспедиций 1920-х годов, и об обстоятельствах его смерти.

ИЗ КНИГИ «ЧЕЛОВЕК И НАУКА» (Не публиковавшиеся очерки)

I

ЗАНЯТИЯ ИСТОРИЕЙ НАУКИ

За шесть десятков лет работы в науке я занимался разными темами. Исследование древностей каменного и бронзового веков входило в сферу моих непосредственных служебных обязанностей. Помимо этого, много времени уделял я истории науки, записям мемуарного характера и популяризации. Из этих трех направлений моей деятельности коллеги одобряли только последнее, и то понимая его в ложном свете: за популярные книжки платят гонорары, а составление их считается делом полезным. Два других направления археологи воспринимали как мою причуду. Попробую растолковать, что заставляло меня бросать раскопки и сидеть над старыми журналами или папками архивных документов; разыскивать и расспрашивать тех, кто был современником и участником событий, и раньше волновавших очень немногих, а сейчас начисто забытых.

На первых порах в этом сыграли роль случайные обстоятельства. В школе и при поступлении в университет я колебался — посвятить себя изучению эпохи Пушкина или археологии. Совершив выбор, может быть, ошибочный, я навсегда сохранил любовь к русской культуре XIX столетия. Мне нравилось листать книги полуторавековой давности, находить в одном номере «Сына отечества» на соседних страницах «Проект ученого путешествия по России для объяснения древней славянской истории» Зорияна Доленга Ходаковского и отклики на только что вышедшую поэму Пушкина «Руслан и Людмила».

Чарльз Сноу заметил, что холостякам свойственен повышенный интерес к людям. Видимо, он прав. Я не раз убеждался, что знаю о судьбах своих сверстников и учителей больше, чем мои товарищи и сослуживцы. Мне всегда хотелось понять, почему люди строят свою жизнь так, а не иначе; идут тем, а не другим путем. В отличие от истории, первобытная археология безлика. Этот ее недостаток в какой-то мере восполнялся для меня рассказами о трудах и днях моих предшественников.

То, что прочие археологи не разделяли мой интерес к прошлому своей науки, отчасти объясняется особенностями нашего фонда источников. Каждый полевой сезон приносит новые находки. Построения, созданные всего несколько лет назад, приходится пересматривать решительным образом. Методика раскопок совершенствуется,

анализ древностей становится всё изощреннее. Результаты проведенных не так уж давно исследований нас уже не удовлетворяют. Так стоит ли штудировать книги, изданные при царе Горохе?

Отсюда поразительно плохая осведомленность моих коллег о тех, кто работал некогда в той же самой области, что и они. Из книги в книгу переписывали, что начало изучения Боспорского царства положили раскопки генерала Вандервейде в конце XVIII века на Тамани, а хронику раскопок Херсонеса Таврического открывают разыскания лейтенанта Крузе в 1827 году. Инициалы этих людей нигде не приводились, а фамилия лейтенанта передавалась то как Крузе, то как Крузе, то как Крузо.

Я порылся в справочниках о русской армии и флоте и без особого труда уточнил, что генерала Вандервейде не существовало в природе, а был полковник Фан-дер-Фейде. Николай Максимович Крузе в 1827 году был мичманом и, видимо, не возглавлял предпринятые генералом В.Н. Берхом поиски храма, где крестился святой Владимир, а лишь участвовал в них на третьих ролях.

Почему-то до меня ни один из многочисленных антиковедов не удосужился навести эти справки. Даже почтенный Георгий Дмитриевич Белов, всю жизнь — пятьдесят семь лет — занимавшийся Херсонесом и только им, спокойно переписал в своей монографии сведения о лейтенанте Крузе из брошюрки К.Э. Гриневича, не потрудившись заглянуть в другие справочники, не говоря уже об архивах⁷⁵.

Еще пример: готовя книгу об И.Е. Забелине, я опросил всех скифологов, кто первым в нашей литературе сопоставил рассказ Геродота о скифах с материалами раскопок южнорусских курганов. Все разводили руками. А ведь это поистине поворотный пункт в развитии нашей науки (Думаю, что приоритет за Н.И. Надеждиным).

Сейчас знание историографии требуется от поступающих в аспирантуру и сдающих кандидатские экзамены («История и философия науки» — уже несколько лет один из них), от диссертаций и обзорных трудов («Степень изученности проблемы»). Но почти везде всё сводится к сумме формальных справок: «Большой вклад в разработку данной проблемы внесли И.И. Иванов (сноски), П.П. Петров (сноски), С.С. Сидоров...» Реверанс сделан, галочки поставлены, и автор чувствует себя свободным. Выводы И.И. Иванова далее спокойно излагает как свои собственные, выводы П.П. Петрова замалчи-

⁷⁵ См.: *Формозов А.А.* К летописи археологических исследований в северном Причерноморье в первой половине XIX века // Советская археология. - 1975. - № 1. - С. 171–175.

ваются, поскольку они не укладываются в удобную для сочинителя схему. В целом читателю внушается: до меня были добыты кое-какие сырые материалы, а все кардинальные вопросы решены именно мной.

В специальных историографических очерках, изредка появляющихся в печати, механически пересказывается содержание старых книг и статей, что решительно никому не нужно. Те, кто занимается рассматриваемой эпохой или районом, предпочтут обратиться к первоисточникам, а людям, далеким от этих сюжетов, подобные компиляции ни к чему.

В таких обзорах наши предшественники превращаются в безликую толпу. Профессионального разбора их идей, методов, исканий нет и в помине. Смазывается то, что один из ученых проложил новые пути в науке, наметил основные направления исследований на долгие годы вперед, другой был малоодаренным крохобором-фактологом, а третий — даже недобросовестным человеком. Оценок нет. Разве что речь пойдет о персонах, занявших влиятельные посты. Тут уж кадят вовсю.

Очень узко понимается контекст. Если работа посвящена, скажем, Нижнему Поволжью, то об исследованиях в Среднем Поволжье, Подонье или Казахстане не упоминается. Между тем плодотворный опыт соседей сплошь и рядом значил для археологов Нижнего Поволжья больше, чем раскопки еще одной стоянки или могилы по старой методике в пределах изучаемого региона. В еще меньшей мере учитывается общеисторический контекст появления тех или иных книг и статей — увидели они свет в эпоху ломки и перемен или преобладания консервативных тенденций, в период интенсивных международных сношений или изоляции от внешнего мира.

Вот эти-то утвердившиеся в нашей литературе методы обращения с трудами предшественников и вызывали у меня протест, и заставляли строить свои историографические штудии на совершенно других принципах. Смысл изысканий в области истории науки я вижу не в реверансах перед учителями и коллегами старшего поколения, и не в демонстрации своей осведомленности в библиографии, а в ряде существенно иных положений. Выделю среди них четыре важнейших.

Первое: любые исследования археологических памятников неминуемо их уничтожают. Значит, в публикациях XVIII–XIX веков есть данные, которые не могут быть получены вновь. Их надо вы-

явить, проанализировать, сопоставить с материалами, добытыми позднее.

Второе: до нас работали замечательные ученые. По каким-то вопросам они обладали куда меньшими знаниями, чем мы, но это не умаляет их заслуг, а как раз делает их достижения особенно значительными. В других отношениях они имели перед нами даже преимущества. Не будучи задавлены горами мелких фактов, могли мыслить масштабнее, чем мы. Универсальная гуманитарная подготовка XVIII–XIX столетий наделяла людей недоступной для нас широтой кругозора. Сейчас каждый школьник хотя бы понаслышке знает о множестве вещей, неведомых Аристотелю или Ньютону, но из этого отнюдь не следует, что нынешние школьники судят о Вселенной глубже Аристотеля. Они лишь пассивно усвоили некоторые сведения, а греческий мыслитель создал цельную картину мира. До такого уровня за два с лишним тысячелетия поднимались считанные единицы. Жизненный путь большинства ученых не был усыпан розами, но те, чьи имена как-то звучат для нас, всё равно сумели внести определенную лепту в общую сокровищницу знаний. Наш моральный долг помнить об этих людях, рассказать о них нашим преемникам.

Третье: история археологии не просто частный раздел внутри этой научной дисциплины. Это и страница истории великой русской культуры. Проблема культурного наследия, глубоких корней важнейших явлений русской жизни по-разному стояла на разных этапах развития нашего общества. Внимательное рассмотрение этого круга тем показывает, как тесно переплетаются судьбы археологии в России со сменой эстетических учений, художественных стилей и вкусов, с борьбой общественно-политических идей.

И, наконец, четвертое, как общий итог. Знание истории науки позволяет точнее определить место, занимаемое в общей системе твоими личными исследованиями. Ты начинаешь понимать, насколько ошибочно обычное представление о нашей работе: вот источник, а вот я, исследователь. Я задаю ему вопросы, а полнота ответов зависит от силы моего таланта. Нет, я не один, со мной всё время рядом традиция подхода к этому типу источников, в чем-то плодотворная, а в чем-то уже окостеневшая. Тот, кто видит весь контекст ведущейся работы и в поступательном движении данной конкретной науки, и в эволюции культуры в целом, не столь бездумно пишет свои книги, как многие его коллеги; ясно сознает, чье дело он продолжает, а ка-

кой традиции противостоит, какова сверхзадача у статьи или монографии, посвященной сравнительно узкому вопросу.

Заинтересовавшись прошлым науки еще в 1950-е годах и выпустив «Очерки по истории русской археологии» в 1961, к изложенным здесь установкам я пришел не сразу; пожалуй, уже в конце 1970-х годов. Этот новый для меня поворот темы нашел отражение в изданных в 1979–1995 годах книгах: «Пушкин и древности», «Александр Николаевич Формозов», «Начало изучения каменного века в России», «Историк Москвы И.Е. Забелин», «Страницы истории русской археологии», «Следопыты земли московской», «Русские археологи до и после революции», «Классики русской литературы и историческая наука», «Русские археологи в период тоталитаризма»; в серии журнальных статей.

II

ЗАПИСИ О ПРОШЛОМ

1975 год. Готовлю к печати «Записки натуралиста», начерно набросанные отцом в затемненной и холодной Москве военной зимой 1944 года. Он вспоминает, в частности, как юношей слышал от старухи-раскольницы из Оленевского скита о жестоком «гонителе и зорителе» чиновнике Мельникове. Заглядываю в книги, чтобы уточнить, о чем речь. Узнаю: разгром скитов в нижегородском Заволжье — 1853 год; Мельников — тот самый, Печерский. Вскоре николаевская реакция кончилась, утеснения старообрядцев прекратились, и недавний враг их начал с умилением повествовать об исконно русских добродетелях, таящихся «в лесах и на горах». 1853–1921–1944–1975. Как всё связано, как еще недалеко прошлое!

Да что тут говорить: я прекрасно помню заведующего отделом нумизматики Исторического музея Александра Александровича Сиверса. Он умер в 1954 году, когда я уже защитил диссертацию и работал в Академии. А Сиверс — представитель высшего общества царской России, достигший перед революцией камергерского звания, — родился в 1866 году и камер-юнкером знал еще государственного канцлера А.М. Горчакова, однокашника Пушкина по Лицею. Всего два звена, два рукопожатия отделяют меня от Пушкина.

В 1932 году я только учился читать, и бабушка принесла мне свою первую книжку. Она и сейчас у меня: «Песни колыбельные и детские и прибаутки», 1870 год. В ней я натолкнулся на совершенно не соответствующую началу тридцатых годов «Славу»: «Слава Богу на небе, Слава! Государю нашему на сей земле, Слава!» Под текстом картинка с надписью: «19 февраля 1861 года». Освобождение крестьян в момент издания «песен» было совсем свежим событием. Но стихи-то гораздо старше. Их сочинил Алексей Федорович Малиновский — архивист, автор книги об Оружейной палате, о котором я писал в моих историографических очерках, близкий знакомый родителей Пушкина. Это песня из его пьесы «Старинные русские святки» 1799 года. Итак, еще глубже: 1799–1870–1932. Детская книжка перебывала в руках трех поколений: девочки Ани Быковской, ее детей Промптовых и ее внуков.

Но можно отсчитать и три поколения назад. Автор «Юрия Милославского», современник Пушкина и Гоголя М.Н. Загоскин упомянул о двоюродном деде моей бабки Иване Андреевиче Быковском в своей книге «Москва и москвичи» (Выход 2. М., 1844. С. 433). Оказывается, этот купец владел восемью языками, как европейскими, так и азиатскими (вел торговлю с Хивой и Бухарой), собрал богатейшую библиотеку. Прошлое становится зримым, осязаемым.

Но это лишь одна сторона проблемы. В тех же отцовских «Записках натуралиста» есть глава о детстве на Волге. Живя на даче около Лыскова, отец часто заходил в Макарьевский Желтоводский монастырь. Через тридцать четыре года он хорошо передал впечатления одиннадцатилетнего мальчика от древних крепостных стен, от неторопливого, десятилетиями не менявшегося быта за этими стенами. Попутно рассказывается, что сперва монастырь был мужским, потом его взял приступом Разин, вырезал всех его обитателей, и, восстанавливая обитель, ее сделали женской. Опять листаю справочники: да, было такое преобразование, но вовсе не в XVII столетии. Закрыли старый монастырь в 1868 году из-за подмыва берега Волги, а новая жизнь в нем началась в 1883. Уже четверть века спустя всё это забылось и обросло легендами. Прошлое вроде бы и недалеко, но память человеческая поразительно несовершенна.

Это сплошь и рядом отражается на страницах печати. Отец умер в декабре 1973 года. В февральском номере журнала «Природа» появился первый некролог. Он был написан тепло, с уважением к памяти покойного, но с удивлением и досадой прочел я, что он родился 10 ноября 1898 года, в семье учителя, в 1920 поступил в МГУ, а по окончании его в 1924 году стал там преподавать. В действительности отец родился 14 февраля 1899 года в семье мелкого служащего, в МГУ попал в 1923 году, окончил его в 1925, а лекции на биофаке читал с 1930. После долгих уговоров журнал поместил только одну поправку — верную дату рождения.

Откуда эта цепь ошибок? Ведь всего четыре года назад вышли статьи к семидесятилетию А.Н. Формозова, содержащие точные данные. Скорее всего, автор взялся за некролог, не имея под рукой никаких книг, и проставил цифры с потолка в расчете позже заменить их, но тут же забыл о своем намерении. Чтобы это не повторилось, для некролога в «Бюллетене Московского общества испытателей природы» А.А. Насимович попросил родных составить шпаргалку с выверенными датами. Он прочел: «Александр Николаевич родился 1 фев-

раля старого стиля» — и задумался, как это перевести на новый: тринадцатого или четырнадцатого? Решил указать по старому. В итоге путаница увеличилась. Напечатано было: «1 февраля 1899 года нового стиля».

Но вот кто-то из сослуживцев, увидев посвящение «Памяти отца» на моей книжке «Археологические путешествия», спросил меня, когда он умер, и я, раздражавшийся на других, в 1975 году ответил: «В декабре прошлого года» и только потом сообразил, что уже «по-запрошлого».

Всё забывается и путается. Всё со временем трансформируется в сознании (как у Мельникова восприятие старообрядчества). Нельзя полагаться на память. Надо всё проверять и записывать. Но зачем собственно? Затем, что для человека безмерно важно чувствовать себя как-то преемственно связанным с предшествующими поколениями, с событиями русской истории, с деятелями нашей культуры, чтобы не быть Иваном, не помнящим родства; не стать хамом, которому море по колено, ибо он сам по себе, а всё окружающее для него чужое и даже враждебное.

Это чувство причастности к прошлому лучше всего было развито в дворянских семьях. Но и для такой разночинческой по происхождению семьи, как моя, без труда можно нащупать преемственные связи хотя бы с XIX веком. Вдруг в «Литературном наследстве» (т. 88, кн. 1. 1974, с. 79) наталкиваюсь на портрет А.Н. Островского с автографом — дарственной надписью И.В. Промптову. Это дед моей матери, кинешемский почтмейстер. Беру в библиотеке комплекты «Нижегородских епархиальных ведомостей» в надежде найти какие-нибудь данные о предках отца и неожиданно обнаруживаю сотни упоминаний о Формозовых, по крайней мере, о 33 лицах. Старший из них — диакон Николай в 1872 году получил пособие за службу свыше 25 лет. Начал он ее, следовательно, минимум с 1847 года.

Записи все сугубо официальные: отметки при переводе из класса в класс духовных училищ и семинарии; назначения диаконом или священником; перемещения из одного прихода в другой; награждения набедренником или скуфьей; извещение о смерти. Но иногда проскальзывают и живые черточки. Сергей (Формозов) с 1901 по 1915 годы меняет место за местом, отрешается от должности за самовольные отлучки из прихода, вновь устраивается и наконец увольняется «за непочтение и непослушание священнику». Предок.

И занятно: имен много, но как связаны между собой представители этой разросшейся фамилии, неясно. Кто кому сын, брат? Словно имеешь дело со списком египетских фараонов, а не с журналами прошлого века.

И всё-таки я что-то знаю о пяти поколениях моих предков по отцовской линии. Не всем это дано. Лорд Сноу в «Двух культурах» говорит, что ничего не слышал уже о своем деде, не то что о далеких пращурах. Таких людей сейчас большинство.

Что упущено, то упущено. Но не будем терять то, что еще можно закрепить, вовремя записать. Не смущайтесь тем, что ваши сведения касаются не Пушкина или Островского, даже не Загоскина или Мельникова-Печерского, а неграмотных крестьян и солдат, заурядных купцов или дьячков. Надо сохранить образы и этих «обычных» людей, каждый из которых неповторим и вместе с тем несет на себе отпечаток эпохи, страны, среды.

Сознавая это (пусть поначалу и весьма смутно), я очень рано — в 1957 году, двадцати восьми лет, решил записывать всё характерное и любопытное в том или ином отношении. Много, показавшееся потом мелким и поверхностным, я уничтожил, но отдельные листы и отрывки сохранил.

III

О НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ КНИГАХ

Делиться с широким читателем результатами своих специальных исследований в традициях русской науки. Оставляя в стороне естествоиспытателей (Мечников, Тимирязев, Павлов), напомним о публичных чтениях Грановского и С.М. Соловьева. Много хороших научно-популярных книг вышло в начале XX века — после революции 1905 года и в период нэпа. Потом традиция прервалась. Возродил ее после войны С.И. Вавилов в академическом издательстве «Наука». В 1940-х – 1970-х годах опубликованы десятки брошюр, в том числе и очень полезные. Тогда и я попробовал свои силы в этом жанре ⁷⁶. Мои книжки быстро разошлись, получили благожелательные отзывы в таких журналах, как «Новый мир» и «Знание — сила», но, когда я предлагал свои рукописи издательствам и когда над ними трудились редакторы, мне упорно говорили, что я пишу слишком сложно, не учитывая запросы потребителей. Это заставило меня задуматься о популяризации. Разумеется, я не собираюсь навязывать всем какой-то единый рецепт. Чем многообразнее будет наша печатная продукция, тем лучше. Но знакомство с существующей литературой показывает, что авторы не просто по-разному смотрят на свою задачу, но и представляют ее себе недостаточно четко.

Всякая ли тема может стать предметом научно-популярной книги? В наших редакциях не сомневаются — отнюдь не всякая, а только крупные, торжественно звучащие темы. Применительно к моей специальности, скажем, — «Происхождение человека» или «Происхождение славян». Исключение делается лишь для сочинений с рекламно-застывающими заглавиями вроде «Загадки золотого кургана», «Тайны времен минувших» и т.п. Пусть они содержат длиннейшие таблицы химических анализов или скучные рассказы о рядовых раскопках, не раскрывшие ровно никаких загадок и тайн, — не важно, было бы интригующее название. Ну, а если в ту же редколлегию попадет рукопись с не слишком броским и не слишком широковещательным заголовком, скорее всего, ее отклонят.

⁷⁶ См. прежде всего: *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства на территории СССР. - М.: Наука, 1966. - 127 с.; 2-е, доп. и перераб. изд. - М., 1980. - 136 с. (Академия наук СССР. Научно-популярная серия); *Его же.* Древнейшие этапы истории Европейской России. - М.: Наука, 2002. - 154 с. (Серия «Научно-популярная литература») — *Примечание составителя.*

В 1964 году я принес в издательство «Наука» брошюру «Памятники первобытного искусства на территории СССР». Плоха она или хороша — вопрос другой. Но насколько проблема древнейшего искусства интересует читателей, я убеждался не раз. К моему удивлению, заявку отклонили именно потому, что тема не интересна. Благодаря ходатайству моих коллег решение удалось изменить. Была объявлена предварительная подписка ⁷⁷ и собрано 30 тысяч заказов. Тираж мне дали, однако, 20 тысяч. Книгу раскупили дней за десять, на конкурсе общества «Знание» наградили дипломом, но едва я заикнулся о переиздании, как услышал, что оно не нужно, да и само первобытное искусство никому не нужно.

Между тем перелистайте указатели английских популярных серий издательств «Пингвин-бук» и «Пеликен-бук». Чего там только нет: и «Культуры каменного века Южной Африки», и «Древняя Анатолия». Можно заранее сказать, что ни одна из этих книг не показалась бы заслуживающей внимания нашему издательству. Отчасти дело, видимо, в традиционном перевесе технической литературы над гуманитарной в изданиях СССР в целом. В 1955 году процент литературы по общественным наукам по отношению ко всей продукции в СССР был равен 17, а по прикладным — 52. В Англии, соответственно, — 16 и 16; в Югославии — 27 и 20; в Италии — 21 и 13; в Чехословакии — 35 и 28 ⁷⁸. Это существенно. Но есть и пренебрежение к запросам читателей. То, как расходились альбомы и книги издательства «Искусство», должно было бы чему-то научить наших редакторов.

На мой взгляд, для научно-популярной литературы никакие темы не заказаны, и ограничение их до пресловутого «Есть ли жизнь на Марсе?» свидетельствует о бедности воображения наших издательских деятелей, о недооценке ими культурного уровня читательской аудитории. Секрет успеха не в названии, не в теме, а в подходе к ней.

Вот вышла брошюра профессора А.П. Смирнова «Скифы» (М., 1966). И тема выигрышная, и попытки оживить изложение налицо (эпиграф из Блока — «Да, скифы мы..., попробуйте сразиться с нами!»). Но дальше начинается нечто томительно-скучное, так что я не

⁷⁷ В ту пору существовала весьма рациональная система предварительных заказов по всем книжным магазинам СССР по планам книжных издательств на предстоящий год — *Примечание составителя.*

⁷⁸ Крупнейшие издатели книг в 1955 году // Курьер ЮНЕСКО. - 1957. - № 2. - С. 20-21.

уверен, хватило ли у кого-нибудь терпения дочитать всё до последней страницы. Автор — известный археолог, но литературного дарования у него не было, и браться за популяризацию ему явно не следовало. Никакое потакание мещанскому любопытству на манер «Загадки золотого кургана» не сделает книгу научно-популярной. Тема может быть и узкой, и специальной, но от книги не оторвешься, если автор умеет на примере малого затрагивать большие, волнующие людей темы.

Для меня на протяжении всей жизни недостижимым образцом остается книга И.Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями». Я прочел ее еще школьником в 1945 году, и мое первое восприятие было таким же, как у рядового читателя. Потом я вновь возвращался к ней, уже получив историческое образование и поработав в архивах и рукописных отделах библиотек, но она не утратила для меня своего обаяния. В маленьких, слабо связанных друг с другом главках, Крачковский вспоминает некоторые свои исследования, в сущности, весьма специальные, на сугубо частные темы — о третьестепенных арабских поэтах, о забытых ученых-ориенталистах начала XIX века, о крайне отрывочных текстах в плохо сохранившихся и не очень содержательных документах. Но, говоря об этом неблагоприятном калейдоскопическом материале, автор сумел передать и пафос научного поиска, и аромат восточного средневековья, и идею преемственности в развитии культуры, многое, многое другое.

Пример этот показателен еще в одном отношении. Крачковский нигде не объясняет нам, что такое арабская культура, а ведь это знает далеко не каждый. Нигде не оговаривается, почему, собственно, речь идет о рукописях, а не о произведениях типографского станка; почему арабским языком пользовались и в Европе, и в Азии, и в Африке. Объяснений нет, но об этом не думаешь. Представив себе мысленно подобные поясняющие вставки, мы поймем, что они неминуемо нарушат поэтический строй книги.

Я обращаю на это внимание потому, что наши редакторы требуют, чтобы в научно-популярной книге любой термин, любое не вполне обычное явление подробнее истолковывалось. Нельзя просто упомянуть термин «палеолит», надо тут же добавить, что «это значит древнекаменный век, а слово происходит от греческого «палеос» — древний и «литос» — камень, а древнекаменный век — это период, когда...» и т.д., и т.п. Правда, то же самое сказано даже в учебнике истории для пятого класса, но предполагается, что наши

сочинения читают и люди, не учившиеся в начальной школе (в чем я сомневаюсь) или основательно забывшие ее программу. В глазах иных наших авторов и редакторов научно-популярная литература — всего-навсего особая разновидность научной, отличающаяся тем, что тут каждый вывод предельно разжевывается для читателя.

В итоге получается, по-моему, нечто, превосходящее по скуке чисто научную книгу, ибо бесконечные пояснения непрерывно мешают естественному течению мысли и раздражают мало-мальски начитанного человека. В «Докторе Фаустусе» Томас Манн заметил: «Самый активный, самый горделивый и, пожалуй, наиболее действенный способ познания — предвосхищение знания, рвущееся вперед через зияющие пустоты незнания... Юношество, бесспорно, предпочитает такой способ усвоения; пустоты же с течением времени сами собой заполняются»⁷⁹. Это очень верное наблюдение. Избегать перегрузки специальной терминологией нужно, кое-что объяснять по ходу дела тоже нужно, но изрядную долю фактов можно излагать с верой в осведомленность читателя; в то, что, на худой конец, он разгадает смысл незнакомых ему выражений. Ну, а если он не догадается и захочет заглянуть в энциклопедию, то право же, это неплохо.

Нет, не нудные разъяснения всего и вся делают книгу популярной. Мне представляется, что это вовсе не расшифрованная для непосвященных научная книга, а совсем другой жанр, близкий к художественной литературе, поскольку в нем личный момент играет гораздо большую роль, чем в ученых исследованиях. Это жанр, где надо стремиться раздвинуть тесные рамки своей специальности и постараться выйти из лабиринта библиотечных полок, музейных стеллажей, лабораторных столов на широкий простор, куда не рискует или по традиции не считает нужным выходить кастовый ученый.

Конечно, и в монографиях, и в журнальных статьях, и в отчетах о полевой или лабораторной работе в чем-то проявляется личность автора, его преданность фактам и нелюбовь к фантазиям; или, наоборот, некоторая небрежность в «мелочах» и страсть к эффектным построениям и сенсациям; уровень культуры, широта кругозора. Но там это получается невольно. Напротив, идеалом всякой науки (недостижимым, но осознающимся) служит такое положение, когда совершенно разные исследователи описывают одну и ту же местность, химическую реакцию, раскопки кургана и т.д. совершенно одинаково.

⁷⁹ Манн Т. Собр. соч. в 10 томах. Т. 5. - М., 1960. - С. 77.

При этом посторонние мысли, возникшие у автора в процессе работы, нас не интересуют, и любое отвлеченное рассуждение на общие темы на страницах отчета или монографии воспринимается как что-то инородное, как позерство и манерность.

Не таков идеал популяризатора. Подобно писателю, он должен рассказать о каком-либо явлении по-своему, не банально, как можно выразительнее. Образ автора для нас уже не безразличен. Нам хочется понять, как смотрит на свой труд, на всё окружающее, на жизнь в целом человек необычной, далекой от нас профессии. В научной книге я обязан строго придерживаться фактов. В популярной — мне дано право на неожиданные сближения и сопоставления, на смелые гипотезы, а порой и на фантазии. Когда мы берем в руки диссертацию или монографию, нам незачем знать, что именно подтолкнуло автора к его занятиям. Нам важны полученные результаты, а не все осложнения на пути к ним. В научно-популярной книге на первый план часто выступают исследовательская мысль, психологические предпосылки великих открытий и трагических заблуждений; рассказ об ученых разных школ, разного склада.

Многое здесь решают характерные мелкие штрихи, столь ценные писателями, и непривычные для склонных к генерализации ученых. И не в том суть, что отвечают на наши вопросы энтомолог или археолог. Один ездит в экспедиции потому, что его неодолимо влечет в родные костромские или владимирские места; другой — потому, что мечтает отыскать следы древнейшей культуры, созданной его предками, и показать ее величие; третьим руководит преклонение перед искусством прошлого. Это детали. Любой ответ поможет нам оторваться от частных и взглянуть на мир с новой для нас точки зрения. Тот, кто умеет раскрыть на материале малого что-то значительное; увидеть связь своей узкой специальной темы с проблемами, над которыми задумываются все люди, и напишет настоящую научно-популярную книгу.

Нет спора — это трудно. И всё-таки возможно. Доказательство тому — те же миниатюры «Над арабскими рукописями». Крачковский был замечательным ученым, человеком редкого благородства, высокой культуры, и это нашло полное выражение в его книге. Не всем дано быть Крачковскими. Иные наши сочинения, написанные в подчеркнуто личной манере, против воли автора⁸⁰ обрисовывают на-

⁸⁰ «Слова Петра о Павле говорят нам больше о Петре, чем о Павле» — высказал, кажется, еще Спиноза. — *Примечание составителя.*

туры малосодержательные. В рассказах иных археологов-сибиряков про путешествия с приключениями (встречи с медведем в тайге и смерчем в пустыне Гоби), чувствуется легковесность туриста, не более⁸¹. Но и такие поверхностные очерки, по-моему, ближе к подлинной научно-популярной литературе, чем уснащенный тысячами пояснений тоскливый вариант того, что более сжато сообщалось в серьезных исследованиях и журнальных статьях.

* * *

В заключение для примера попытаюсь объяснить замысел собственной книги «Пушкин и древности» (М., 1979; 2-е изд., М., 2000). И тем, и задач в ней несколько. Простейшая из них: предложить комментарий археолога к некоторым произведениям Пушкина. Кое-какие мелочи, оставшиеся непонятными литературоведам, удастся уточнить, растолковать. Но их не так много, написать об этом можно лишь маленькую статейку; и рядом выступает вторая тема: археология пушкинской поры. Я характеризую тот фон, на который накладывался интерес поэта к древностям — античным, славянским, восточным; стараюсь восстановить яркую, но полузабытую страницу истории русской археологии. Таков внешний слой книги.

Следующий слой — более трудная задача — дать портреты ряда современников Пушкина, в той или иной мере занимавшихся археологией. Прежде всего, я говорю об ученых разных типов, сохранившихся по сей день и знакомых мне по личному опыту; о неизбежных конфликтах между ними, связанных с неодинаковым отношением к делу непохожих друг на друга людей.

Вот А.Н. Оленин — специалист европейского уровня, но сугубо кабинетного толка, ни разу не съездивший посмотреть на античные города Северного Причерноморья. А вот — прозябавший в захолустной Керчи полевой работник Поль Дебрюкс. Оленину он казался ни к чему не способным невеждой. В действительности же именно его раскопки положили начало изучению древнего Пантикапея.

И.А. Гульянов — великий эрудит, по мнению окружающих, чуть ли не гений — оказался в итоге творчески совершенно бесплодным и памятен потомству только по «Ответу анониму» Пушкина.

⁸¹ См.: Диков Н.Н. По следам древних костров. - Магадан, 1960; Ларичев В.Е. Азия далекая и таинственная. - Новосибирск, 1966.

Зорян Ходаковский — нелепый чудак, вызывавший насмешки московского общества, — при всем том прокладывал новые направления в науке.

Наконец, еще конфликт — полезного популяризатора и доверчивого дилетанта Свиньина с кастовыми специалистами. Они не просто третировали и презирали его, а на полтора года закрепили за ним репутацию патологического лжеца, при проверке не подтверждающуюся.

Это типы и ситуации «вечные». Но были и другие люди, вроде далекие от науки, но поражающие современников своими широкими познаниями, — Чаадаев, Грибоедов, Тепляков. Таких людей нынче не встретишь. Они могли появиться только в эпоху классического образования, привившего вдумчивым ученикам совсем особое отношение к истории, к памятникам старины, к культурному наследию.

Третий, еще более глубокий пласт в книге содержит две темы. Первая — связь всего и вся, нами не осознающаяся, но вполне реальная. Четыреста лет назад, в период Ренессанса, в Польше возникла легенда о могиле Овидия в причерноморских степях, а отголосок ее можно найти не только у Пушкина («В Молдавии, в глуши степей...»), но даже у Салтыкова-Щедрина. Цитируя Теплякова, Пушкин откликнулся даже на недавние открытия французских ученых — их вывод об одновременном существовании мамонта и первобытного человека.

Другая тема — два пути познания — путь науки и путь искусства. Пушкин глядел на древности Крыма иными глазами, чем академик П.С. Паллас; мимо чего-то прошел, не останавливаясь, что-то осмотрел бегло, поверхностно, но это не помешало ему создать «свой Бахчисарай», не менее, а скорее более впечатляющий, чем тот, что предстает перед нами в результате научных изысканий. Говоря словами И.П. Павлова, он «захватывал действительность целиком, сплошь, сполна», не дробя и не собирая ее вновь из осколков, как без особого успеха⁸² делают ученые.

И самый глубинный пласт — это уже не названные прямо темы, а подтекст — тоска по культурной среде, живо и умно отзывающейся на поиски и находки ученых, чего сейчас мы не видим; и разочарование в науке, для которой порою недостижимо то, что доступно ис-

⁸² Для индивидуального, но отнюдь не для общественного сознания и тем более бытия — *Примечание составителя.*

кусству. Здесь сказывается уже чисто личностное восприятие жизни [автора], но для такой книги важно и оно.

Все эти темы должны переплетаться, не заглушая, а оттеняя одна другую, по принципу полифонии, контрапункта. Удалось ли мне это — судить не берусь, но замыслом своим я дорожу.

* * *

Особый случай так называемая научная биография. Я написал две книги в этом жанре: о своем отце зоологе А.Н. Формозове (М., 1980; 2-е, доп. изд. М., 2006) и об историке И.Е. Забелине (М., 1984; 2-е, доп. изд. М., 2001). Более краткие, но всё же не просто формальные характеристики примерно сорока ученых — археологов, биологов, историков, искусствоведов — есть в моих опубликованных книгах «Пушкин и древности» (1979; 2-е изд. 2000), «Начало изучения каменного века в России» (1983), «Следопыты земли московской» (1988; 2-е изд. 2007), статьях и неизданных «Записках русского археолога».

Какими установками я при этом руководствовался?

Первая: для того чтобы нарисовать предельно правдивый, реалистичный и рельефный портрет, надо пользоваться всеми красками, а не одной розовой; передать на полотне и свет, и тени. Бальзак в изображении Стефана Цвейга в каких-то отношениях человек смешной, нелепый, чуть ли не глупый. Но эти живописные штрихи нисколько не мешают нам увидеть в герое повествования великого писателя, глубокого знатока людей и своей эпохи.

Конечно, подобным приемом виртуозно владеют только художники ранга Стефана Цвейга, а мои неискусные попытки тем же результатом не увенчались. Где-то я сам пугался и замолкал, иногда же шел на поводу у своих первых читателей. На полях рукописи об отце его ученица Т.Н. Дунаева написала: «Прямой упрек Александру Николаевичу. Нехорошо!» А прочитав уже вышедшую книгу, географ Э.М. Мурзаев сказал мне: «По-моему, Вы отца порой обижаете, смотря на него с иронией».

Действительно, тут нужен особый такт. «Сотри случайные черты!» — учил нас Блок. Случайного и наносного в каждом человеке достаточно и, дабы оно не заслоняло главного, не только можно, но и должно о чем-то промолчать, ни на минуту не забывая о доминанте.

Спорить тут не с чем, но когда, у какой грани биографу следует остановиться, решить непросто.

Сплошь и рядом люди предпочитают красивую легенду, житие, панегирик неприкрашенному рассказу о реальной трудной жизни, не дающейся легко никому, а уж в наших условиях тем паче. Рецензент книги о Забелине М.Г. Рабинович советовал мне убрать слова о том, что Иван Егорович не знал иностранных языков; что, перевалив на девятый десяток, заметно отстал от уровня современной ему науки; и т.д. В целом мои биографические очерки скорее нравились читателям, но некоторое неудовольствие по сходным поводам я слышал неоднократно.

Второй важный для меня момент — создание твердой хронологической канвы. Это многие считают излишним или второстепенным. Между тем далеко не безразлично то, что ваш герой был несколько младше или немного старше такого-то своего коллеги или сослуживца. Это часто объясняет непростые взаимоотношения людей, воспринимаемых сегодня как деятелей одной плеяды. Совпадения во времени вроде сугубо частного поступка человека с событиями большого масштаба нередко оказывается не случайным, а обусловленным ими. Тут уже речь идет об общественно-политическом контексте и историко-культурном фоне, о чем сказано выше в очерке «Занятия историей науки».

Третье: во всех моих историографических книгах гораздо больше цитат, чем в прочих. Это можно понять как беспомощность автора, перенасытившего свой текст сырым, не переваренным материалом. Но не лучше ли увидеть в этом желание дать слово самим героям, изучаемому времени; позволить им говорить свойственным им языком. Я стремился именно к этому, памятуя замечание Шатобриана: «Не следует думать, что искусство цитации доступно всякому, даже недалекому уму, который, не находя ничего в самом себе, черпает у других. Чтобы удачно цитировать, нужно вдохновение. Память это муза или, вернее, мать муз»⁸³.

⁸³ Le conte de Marcellus. Chateaubriant et son temps. - Paris, 1859. - P. 286.

ПОСЛЕСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

«...Один из конвойных насвистывал тихо
Крамольную песню о нашей земле».

*«Вы слышали вести, ужасные вести...»
Народная песня XIX в.*

На исходе 2008 года исполняется 80 лет видному русскому ученому Александру Александровичу Формозову — археологу и историку, одному из ведущих в нашей стране специалистов по эпохам камня и раннего металла, первобытному изобразительному искусству; а также признанному основоположнику историографии русской археологии. Настоящее издание не задумывалось специально к этой дате, но по стечению ряда обстоятельств приближается к ней и это не может не порадовать большинство коллег автора настоящего сборника. Повод для радости, интереса — знакомство с целым рядом прежде не публиковавших, хотя и подготовленных автором именно для печати работ. Я лично был весьма обрадован, когда Александр Александрович наконец согласился на мои многократные просьбы последних лет собрать что-то из своих неопубликованных трудов для очередного издания.

Все они приводятся в авторской редакции. Право высказать свое мнение, тем более по вопросам, полвека находящимся в поле твоего профессионального внимания, среди лидеров нескольких поколений российского академического «олимпа», представляется несомненным. Как и право читателей соглашаться, сомневаться или возражать автору. Отстаивать свободу слова, особенно по проблемам профессиональной этики, необходимо не только в Интернете, слишком необъятном для этой цели, но и в традиционной печати.

«Составитель» настоящего издания позволил себе дополнить список печатных трудов юбиляра за годы, прошедшие после последних публикаций такового; кроме того, по ходу изложения и в этом кратком послесловии бегло прокомментировать отдельные авторские выводы.

«... Моя собственная судьба для меня не так важна, как судьба моих мыслей», — заявлял Б.Л. Пастернак. Наверное, от лица русской интеллигенции. У него (тем более у нее) было такое право. Эти слова относятся и к автору настоящего сборника. В него вошли статьи патриарха русской археологии Александра Александровича Формозова. Он принадлежит к старшему поколению представителей этой науки. Чтобы пересчитать остатки этого поколения, в особенности тех, кто сделал так много для изучения древностей, а не просто долго просуществовал за их счет, достанет, пожалуй, пальцев одной руки. Кое у кого из них дело дошло уже до публикации дневников и воспоминаний (порой в стиле «Я и Бродский»). Но не у Формозова. Как-то я, в очередной раз свидевшись с ним, взхлеб похвалил появившуюся тогда и очень мне понравившуюся книгу рабочих записей (стилизованных, разумеется) академика М.Л. Гаспарова⁸⁴. Александр Александрович в ответ поморщился: «При жизни публиковать записные книжки?..» Здравый ответ несколько остепенил меня — в самом деле, как-то не очень ловко.

Статьи из настоящего издания представляют собой выношенные, законченные работы, которые пока не видали свет по причинам, от автора не зависящим. И хотя годы написания статей и причины задержки их публикации различные (то ли авторское опасение задеть чье-то самолюбие, то ли отсутствие издателя, а то и прямой запрет власть имущих в науке), все они представляют собой некое тематическое единство. Перед нами не просто случайное объединение так называемых (еще с позапрошлого века, на немецкий манер) «мелких работ», но более или менее концептуализированное, либо персонализированное рассмотрение одной, в сущности, темы. Ее, я полагаю, можно определить как судьбы и роли отечественной интеллигенции. Хотя в этих очерках речь идет, вполне понятно, главным образом об ученых, прежде всего об археологах (но не только о них — упоминаются и естествоиспытатели, и представители смежных отраслей гуманитарного познания — филологии, искусствоведения, антропологии, этнографии в первую очередь; а кроме ученых и люди искусства), но за их биографиями и характерами просматривается коллек-

⁸⁴ Гаспаров М.Л. Записи и выписки. - М.: Новое литературное обозрение, 2001. - 416 с.

тивный портрет того социального слоя, к которому они по идее принадлежали.

Русскую интеллигенцию ее историки и теоретики либо захваливали, либо изничтожали; хоронили и снова воскрешали. При чтении этой книги А.А. Формозова может сложиться впечатление, что автор настроен чаще критически к своим собратям по цеху и общественной судьбе, что он заодно с похоронщиками русской интеллигенции. Я думаю, это не так. За формозовскими упреками и обвинениями, как правило, вполне заслуженными, видится всё же авторская солидарность с «однополчанами» — по вечной битве за русскую культуру, за гуманизм, за научную истину. Формозовский обманчиво безыскусный стиль удивительно реализует, «заземляет» такого рода высокие выражения; делает их убедительными, насущными. Это в наш-то прагматичный век «новой России». Так что я лично из чтения формозовских работ последних лет сделал для себя вывод: прав поэт, — «Есть русская интеллигенция. / Вы думали — нет? Есть...» Хотя и хворает она не шутя разными общественными недугами, как и весь наш народ. Критикуя интеллигенцию, мы верим в ее будущее, а не хороним ее. Ведь диагност, лекарь болезней еще не могильщик.

Одна из отличительных черт русского интеллигентства — личная скромность, аллергия на саморекламу, склонность к самоуничтожению, порой даже преувеличенные. Критики и оппоненты Формозова-историографа чаще всего закрывают глаза на то, что его суровые оценки распространяются им не только на отдельных коллег, но и на себя самого. Мало-мальски беспристрастные читатели это сразу понимают, и это повышает их доверие к автору. Петр Алешковский (сын известного археолога и историка М.Х. Алешковского, поначалу сам профессиональный археолог, а ныне писатель и радиоведущий) на редакционный вопрос «Какую книжку вы читаете?» не так давно отвечал так: «Я читаю только что вышедшую книгу Александра Формозова «Человек и наука. Из записей археолога». Формозов с 1951 года работает в археологии и в последнее время стал диссидентом от науки. На мой взгляд, это высокопорядочное чтение. Эта книжка о нравственности в науке — о том, как важно ученому быть скромным и честным, в каких отношениях ученый должен состоять с властью и с фактами. Это своего рода приговор сегодняшней науке, но и себе»⁸⁵.

⁸⁵ Российская газета. 2005 г. № 63. 30 марта. С. 16.

Даже тех коллег, кандидатов, докторов наук и академиков, которых наш автор беспощадно критикует, причем многих уже давно, с тех самых пор, когда критиковать, даже устно, было непозволительно, опасно, он рассматривает как *своих* коллег, пусть ему лично и еще кому-то малосимпатичных. Ну не нравится мне этот боец, но мы же с ним в одной армии, в одном полку, а порой и в одном взводе... В следующей атаке в спину я ему не выстрелю. Даже говоря о прямых предателях общего дела — в мирной науке и практике это плагиатчики, фальсификаторы источников и их покровители — автор делает это исключительно с целью предупредить, искоренить этот позор среди *наших* рядов. Никто другой не отваживается на публичную критику? Опять военной метафорой приходит на ум А.А. Вознесенский: хоть «взводик твой землю ест. / Он доблестно недвижим», / «Лейтенант Неизвестный Эрнст идет наступать один!»

В открытой печати успело выступить примерно равное число как добровольных защитников, так и добровольных и мобилизованных противников историографической позиции Формозова. Хотя наш автор в защите не очень-то нуждается (вспомним выше пассажи типа: «Не Шеру учить меня уважению к Дебецу!», «Пусть Пряхин последит за собственными публикациями!» и, главное, аргументация этаких отповедей).

«— Слыхал я байки о ведьмаках, — говорит некий персонаж гуманитарной фантастики, по национальности краснолюдек, — но чтоб положить восьмерых за неполных две минуты...

— Хвалиться нечем. Они защищаться не умели»⁸⁶.

На самом деле, и сторонников, и противников этической позиции А.А. Формозова гораздо больше, чем печатных откликов на его книги, включая упоминавшуюся выше уже не раз тенденциозную подборку отрицательных отзывов в журнале «Российская археология». Многие высказываются в кулуарах своих лабораторий или встречаясь на конференциях, кто-то бросает свое мнение в бездну Интернета. Кое-кому из коллег, даже живущих в провинции, по-дальше от столичных редакций и дирекций, тоже не нравится слишком прямолинейный тон разговора. Подоплека испуга, маскируемого «моральной» брезгливостью, проста: а вдруг обо мне, о моей диссертации, о моих раскопках выскажутся так же прямо, без экивоков?!

⁸⁶ Сапковский А. Крещение огнем. - М., 1997. - С. 145.

Обзор интернет-суждений, правда, беглый, обнаружил несколько проформозовских мнений, причем, понятное дело, молодежных. Вот типичный (более развернутый, чем другие, высказанные мелко) отзыв некоего Chibisovitch'a (2007–11–18–15:00), озаглавленный «Возвращение сталинских времен...». Как видно из начала, автор отзыва — сотрудник исторического архива. Итак, вот что он заявляет в сети: «На днях за «самоотверженную работу» по устранению последствий потопа [из-за прорыва трубы в этом архиве] получил экземпляр восьмого выпуска сборника РГАДА «Архив русской истории» (М.: Древлехранилище, 2007. 718 с.). Центральными его статьями можно считать работы А.В. Малова и О.А. Курбатова о разных периодах Смоленской войны. ... Но я не написал бы об этом сборнике, если бы в нем не было статьи Анны Леонидовны Хорошкевич, а тем более на тему апологии человека, которому я безмерно обязан и которого я очень почитаю — Александра Александровича Формозова, человека до фанатичности преданного своему делу — бескорыстному служению народу и истине (я бы сказал, «правде Его» Пс[алмы]. 7:18, ибо Александр Александрович — выходец из рода сельских, а позднее и городских священников Нижегородской губернии); человека, принадлежащего к типу людей, сходящих и в столичных местах практически сошедших со сцены — исконно русскому типу интеллигентов XIX – первой половины XX столетия.

Статья [Хорошкевич] имеет следующий подзаголовок: «"Антиформозиана" и ее подтекст. Заметки источниковеда» (с. 681–701 указанного издания). Анна Леонидовна «выступает даже не в качестве историографа, а в качестве источниковеда, анализирующего текст как летописи, посольские книги, записки иностранцев эпохи Грозного или советские газеты собственной молодости и зрелости» (с. 681) в защиту оболганного на страницах научного журнала «Российская археология» № 3 за 2006 г. (с. 165–181) пятью коллегами выдающегося ученого, «из принципа оставшегося кандидатом исторических наук» (с. 680), потому что его жизненным кредо является «мысль М.Е. Салтыкова-Щедрина о том, что «из всех наук Петровского времени наши митрофанушки усвоили только одну — таблицу о рангах... (Восстановления этого табеля⁸⁷ в 1934 году привело к погоне за степенями). Наука, наводненная митрофанушками, призванными от станка и от сохи, предельно бюрократизировалась» (с. 697). Автор сравнивает

⁸⁷ Изначально женский род этого слова как-то незаметно перешел на моей просторечной памяти в мужской, так что не поправляю автора цитаты — *Примечание составителя.*

Александра Александровича с С.С. Аверинцевым (с. 687). Также Анна Леонидовна пишет: «По-видимому, антиформозовцы предполагают, что наукой должны заниматься лишь хорошо знакомые, не стыдящиеся афишировать своей близости к власти имущим и принадлежащие к определенному «клану» доверенных людей...» (с. 686). Вот как свежеиспеченный член-корреспондент РАН Е.Н. Черных отзывается о Н.И. Вавилове: «Употреблять по отношению к нему прилагательное «великий» или «выдающийся» — дело вкуса». Вероятно, скорее совести и политико-идеологической ориентации. Ибо если бы он уважал себя и помнил поношения Н.И. Вавилова от следователя Хвата, заявившего ученому-энциклопедисту, что тот «мешок дерьма, а не академик», то такого не осмелился бы написать». Далее цитируемый блоггер приводит еще страницу выписок из рецензии А.Л. Хорошкевич, выводы которой он разделяет.

Среди отзывов в печатных средствах массовой информации действительно выделяются статьи двух ученых дам. Первая из них — уже названная А.Л. Хорошкевич — опубликовала сначала рецензию на монографию об археологах при тоталитаризме, а затем рецензию на рецензии в «Российской археологии». Из этого отклика я лучше понял, что имел в виду учитель Хорошкевич Александр Александрович Зимин, в своих неопубликованных пока воспоминаниях «Храм науки» назвав очерк о ней «Разбойница Аська». «Кровь! — Говаривал писатель — Кровь всегда скажется...». И семейная, и академическая родословные Анны Леонидовны не дали ей промолчать.

Если эти статьи Хорошкевич выделяются своей академической укорененностью, то отклик Мариэтты Омаровны Чудаковой — своей широковещательностью. Оказалось, что «Новую газету» (включая интернет-версию), где опубликованы ее «Разговорчики в струю...», читает еще довольно много представителей интеллектуальных профессий (Невзирая на избирательный крах СПС). Обсуждая проблему оценок советской цивилизации и ее сравнения с нынешней российской, Чудакова затрагивает интересующий нас здесь пример. «Когда А.А. Формозов, известный российский археолог, принес в свой институт рукопись книги «Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки», руководство печатать ее отказалось — поскольку «такой эпохи не было». Издатель нашелся (вот в этом значении [конституционной] статьи, гласящей «Цензура запрещается»). Автор же книги, по его словам в предисловии, хочет «понять, как в годы тоталитаризма жили, работали и сумели немало сделать наши ученые» — далеко не только археологи. Точка отсчета у него — эти-

ческая. Он дает редкую по степени открытости реальную картину, показывая, как одни и те же люди делали открытия в своей области — и губили людей; как «новые руководители Академии подталкивали молодежь к нападкам на учителей, коллег, товарищей». А нападки эти чаще всего кончались, как это было известно нападающим, лагерь или пулей в затылок. ... Такого ему не простили коллеги. На эту и две последующие книги Формозова (кстати сказать, ... увлекательно написанные) в одном из номеров журнала «Российская археология» ... появилось сразу пять разносных, в знакомом духе исполненных рецензий. ... «Но где же альтернативная концепция? В ответ нашему автору одна старая казенщина: «У нас все всегда было хорошо. И при царе-батюшке, и при Иосифе Виссарионовиче, и при Леониде Ильиче (1970-е – 1980-е годы, между прочим, любимое время многих наших ныне здравствующих археологов и прочих гуманитариев: дескать, никого не сажали, деньги шли без задержки тем ученым, кто играл по советским правилам, чего же еще нашему брату надо?). Ну, а сейчас-то всё так прекрасно, что и желать нечего, — несмотря на все проблемы с гибелью памятников истории и культуры и т.д.». Так будем ли мы пытаться понять и описать минувшую эпоху? Если нет — ауспиции весьма печальны»⁸⁸.

Как говорится в той же литературе «фэнтези» по сходному поводу, «прекрасный удар... Склоняю голову пред ловкостью и красотой свободных воительниц...»⁸⁹

А.А. Формозов и его защитники правы и в том, что его историографические наблюдения касаются далеко не только одной археологии. Вот одно из многих подтверждений тому, относящееся совсем к другой ученой «касте» — филологам, литературоведам. Н.В. Брагинская отзывается на работу своего коллеги К.А. Богданова по «филологической советологии» («Новое литературное обозрение». 2006. № 78. С. 85). Прочитую «в свою тему» начало ее отзыва: «Подъяремное состояние советской науки не гарантирует нынешнему ее историку ни морального, ни даже чисто научного превосходства». Так и в указанной статье Богданова Брагинской «не нравится всё — тон, аморфность, отсутствие сколько-нибудь отчетливого интеллектуального сюжета. Автор излагает, как было дело. Рассказывает. Нет ничего неясного, никаких затруднений и вопросов к самому себе. Сначала

⁸⁸ Чудакова М.О. Разговорчики в струю. О чем говорили между собой советские историки и что забывают российские // Новая газета. - 2007. - № 73. 24–26 сентября.

⁸⁹ Сапковский А. Ведьмак. - М.–СПб., 1996. - С. 296.

теоретический реферат «коннотаций научного консенсуса», а потом вместо истории науки рассмотрение «руководящих» в те или иные советские периоды слов и понятий, научных «лозунгов», как, например, «практика» и «эпичность». Сквозь густой частокол науковедческой терминологии и отсылок к обширнейшей литературе и самым свежим теоретическим книжкам просвечивает, однако, старомодный костюм «советолога».

В горбачевский и ранний постсоветский период публикации по истории науки строились в основном с позиции жертв покосившегося и, казалось, наконец рухнувшего режима. Но упрощенная концепция ретроспективной жалобы была, по крайней мере, оплачена личной или поколенческой судьбой. В статье К. Богданова вовлеченность автора в контекст того, о чем он пишет, неощутима. Но это не радует, потому что не прибавляет ни объективности, ни сложности, только холода. Специфическое снисходительное презрение. Я хотела бы противопоставить этому отношению к советскому прошлому книги А.А. Формозова о советской археологии, о русской науке в период тоталитаризма, где сочетаются беспощадность и благородство, огромный охват материала и внимание к каждому маленькому достижению краеведа. Да, Формозов не увлекается науковедческими теориями, но что за прок от методологической продвинутости К. Богданова, если он пишет о мифологичности советской науки, сам исповедуя постсоветские мифы?»⁹⁰

Легко подобрать аналоги раскритикованным А.А. Формозовым и защищаемым его оппонентами явлениям в академических и университетских сферах любого направления нашей науки. Вот, скажем, «чистые» историки. Из упоминаемой выше «устной историографии» (пока устной). В петербургском Институте истории, бывшем филиале московского академического Института российской истории, недавно на заседании Ученого совета прозвучало предложение снять институтский гриф с дальнейших выпусков книг Б.Н. Миронова. Они-де не отвечают идеологии учреждения, где он работает. В ответном слове автор новаторских, не имеющих аналогов по своему значению для отечественной историографии изданий⁹¹, объявил руководство института «кликой» и потребовал оградить его от совершенно противо-

⁹⁰ Брагинская Н.В. Лукавая буква // Новое литературное обозрение (интернет-версия).

⁹¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Тт. 1–2. - СПб., 2003.

правных и безнравственных предложений.

Знакомые ноты? То-то. А вы говорите, археология, Формозов. Общество, власть, наука. Будущее.

Еще несколько интернетовских отзывов кого-то из научной молодежи.

«Восхитительно! Всему молодому поколению рекомендую: А.А. Формозов. «Русские археологи до и после революции». – М., 1995. Там сразу понятно, откуда у кого ноги растут. И про теоретическую археологию в принципе, и в лицах, и в школах; и про истмат как он есть. Читается на одном духу».

«Сказать, что эта книга очень сильно меня задела, — значит ничего не сказать, но так оно и есть. Прочитавши ее, я всё сразу понял про «кризис науки», просто всё — «от и до».

«Эта книга не всем по теме, но надеюсь всё же будет полезна окружающим; по крайней мере, автор внес свою лепту в то, что можно назвать "дискурсом о кризисе науки"».

«Начал было писать свою рецензию на эту книжку, но на второй странице неожиданно остановился и подумал, что хочу услышать мнение не двух-трех посвященных, коих уже опросил, а несколько более широкого круга людей...»⁹².

«В 2004 г. в курском издательстве вышла книжка тиражом 400 экз.: А.А. Формозов. «Рассказы об ученых». Слушайте, отличная штука. Автору надоело читать заглянцованные биографии («замечательный лектор», «добрый и отзывчивый человек»), «упорный исследователь», «огромный талант» и т.п.), и он захотел написать книгу о том, какие бывают нормальные ученые. То есть — настоящие, конечное дело, молодцы, но — могут соврать, могут хвастать, могут лениться, — а могут и наоборот — чего-то героически-авантюрное учинить и совсем даже неосторожное». Далее этот доброволец «живого журнала» толково резюмирует очерки о Срезневском и Дюбуа; Грановском и Григорьеве; Богданове, С.М. Соловьеве, о К.С. Мережковском. «Вот такие истории — о разных ученых».

А вы (бедные мои собраты интеллигенты «постшестидесятники») думали, что сейчас никто ничего не читает... Честное и яркое слово всегда отзовется в душах тех, кто этого слова достоин.

О «Русских археологах в период тоталитаризма»: «Хорошая книга по истории науки. Мне кажется, вот из таких книг, по отдель-

⁹² <http://qwercus.narod.ru/zz/formozov.htm>

ным наукам, которые еще могут быть охвачены одним автором, и должна, как из кирпичиков, строиться общая история науки. ... Автор не боится показать, чего стоят авторитеты, и в то же время не страдает зудом «разоблачения» ради самого процесса разоблачения. Видно, кто расстрелян, кто сел, кто предан и кто предавал. Мне, например, было приятно удостовериться, что общие черты и этапы — те же, что видел на примере истории биологии в России. Если на совсем другой, гуманитарной дисциплине общие закономерности выполняются — это уже интересно... Несколько таких хороших книг, когда без замазывания и ненужных славословий, несколько наук, находящихся в очень разном положении, — и даже общие контуры всего процесса начнут проглядывать». Дальше опять же толковые выводы о том, как в разные периоды разные типы ученых реагируют на идеологическое насилие власти.

О втором издании биографии отца: «Первое издание вышло в 1980. Это, на мой взгляд, лучшая книга об А.Н. Формозове. В первом издании были сняты многие острые моменты. Александр Александрович пытался рассказать об отце не глянцевою историей, сделать книгу о внутренней жизни крупного ученого и, конечно, задел многих людей лично, а многих [других] — в связи с высказываемыми теоретическими положениями. Во втором издании эти выпущенные куски восстановлены. Книга крайне интересна — в ней действительно осуществлено то, к чему пытаются пробиться писатели: дан намек на тайну чужой души. И при этом — в связи с развитием целого течения науки XX века».

А вы (например, сотрудники курского музея археологии) уверяли меня, составителя, что формозовские книги, особенно малотиражные, мало кто читал. Ан, нет. Все, кому надо, как раз и читали.

Приводя здесь некоторые отзывы в поддержку Формозова, я, как и многие другие читатели его публикаций, радуюсь умножению единомышленников. Но не во всем соглашаюсь и с ними. Мои возражения «однополчанам», правда, касаются частностей. «Фанатичность Формозова в защите науки и народа». Да не ощущаю я фанатизма. Юмор, иронию, огорчение, всё искреннее, да, видывал, читывал. По отношению и к науке, и к народу. Не более, но и не менее того.

«Истинный патриот России». В общем-то, да. Удивительно, что уже в своих книгах 1960-х – 1970-х годов, когда всё и вся у нас было только советское, Александр Александрович везде писал: «русский»

(народ, ученый). И как только это публиковали тогда! А ведь правильно. «Российская» то у нас государственность, а культура русская. Несмотря на множество инородцев и по соседству, и внутри самой русской нации. Русские в своей культуре переплавили все влияния предшественников и соседей, помогли им сделать цивилизационный рывок. Да, были и штыки, и пули. Но для покорения и поддержания порядка, для защиты, в конечном счете, а отнюдь не для геноцида, как у иных империй. Были ведь не только солдаты, но и врачи, и инженеры, и ученые из Центральной России во всех углах ее империи. Так что патриотизм Формозова представляется мне более реалистичным и плодотворным, нежели среди упоминаемых им (выше, в очерке о русской интеллигенции) неозападников и неославянофилов. На мой взгляд, и у нынешних либералов, и у «русской партии» есть свои весомые резоны, но всё же это идеологические крайности. Формозову же — редкий случай — удастся подняться над идеологией, которая чаще всего есть превращенное, отчужденное сознание.

«Христианско-православные установки Формозова; его верность христианским традициям». Еще того не легче... На мой посторонний взгляд, ни сам Александр Александрович (в результате четвертьвекового личного и эпистолярного общения с ним), ни его отец Александр Николаевич (по чтению его книг и воспоминаний о нем), ни даже их предки — нижегородские священнослужители (как это ни парадоксально звучит), не отличались какой-то особой религиозностью. Я понимаю, для многих и прежде, и теперь добро и истина тождественны христианству. Отсюда и соответствующая реакция на правдолюбца А.А. Формозова. Однако православие уже настолько растворилось в воздухе России, что, чтобы дышать им и жить по его заветам, незачем обязательно воцерковляться. Чтобы быть праведником, не всегда обязательно впадать в набожность, по примеру слишком многих недавних коммунистов. Да и насколько канонизированное христианство тождественно настоящей морали, это еще вопрос (но не здесь место его обсуждать).

Еще скажу относительно размеров и содержания жизненного опыта нашего автора и меры риска, им пережитого («Кто дал право А.А. Формозову судить нас?..»). Так вот: «Не где пулеметы радеют, / Не только во время атак, / Бывает, что за ночь седеют, / За миг, за решительный шаг. // Земля дорога и сурова / Не только для бравых солдат / Седеют за честное слово / И за / Неопущенный взгляд...», —

писал поэт, в общем-то чуждый автору этой книги по мировоззрению⁹³. Если вспомнить эти строки, станет понятнее, что историографические книги А.А. Формозова составили не только события в науке, но и гражданские поступки; не только факты истории общественного сознания второй половины прошлого – начала нынешнего веков, но и одни из первых моментов становления того самого гражданского общества, которое некоторые придворные политологи поспешили сегодня объявить исконно чуждым русскому менталитету. Вот вам и право.

Хотя я — доктор философских наук, а Формозов «только» кандидат исторических, но настоящий философ не я и не множество моих собратьев по бывшим кафедрам «марксистско-ленинской философии и научного коммунизма», а Александр Александрович. Потому что мы всю жизнь повторяем как попугаи то, что понапридумывали «классики» (а теперь «постмодернисты»), а он на своем специфическом материале всегда мыслил самостоятельно и обобщенно. Усматривал за лицом — положение, за былым — вечное, за мелким — принципиальное (особенно наглядно для широкого читателя — в очерках об археологии пушкинской поры, но далеко не только в них).

* * *

Допущу в заключение лирическую ноту. Как известно, полевая археология, как и любые другие экспедиции, поощряет самодеятельную песню. Загляните в Интернет — он вобрал в себя песенный фольклор многих региональных экспедиций. Есть и печатные его издания. Для эпиграфа к своему самозваному послесловию я выбрал строки из старой революционной песни. Она сочинена кем-то, теперь уже неизвестным, явно в пропагандистских целях еще в позапрошлом веке. Но дошла в изустной традиции до наших дней. Ее любили петь и слушать археологи того поколения, к которому принадлежит А.А. Формозов. Например, Даниил Антонович Авдусин (по свидетельству его ученика В.В. Енукова). На мой взгляд, текст этой песни как-то отражает идеологию, философию настоящего издания избранных статей из личного архива замечательного русского ученого, ветерана нашей археологии и истории — Александра Александровича Формозова.

⁹³ Солоухин В.А. Стихотворения. - М., 1990. - С. 275.

Итак, один из вариантов любимшейся нам почему-то песни.

Вы слышали вести, ужасные вести
О том, что солдаты вчера на заре
Схватили бродягу за грешные песни,
Крамольные песни о нашей земле.

Откуда он родом — того не известно,
Но знал его город, и знали в селе.
Судили бродягу — обычное дело,
Привычное дело на нашей земле.

А он так спокойно стоял под расстрелом —
Как судьи решили, как Бог повелел.
Убили бродягу — обычное дело,
Привычное дело на нашей земле.

Об этом не плакать гласили указы.
Повсюду жандармы сидели в седле.
Убили бродягу и думали сразу,
Замолкнут те песни о нашей земле.

Под вечер собрались в дешевом трактире
И долго стояло вино на столе.
Один из конвойных насвистывал тихо
Крамольную песню о нашей земле...

* * *

Как пелось в тех песнях бродяги бывшего —
Свобода варилась в кровавом котле.
А мы вспоминаем всё снова и снова
Крамольные песни о русской земле.

*С.П. Щавелёв.
9 мая 2008 г.*

Приложения

1. Список публикаций А.А. Формозова 2004 – 2007 годов⁹⁴

315. А.К. Толстой и А.С. Уваров // Уваровские чтения – V. Муром, 2003. – С. 244–245.
316. Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. – 2004. – № 2. – С. 173–180.
317. Историография русской археологии на рубеже XX – XXI веков (Обзор книг, вышедших в 1997–2003 годах) // В кн.: *Формозов А.А. Историография русской археологии на рубеже XX – XXI веков.* – Курск, 2004. – С. 10–54.
318. К истории исследования Авдеевской палеолитической стоянки // Там же. С. 54–63.
319. Следы знакомства с «Историей» Геродота в древнерусской литературе // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. Сборник статей памяти *В.В. Волкова.* – М., 2004. – С. 187–188.
320. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. – М.: Знак, 2004. – 316 с.
321. Исторические сочинения Н.Г. Леклерка и П.Ш. Левека и русская историография // Восточная Европа в средневековье. Сборник к 80-летию *В.В. Седова.* – М., 2004. – С. 57–58.
322. Рассказы об ученых. – Курск: КГМУ, 2004. – 122 с.
323. Человек и наука. Из записей археолога. – М.: Знак, 2005. – 223 с.
324. История раскопок палеолитической стоянки Староселье // На пошану *С.С. Березаньскої.* – Київ, 2005. – С. 30–37.
325. Судьба «Записок» историка С.М. Соловьева // От древней Руси к новой России. Юбилейный сборник, посвященный *Я.Н. Щапову.* – М., 2005. – С. 352–360.

⁹⁴ Дополнение к перечню, помещенному в двух сборниках: Список публикаций Александра Александровича Формозова / Сост. *Н.В. Лопатин* и *С.В. Кузьминых* // Проблемы первобытной археологии Евразии (К 75-летию А.А. Формозова) / Ред. и сост. *В.И. Гуляев* и *С.В. Кузьминых.* – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 13–22; Библиография А.А. Формозова // Невский археолого-историографический сборник. К 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова / Отв. ред. *А.Д. Столяр.* – СПб.: изд-во СПбГУ, 2003. – С. 6–23.

326. Люди ищут клады // Послесловие к кн.: *Бердинских В.А.* История кладоискательства в России. – М.: Захаров, 2005. – С. 234–238.
327. Александр Владимирович Виноградов // Российская археология. – 2005. – № 3. – С. 186–189 (Совместно с *Л.Т. Яблонским*).
328. Триада жизнедеятельности А.Д. Столяра // *In situ*. К 85-летию *А.Д. Столяра*. – СПб., 2006. – С. 4–9.
329. Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. Изд. 2-е, доп. – М.: Знак, 2006. – 342 с.
330. Слово об историке; Письма к В.А. Бердинских. 1987 г. // В кн.: *Бердинских В.А.*: историк и писатель. Библиографический указатель. – Киров, 2005. – С. 8–9, 66–68.
331. Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста. Издание 2-е, дополненное. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 208 с.
332. Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Издание 2-е, дополненное. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007. – 183 с.
333. К истории баллотировки В.А. Городцова на выборах в Академию наук СССР в 1938 г. // *ΕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ*. Антиковедческо-историографический сборник, посвященный памяти *Ярослава Витальевича Доманского* (1928–2004). – СПб.: Нестор–История, 2007. – С. 251–258.
334. О письмах Гектора Берлиоза к В.Ф. Одоевскому // Там же. С. 279–282.
335. Ответы на анкету «Историки России. Особенности научной работы» // В кн.: *Бердинских В.А.* Вятские историки. Ремесло историка в России. – Киров (Вятка), 2007. – С. 206–210.

2. А.А. Формозов

// Историки Курского края. Библиографический словарь *

Видный русский археолог и историк, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (до выхода на пенсию в конце 2003 г.).

Родился в 1928 г. в Москве. Из семьи научных работников: отец — выдающийся биолог, один из основоположников экологии и зоогеографии, профессор МГУ, известный писатель и художник-анималист Александр Николаевич Формозов (1899–1973); мать — доктор геолого-минералогических наук Любовь Николаевна Формозова (1903–1990).

Ещё будучи школьником, в 1944 г., сделал свои первые археологические находки, участвуя в геологической экспедиции в Приаралье, и в 1945 г. опубликовал сообщение о них. В 1946–1951 гг. учился на историческом факультете МГУ, специализируясь на кафедре археологии, которой тогда заведовал член-корр. АН СССР А.В. Арциховский. В 1951–1954 гг. — в аспирантуре ИИМК (ныне Институт археологии РАН). В 1954–2003 гг. — научный сотрудник этого Института. В становлении личности ученого большую роль сыграло многолетнее общение с археологами А.В. Арциховским и С.Н. Замятниным, историком А.А. Зиминим и искусствоведом В.Н. Лазаревым, увлечение классическим искусством и литературой.

В 1952–1956 гг. проводил раскопки стоянок каменного века в Крыму; в 1957–1963 и в 1969 гг. — поселений каменного и бронзового веков на Кавказе. В историю мировой археологической науки прочно вошли его открытия на пещерных стоянках эпохи мустье Староселье, Кабази, Навес в Холодной Балке; неолитической стоянки Кая-Арасы в Крыму; открытие позднего палеолита в пещерах Прикубанья; серии энеолитических поселений неизвестного ранее типа в Краснодарском крае (Мешоко, Ясенова Поляна, Хутор Весёлый, Скала, Хаджох). Итоги полевых работ А.А. Формозова освещены в его монографиях: «Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите» (1958), «Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа» (1962), «Каменный век и энеолит Прикубанья» (1965).

* Из подготовленного мной к печати 2-го, исправленного и дополненного издания кн.: Стародубцев Г.Ю., Щавелёв С.П. Историки Курского края. Биографический словарь. — Курск, 1998 — *Примечание составителя.*

Значителен вклад А.А. Формозова в разработку концептуальных проблем первобытной истории человечества, начальных этапов развития культуры. Благодаря в том числе и его трудам была преодолена долгое время господствовавшая в советской археологии надуманная «теория» Н.Я. Марра и его последователей о стадильности древних обществ, отрицавшая их культурно-историческую специфику. Как отмечено в действующем университетском учебнике В.П. Алексеева и А.И. Першица «История первобытного общества» (М., 2005), А.А. Формозов «аргументировал гипотезу, в соответствии с которой четкие локальные различия появились лишь в эпоху верхнего палеолита, и разработал локальную типологию для территории Европейской части СССР». Это было сделано им в монографиях «Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке» (1959), «Проблемы этнокультурной истории каменного века Европейской части СССР» (1977).

В 1963–1968 гг. объехал весь ареал древних наскальных рисунков на территории СССР, лично изучив петроглифы в их наиболее важных концентрациях. На основе собранного полевого материала и полного изучения литературы вопроса создал оригинальную концепцию развития искусства в каменном веке. Результаты этих исследований выражены им в книгах: «Памятники первобытного искусства на территории СССР» (2 издания: 1966, 1980), «Очерки по первобытному искусству» (1969), «Наскальные изображения и их изучение» (1987).

В 2002 г. в серии «Научно-популярная литература» издательства «Наука» увидела свет его книга «Древнейшие этапы истории Европейской России». В ней впервые не только в общедоступной, но и в научной литературе даны систематические очерки заселения Восточной Европы первобытными людьми и о дальнейшем развитии их культуры вплоть до I тыс. н. э. — начала железного века, о котором сохранились первые известия в письменных источниках. Рассмотрены история экономики, быта, искусства древнейших социумов нашей Родины, формирование существующих до сего дня языковых и антропологических групп. Проанализировано влияние материальной и духовной культуры тех далеких эпох на дальнейший ход исторического развития России.

С конца 1960-х гг., оставив полевые изыскания, сосредоточился на проблемах историографии отечественной науки и культуры. Отдельные события и лица в развитии русской археологии рассмотрены

им на широком историко-культурном фоне в связи с политикой, идеологией, менталитетом отдельных эпох. Об этом его книги «Очерки по истории русской археологии» (1961), «Пушкин и древности. Наблюдения археолога» (1979; 2-е, доп. изд. 2000), «Начало изучения каменного века в России. Первые книги» (1983), «Историк Москвы И.Е. Забелин» (1984), «Страницы истории русской археологии» (1986), «Следопыты земли московской» (1988; 2-е, перераб. и доп. под названием: «Исследователи древностей Москвы и Подмосковья», 2007), «Русское общество и охрана памятников культуры» (2-е изд. 1990), «Русские археологи до и после революции» (1995), «Классики русской литературы и историческая наука» (1995); серии статей в журналах «Вопросы истории», «Природа», «Советская / Российская археология», «Знание — сила» и др.; материалах ряда научных конференций и сборниках научных работ.

А.А. Формозов не только сам написал целую библиотечку работ о прошлом русской науки о древностях, но и организовал неформальный кружок исследователей той же тематики из разных городов страны. Их работы были отредактированы им и сведены в три выпуска «Очерков истории отечественной археологии» (М., 1991; 1998; 2002). Он же участвовал в составлении и редактировании замечательного издания — «Антологии советской археологии» в трех томах (М., 1995–1996).

Следует особо отметить то направление историографических работ А.А. Формозова, что связано с увековечиванием памяти о научных заслугах его отца: на основе обработанного им архива А.Н. Формозова составлена его научная биография и подготовлено издание его избранных научно-художественных произведений «Среди природы». К сожалению, при публикации упомянутой биографии в условиях советской цензуры были опущены сведения о противодействии А.Н. Формозова лысенковскому регрессу в отечественной биологии. Эти материалы удалось отчасти включить в новое, переработанное издание: «Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста» (М., 2006).

Логичным продолжением размышлений А.А. Формозова над судьбами русской науки и культуры, о проблемах этики научного исследования стали книги последних лет: «Рассказы об ученых» (Курск, 2004); «Русские археологи в период тоталитаризма» (М., 2004; 2-е изд. 2006); «Человек и наука. Из записей археолога» (М., 2005). Они вызвали заинтересованное обсуждение в среде нынешних

ученых-гуманитариев, отчасти отраженное в периодической печати, в Интернете. Авторским послесловием к данной полемике является и курское издание его же «Статей разных лет», приуроченное к 80-летию ученого.

В изучении археологии Курского края А.А. Формозов непосредственно участвовал в составе Деснинской экспедиции под руководством М.В. Воеводского на раскопках в Авдееве и Липине под Курском (1947–1948). Тогда им были разведаны местонахождения палеолита у соседней д. Сорокиной; а совместно с А.Е. Алиховой найдены материалы неолита, бронзы, раннего железа и раннего железа на дюнах по течению Сейма в отмеченном районе; вместе с П.И. Засурцевым и Р.Л. Розенфельдтом велись раскопки на Липинском городище.

В его трудах по истории русской археологии затрагиваются некоторые курские реалии и лица, в том числе отдельные представители областной историографии (В.К. Гутцейт, Д.Я. Самоквасов, краеведы 1920-х гг. и др.).

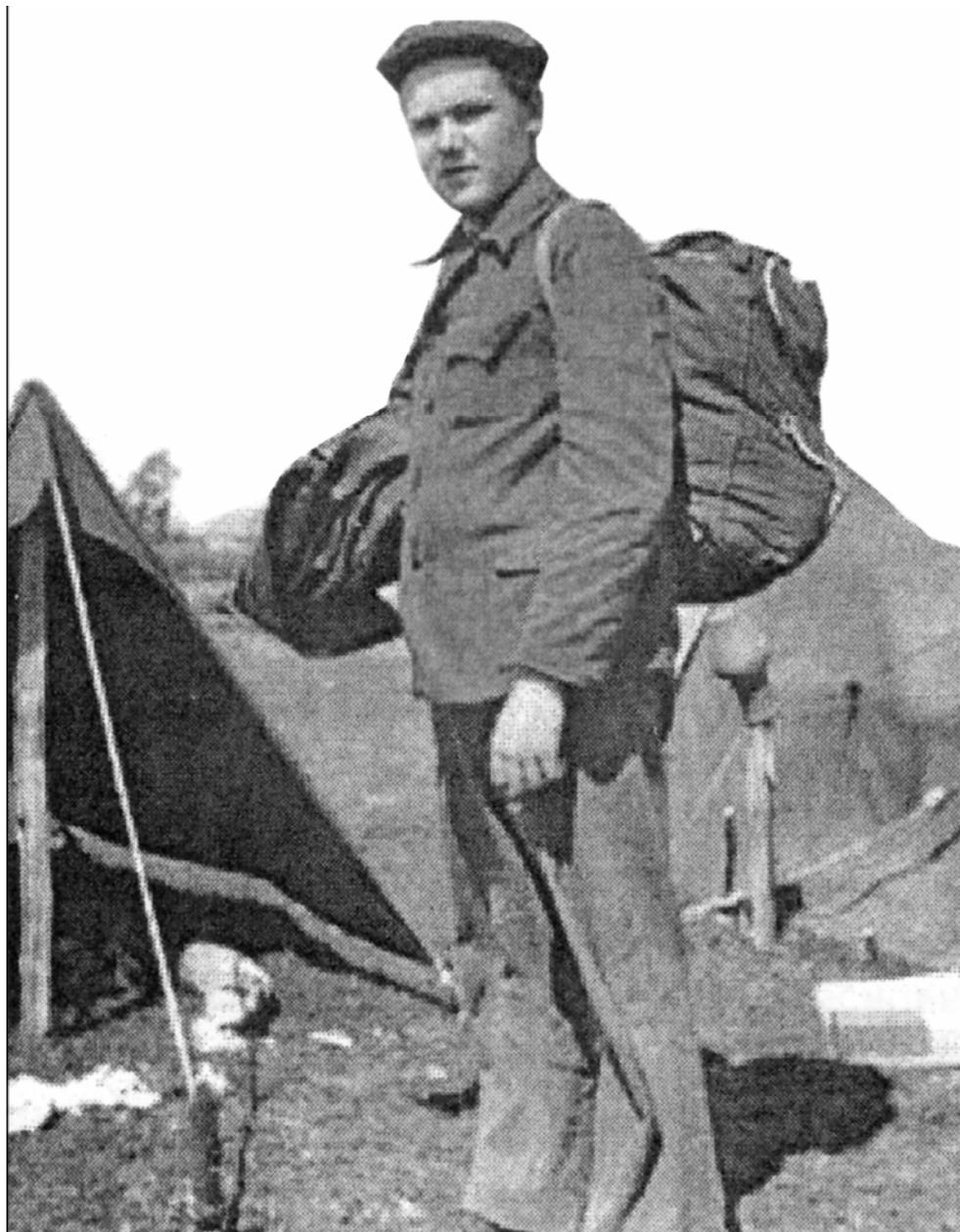
Сочинения: Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане // Вестник Казахского филиала АН СССР. – Алма-Ата, 1945; Стоянка Песочный Ров на реке Десне (К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы) // КСИИМК. Вып. 35. – М., 1950 (В соавторстве с *М.В. Воеводским*); Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. Вып. 36. – М., 1951; К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. Вып. 39. – М., 1951; Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. – 1953. – № 1; Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите. – М., 1958 (МИА. № 71); Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. – М., 1959; Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. – 1959. – № 2; Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. – 1960. – № 2 (В соавторстве с *А.Д. Столяром*); Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа // МИА. – 1962. – № 102; Каменный век и энеолит Прикубанья. – М., 1965; Памятники первобытного искусства на территории СССР. – М., 1966; Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. – М., 1969 (МИА. № 165); Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. – М., 1977; Александр Николаевич Формозов (1899–1973). –

М., 1978; К проблеме «очагов первобытного искусства» // СА. – 1983. – № 3; Страницы истории русской археологии. – М., 1986; Наскальные изображения и их изучение. – М., 1987; Русское общество и охрана памятников культуры. 2-е изд. – М., 1990; О периодизации истории отечественной археологии // РА. – 1994. – № 4; Русские археологи до и после революции. М., 1995; П.Н. Милюков и археология // РА. – 1995. – № 2; С.В. Киселёв — советский археолог 1930-х–1950-х гг. // РА. – 1995. – № 4; О книге Л.С. Клейна «Феномен советской археологии» и о самом феномене // РА. – 1995. – № 3; Классики русской литературы и историческая наука. – М., 1995; К столетнему юбилею В.И. Равдоникаса // РА. – 1996. – № 3; М.Е. Фосс и проблема неолитических культур // Очерки истории отечественной археологии. – М., 1998; Пушкин и древности. Наблюдения археолога. 2-е изд. – М., 2000; Муромские исследователи каменного века // РА. – 2001. – № 2; Древнейшие этапы истории Европейской России. – М., 2002; О Татьяне Сергеевне Пассек // РА. – 2003. – № 3; Вспоминая В.И. Цалкина // Новейшие археозоологические исследования в России. К столетию со дня рождения В.И. Цалкина. – М., 2003; А.К. Толстой и А.С. Уваров // Уваровские чтения – V. Муром, 2003; Роль Н.Н. Воронина в защите памятников культуры России // РА. – 2004. – № 2; Историография русской археологии на рубеже XX – XXI веков. – Курск, 2004; Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. – М., 2004; Исторические сочинения Н.Г. Леклерка и П.Ш. Левека и русская историография // Восточная Европа в средневековье. Сборник к 80-летию В.В. Седова. – М., 2004; Рассказы об ученых. – Курск, 2004; Человек и наука. Из записей археолога. – М., 2005; История раскопок палеолитической стоянки Староселье // На пошану С.С. Березаньскої. – Київ, 2005; Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки. Изд. 2-е, доп. – М., 2006; Александр Николаевич Формозов. Жизнь русского натуралиста. Изд. 2-е, доп. – М., 2006; Исследователи древностей Москвы и Подмосковья. Изд. 2-е, доп. – М., 2007.

Литература: *Береговая Н.А.* Палеолитические местонахождения СССР. – М.–Л., 1961 (МИА. № 81); *Лебедев Г.С.* История отечественной археологии. – СПб., 1992; Александр Александрович Формозов. Библиография. К 50-летию научной деятельности. – Киров, 1994; *Клейн Л.С.* Парадигмы и периоды в истории отечественной археологии // Санкт-Петербург и отечественная археология. – СПб., 1995; *Щавелёв С.П.* [Рец. на кн.:] *А.А. Формозов.* Классики русской

литературы и историческая наука // ВИ. – 1998. – № 5; *Каменецкий И.С.* Александру Александровичу Формозову 70 лет // РА. – 1999. – № 1; *Кузьминых С.В.* К 75-летию со дня рождения А.А. Формозова // РА. – 2004. – № 1; *Щавелёв С.П.* [Рец. на кн.:] *Формозов А.А.* Древнейшие этапы истории Европейской России. – М., 2002 // ВИ. – 2004. – № 3; *Его же.* От редактора (Рассказ об авторе «Рассказов об ученых») // *Формозов А.А.* Рассказы об ученых. – Курск, 2004; *Его же.* Новые книги А.А. Формозова по истории и теории русской археологии (2004–2005). – Курск, 2006.

Иллюстрации

Деснинская экспедиция М.В. Воеводского. 1947 г. А.А. Формозов – студент второго курса истфака МГУ. Перед разведочным маршрутом.

С. Авдеево Курской области. 1947 г. На раскопе палеолитической стоянки. Слева направо: М.Д. Гвоздовер, А.А. Формозов, Ю.А. Липкинг, М.В. Воеводский.

Там же. Слева направо: М.В. Воеводский, Л.Б. Артишевская,
А.А. Формозов.

Обед в лагере Авдеевской экспедиции.
А.А. Формозов сидит первым справа

Осмотр наскальных рисунков Залавруги. 1965 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук.

ВИ — Вопросы истории.

ГИМ — Государственный Исторический музей.

ИИМК — Институт истории материальной культуры.

КГМУ — Курский государственный медицинский университет.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии.

ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

РА — Российская археология.

РАН — Российская академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

РГГУ — Российский государственный гуманитарный университет.

с. — село.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	5
Заметки о русской интеллигенции 1940-х – 2000-х годов	6
Русская археология на грани XX – XXI веков	24
К спорам о моих публикациях 2004–2005 годов	49
О Борисе Сергеевиче Жукове (материалы к биографии)	71
Из книги «Человек и наука» (не публиковавшиеся очерки)	85
I. Занятия историей науки	85
II. Записи о прошлом	90
III. О научно-популярных книгах	94
Послесловие составителя	103
Приложения	
1. Список публикаций А.А. Формозова 2004–2007 годов	116
2. А.А. Формозов // Историки Курского края. Библиографический словарь	118
Иллюстрации	124
Список сокращений	129

Издательство Курского государственного медицинского университета.
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3.

Лицензия ЛР № 020862 от 30.04.99 г.
Тираж 150 экз.

Отпечатано в типографии КГМУ.
305041, г. Курск, ул. К. Маркса, 3.

Заказ № 95.

ISBN 978-5-7487-1265-1

9 785748 712651

